

C 1

LITERARY AND IDEOLOGICAL HERITAGE OF
PETER VASILEVICH VERIGIN

by

THEODORE MATTHEW KARPOFF

B.A., B.D., M.A., University of Alberta, 1935
D.D., Union Theological College, 1968

A THESIS SUBMITTED IN PARTIAL FULFILMENT OF
THE REQUIREMENTS FOR THE DEGREE OF

MASTER OF ARTS

in the Department of

SLAVONIC STUDIES

We accept this thesis as conforming to the
required standard

THE UNIVERSITY OF BRITISH COLUMBIA

June, 1973

In presenting this thesis in partial fulfilment of the requirements for an advanced degree at the University of British Columbia, I agree that the Library shall make it freely available for reference and study. I further agree that permission for extensive copying of this thesis for scholarly purposes may be granted by the Head of my Department or by his representatives. It is understood that copying or publication of this thesis for financial gain shall not be allowed without my written permission.

Theodore Matthew Karpoff

Department of Slavonic Studies

The University of British Columbia
Vancouver 8, Canada

Date June, 1973

ABSTRACT

In 1839 the Doukhobors in Russia were accused of heresy. By the decree of Tsar Nicholas I, they were expelled from Novorossiisk province to the region beyond the Caucasus. Nineteen years later, in 1858, Peter Verigin was born in a "peaceful and pious" Doukhobor family home in the village of Slavianka in Yelizavetpolsk province. (Thesis, p. 33.)

Because of persecutions, the Doukhobors left Russia and migrated to Canada. From 1898 to 1902 they settled in Saskatchewan, and in 1907 in British Columbia. Misunderstanding between the Canadian authorities and the Doukhobors followed. Canada's official representative, Johnson MacDougall, insisted that titles to the homestead land could be granted not to the commune as a whole but only to individuals after they had fulfilled certain government requirements. The Doukhobors, under the leadership of Peter Verigin, wanted to hold and to develop their land communally. (Thesis pp. 153-155.)

More serious problems developed when a mere splinter from the main body of Doukhobors chose to defy with violence both the legalistic approach (this is the law!) of the government and the moralistic approach of Peter Verigin. There were also non-Doukhobor elements that took the law into their own hands in dealing with the Doukhobor leader. On

October 29, 1924, Peter Verigin was killed by a bomb which exploded under his seat while he was travelling in a railway coach from Brilliant to Grand Forks. (Thesis, pp. 168-170.)

Peter Verigin was adequately literate. His deficiencies in higher education he had replenished with reading those books that in the main interested him for their moral, religious, philosophical and pietistic content. (Thesis, p. 116.)

In a letter to Verigin, Leo N. Tolstoy acknowledged certain of Verigin's virtues, such as the earning of daily bread by his own personal toil. From Verigin's example, Tolstoy received moral support for himself. (Thesis, p. 99.)

In Canada, Commissioner William Blackmore praised Verigin for his devotion to his people -- if only he himself and his people could be persuaded to carry out the laws of the land. (Note: there were occasions when the type of persuasions used were not in accord with good laws of the land.) (Thesis, pp. 155-169,169.)

Another outstanding Canadian, an independent Doukhobor, was Peter N. Maloff of Thrums, B. C. (author of Doukhobors: Their History, Life and Struggle). He describes Peter Verigin as an idealist and at the same time as a realist. (Thesis, p. 167.)

The course of Verigin's eventful life and his interest in, and devotion to his people extends over four consecutive

periods: first the period of childhood and education, both literary and ideological, related to the Doukhobor tradition; second, the period of training and the call to leadership; the third period, extending over sixteen years in exile, from 1886 to 1902, deals with Verigin's leadership in absentia, his literary and ideological creativity in letters to his people and correspondence with eminent persons of that period. (Thesis, pp. 17, 33ff, 40ff, 69-148.)

The fourth period of Verigin's life tells the story of his leadership in Canada from 1902 to 1924. The whole history of this period is so complex and variegated that it would take another theme to pursue it. The Doukhobors in Canada would probably be the new theme. Therefore we set a limit to our thesis with reminiscences about Peter Verigin and contemporaneity which will still remind us of his character and his ideology. (Thesis, p. 148 to end.)

One word further: throughout the thesis there runs one unchanging purpose of the author: a sincere attempt to put forth a truthful and systematic retrospect of Peter Verigin's life and work in general, and in particular to evaluate his literary and ideological reaction to the problems that have arisen in consequence of the whole historic Doukhobor movement in Russia and later in Canada. The author considers that such a retrospect is necessary for the sake of elucidation of the many pages of the historic Doukhobor

pilgrimage and the ideological contribution it has occasioned.

Finally, insofar as we in Canada are polyglot in principle but officially are bilingual, we shall end our thesis with a brief résumé in the French language. (P. 180.)

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
ABSTRACT	ii
ACKNOWLEDGMENTS	x
I. ВСТУПЛЕНИЕ	1
Значение устно-идейного мировоззрения	
Духоборцев	2
Устное предание относительно Унтер-Офицера . .	4
Успех руководителя Силуана Колесникова	5
Руководитель Иларион Побирохин села Горелого .	7
Разногласие и раскол между Побирохиным и	
Укленым	9
Александр I обращает внимание на сектантов . .	13
Духоборцы на Молочных Водах 1800-1840	16
Руководитель Савелий Капустин	16
Выселение Духоборцев в Закавказье	25
Руководительница Лукерья Васильевна	
Калмыкова	31
II. ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРИГИН--БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК .	33
Петр В. Веригин и Лукерья В. Калмыкова	35
Раскол между духоборцами--ссылка П. В.	
Веригина	46
III. СОТРУДНИКИ И СОУЧАСТНИКИ П. В. ВЕРИГИНА	50
Лев Николаевич Толстой	50
Григорий В. Веригин, брат П. В. Веригина	54

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Павел Иванович Бирюков--толстовец	57
Иван Евсеевич Конкин	57
Василий В. Веригин, брат старше П. В.	
Веригина	60
Василий Г. Верещагин	60
IV. ПИСЬМА П. В. ВЕРИГИНА ИЗ ССЫЛКИ--ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	69
Взаимоотношение между Веригиным и	
Духоборцами	70
Письмо 1-е на пути в Шенкурск	72
Письмо 3-е на пути из Шенкурска в Москву	76
Письмо 4-е к толстовцу Алексею Семеновичу Д.	78
Письмо 5-е из Обдорска ко всем братьям	80
Письмо 6-е из Обдорска к Духоборцам Большой Партии	80
Приложение 6-му письму--Псалом 144	83
Письмо 7-е, о грамотности и книгах	84
Письма: 7-е, 14-е, 22-е, 42-е к Ивану Трегубову	84
Первое письмо Толстого к Петру Веригину	89
Второе письмо Толстого к Петру Веригину	95
План Сожжения Оружия и его осуществление	104
Последствия сожжения: изгнания, голод, смерть	108

ГЛАВА

СТРАНИЦА

Воспоминание о Веригине политическим ссыльным	112
Письмо 19-е к Евгению Ивановичу Попову	121
Письмо 17-е к Николаю Т. Изюмченко	122
Письма: 44-е, 35-е, 59-е, 63-е, важные отрывки	131
Письма: 45-е, 48-е, 50-е, 18-е, 52-е, важные отрывки	132
Письмо 33-е к Императрице Александре Романовой	134
Письмо 34-е к Друзьям Квакерам в Англии	136
Письмо Толстого к страдающим Духоборцам	140
Письмо Веригина к Льву Н. Толстому	142
Решения правительства--безвыходные условия	145
Духоборцы в 1898 переселяются в Канаду	147
V. ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ВЕРИГИНЕ	148
П. В. Веригин в Петербурге. Профессор Г. Клочков	148
Комиссия и Комиссионер Блакмор, Канада	155
Письмо Теодора Берендсена	157
Петр Н. Малов	170
VI. ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРИГИН И СОВРЕМЕННОСТЬ	172
Философско-рационалистический вопрос	172

ГЛАВА

СТРАНИЦА

Духоборчество по сравнению с другими движениями	173
Критерий современности П. В. Веригина	175
Современность Толстого и Веригина зависит от их преданности современности учения Иисуса Христа	178
РЕЗЮМЕ (Résumé)	180
БИБЛИОГРАФИЯ	186

ACKNOWLEDGMENTS

I wish to express my sincere thanks and appreciation to Professor Z. Folejewski, the Chairman of Graduate Studies in the Department of Slavonic Studies, for his kindly and helpful guidance during my graduate studies at U.B.C., and to Mrs. Irina Reid who in her courses taught the value and utility of Russian, in English and viceversa, making this one form of bilingualism necessary and possible. Translation is never a mere rendering; rather it is the interpretation of the thought, ideology and literary art of the original writer. Further, I tender my utmost thanks and appreciation to my lecturing and supervising Professor, Valerian Revutsky, not only for the graduate courses that broadened and enriched my knowledge of the Russian language, but also for the time and help given without limit or stint, and for the warm and friendly assistance proffered in the preparation of this thesis. Finally, I express earnest thanks to Mrs. Ruby Toren, the Secretary in the DSS, for her most painstaking and expert performance in proofreading, correcting and typing the script of the thesis.

Петр Васильевич Веригин

1858 - 1924

*П. В. Веригин и его
друг и издатель
Владимир Чертков
в Лондоне, 1902 г.*

ЛИТЕРАТУРНО-ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРИГИНА

I.

ВСТУПЛЕНИЕ

Так как литературно-идейное наследие Петра Васильевича Веригина составляет лишь часть, хотя значительно важную часть, духоборческого словесно-идейного движения, наша урочная задача побуждает нас показать, что всякое идейное творчество созидающее мировоззрение духоборческого исторического движения, исходит из идейно-устной и идейно-письменной словесности. Вместе с тем важно заметить, что устная словесность может переходить в письменную и наоборот. Устную словесность духоборцы называют "Животной Книгой", а письменную они называют письмом, писанием или, просто, литературой (разных жанров). По духоборческому пониманию, устная словесность ("Животная Книга") по преимуществу, ставится несравнительно выше письменной словесности. Потому, по библейскому завету, слова: "Напишите во сердцах, возвестите во устах", придают особое значение устной проповеди, и в этом смысле они сходятся с Квакерами.

Наше главное предназначение, это--охарактеризовать, не только личность Петра Васильевича Веригина, руководителя духоборцев большой партии, период его отсутствия в ссылке,--но также охарактеризовать его письма, которые содержат в себе, его литературно-идейное мировоззрение духоборческого движения.

К этому мы приступим в последствии, после нашего представления значения устной словесности духоборцев...

ЗНАЧЕНИЕ УСТНО-ИДЕЙНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДУХОБОРЦЕВ

Так как духоборцы в их ранней истории, в большинстве случаев, были неграмотны, у них не осталось почти никакого письменного материала из своего исторического движения, но у них сохранилась масса устных передач и преданий об их христианском вероисповедании. Только выдающиеся личности духоборческого движения обладали, более или менее, знанием русского языка для чтения Евангелия или Библии, из которых они черпали духовно-нравственные руководства и поучения для народа. Каждый рядовой духоборец старался затвердить на память проповеди, псалмы, молитвы, стихи, сказания, предания и различные толкования своих руководителей, и все это, в совокупности, они называли „Животной Книгой“. Эта книга просто обозначает все заучивания, устно, из бесед и толкований руководителей и устно передавались из рода в род: от руководителя к родителям, от родителей к детям. По учению духоборцев, „живое слово“, имеет в себе большее преимущество, чем писанное или читаемое в книге и это вошло в правило, поддерживаемое притчей: „Напишите во сердцах, возвестите во устах“ (Рим. 10:9-10).

Так как у духоборцев было очень мало письменного материала, то последовательным писателям, духоборческим и посторонним, приходилось прибегать к таким посторонним писателям,

которые сохранили некоторые документальные сведения о духо-
борцах раннего периода, кончившегося их поселением в Закавказье
при Лукерии Калмыковой, бывшей руководительницы до 1886 года.

Некоторые из посторонних писателей раннего периода, не
понимая духоборческого мировоззрения или смотря с неприязнью
на духоборческую духовно-нравственную замкнутость и „недоста-
ток“ православных обрядностей, представляли их в самых отри-
цательных умовоззрениях. Орест Новицкий, который издал свою
книгу „Духоборцы“ в 1832 году, был один из таких писателей.
Он был священником и писал с критической точки зрения, ста-
раясь показать вероучение духоборцев, как заблудших людей
отпавших от Православной Церкви. Важность Новицкого состоит
в документальных представлениях губернаторов и священников,
которые делали свои доносы на духоборцев, но которые
впоследствии, после расследования фактов, оказались ложными.

Другой замечательный писатель, Федор Васильевич Ливанов,
который издал свою книгу, „Раскольники и Острожники“, в 1872
году, в которой он писал о движениях разных сектантов и пре-
имущественно о религиозном и нравственном мировоззрении
духоборцев.

Все устно-словесное наследство духоборческого движения,
духоборцы получили от своих руководителей, которые создавали
свои поучения из толкований основанных на Библии и, особенно,
на Евангелии и, вообще, из сектанских выводов и понятий истины.
Краткий обзор толкований и понятий духоборческих руководителей

следует:

1) Устное предание духоборцев говорит о возникновении духоборчества и о первом проповеднике в лице отставного "Унтер-Офицера" проживавшего в селе Охочем на Украине в первой половине 18-го столетия. По сведению Федора Васильевича Ливанова, это был новый проповедник устно излагающий свое новое учение и утверждая, что

... власти не нужны, все люди равны, иерархия и священство выдумка, церковь и обряды лишни, монашество, --искажение человеческой природы, помещичья кабала--позор для людей, царь и архиереи такие же люди как и все...

(Ливанов, "Раскольники и Острожники", стр. 681.)

Наименование "духоборцы" было дано приверженцам русской секты в Малороссии в 1785 году, Екатеринославским Архиепископом Амвросием. Те же самые приверженцы до этого времени назывались "Иконоборцами", так как они не признавали святости икон и боролись против них. Амвросий называет их "Духоборцами", потому что, по его мнению, они отвергали все церковные таинства и потому боролись против духа Божия.

Духоборцы до этого времени называли себя "Сынами Божьими", как и было указано в их 6-м вопросо-ответном псалме, в Животной Книге:

- В. Что ты за человек?
- О. Я--человек Божий.
- В. Почему ты Божий?
- О. Я Богу молюсь и пощуся, той же силой очищаюся... (и так дальше, кончаясь 123-м вопросо-ответом)

Наименование, "духоборцы", данное Амвросием в насмешку или из неприязни, совсем не смутило духоборцев. Они охотно приняли название и с тех пор называли себя "Именованными духоборцами", говоря:

Мы люди, именованные духоборцы; . . . мы закона Божьего, веры Иисусовой . . . Мы духоборцы, потому что Духом Святым боремся против плотских немощей и греха, против лжи и несправедливости, ибо таковых поклонников Господь Бог ищет. (Сухорев, "Ист. Дух.", стр. 8.)

Создатель этих слов несомненно старался высказать их в духе поучения Евангелия от Иоанна гл. 4, стихи 23-24:

Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут покланяться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет себе; Бог есть дух, и поклоняющие Ему должны поклоняться в духе и истине.

Важно здесь заметить то, что с самого начала духоборцы излагали свою веру в рационалистическом порядке. Эта склонность к рационализму остается до сего времени. У духоборцев нет мистических представлений или пояснений религии. Христос родился обыкновенно, как рождаются все люди. Он стал сыном Божиим, потому что во всей полноте его души, Дух Божий обитал в нем. Каждый человек называется человеком Божиим, когда Дух Божий пребывает в нем.

2) Успех духоборческого поучения в селе Охочем, обеспечивался вообще, и состоянием умов поселенцев, и отдаленностью этой местности от центров России и правительенного народа. Эти обстоятельства способствовали распространению духоборчества по всей территории Украины. Такие же самые причины помогли распространению духоборческого движения в

Екатеринославской губернии во второй половине 18-го столетия. С 1750 до 1775 года Силуан Колесников был проповедником и родоначальником екатеринославского духоборчества. Он происходил от Казаков, переселенных во время Екатерины II в Екатеринославскую губернию; он был человек грамотный, что составляло большую редкость в то время. По сведению Ливанова, он перенял духоборчество у кого-нибудь в письменах и потому его грамотность приготовила его к принятию духоборчества.

Так говорит Ливанов:

Дом Силуана Колесникова, в селе Никольском, вскоре сделался местным, народным, открытым училищем. Колесникову лишь стоило прикрыть догмою отвержение дурных властей московских, тяготевших над Украиной, равноправность людей пред законом гражданским, назвать царя и архиереев обычновенными людьми, а безвлиятельное духовенство, как бремя--ненужным, и успех такого учения мог быть обеспечен в Украине.

(Ливанов, Раск. и Остр., стр. 54.)

Колесников организовал в Екатеринославской губернии много общин нового своего учения, жил до глубокой старости, как пастырь среди нового своего стада и успел так глубоко насадить свое учение в сердцах своих прозелитов, что духоборчество пошло, уже после его смерти, твердою стопою по губернии и никогда в ней не прекращалось.

Здесь нужно заметить, что Колесников не чуждался дипломатической деятельности, когда оно способствовало благополучию духоборческих общин и сохраняло их от правительственные и церковно-православных преследований и наказаний:

Он научил духоборцев екатеринославских, наружно неуклонно покоряться постановлениям церкви и правительства, в какой бы губернии и стране им ни случилось

жить, в Польше покоряться властям польским и религии католической, в России--православной, в Турции и Персии магометанской.

(“Раскольники и острожники”, стр. 692.)

По толкованию В. А. Сухорева:

Силуян Колесников советовал временно принимать внешний обряд Православной Церкви, а в тайниках души своей исповедывать Бога Живого, открытого им, --и когда они привлекли внимание на свои открытые собрания для поучения слову Божию, и стали подвергаться за это арестам и наказаниям,--то стали собираться большей частью ночью.

(История Духоборцев, стр. 25.)

Из последующих руководителей, Савелий Капустин запретил екатеринославским духоборцам покоряться постановлениям церкви и правительства, когда они выселились на Молочные Воды, “боясь чтобы наружное раздражение чувства посредством обрядности не соблазнило как-нибудь духоборцев и не увлекло их к отступничеству”. Лукерья Калмыкова, руководительница закавказских духоборцев была вынуждена выполнить требование правительства принять участие в военном действии во время Русско-Турецкой Войны 1877 года. Об этих двух руководителях, Капустине и Калмыковой, в предыдущих замечаниях, а теперь, слово о третьем руководителе:

3) Руководитель Иларион Побирохин появился в селе Горелом, Тамбовского уезда. Он был человек богатый, оптовый торговец шерстью и в широком распространении вел торговые обороты в уездах соседних губерний; потому он имел возможность вести свою проповедь в очень широком масштабе. По внешнему облику он был небольшого роста, увлекательного характера и

обладал даром слова и силою убеждения. Среди народа он был широко известен и любил со всеми рассуждать, преимущественно, о делах веры. Его главные поучения и догматические рассуждения:

А) Он учил, что Божественная Троица есть нераздельна и в человеке пребывает: в памяти, разуме и воле:

Памятью мы уподобляемся Богу-Отцу, разумом Богу-Сыну, волею Богу-Духу Святому, Христос есть не что иное как Божественный разум, тело человека есть храм Бога Живого и уничтожать его невозможно (т.е. не по закону Божьему). (Сухорев, Ист. Дух., стр. 30.)

Б) В духовную пищу, по размышлению Побирохина, входит учение: против крещения младенцев, принятие общности имущества и признание неуместности светских властей в Царстве Иисуса Христа.

В) Побирохин первый, вразрез с Православной Церковью, ввел порядок моления в собраниях и обрядности в бракосочетании и погребении. Догмы, порядок и обрядность уместны до тех пор, пока они не превратятся в застывшие догмы и не послужат причиной разделения между верующими людьми.

Сухорев представляет Побирохина как „первым в истории духоборчества, считающимся основным законоположником в развитии духоборческого учения“. Его умение говорить просто, доступно и понятно помогали его проповеди. Число последователей нового учения возрастало. Народ плененный учением Побирохина, называл его пророком и кормильцем, питающим его духовную пищею.

Исследователю с открытой душой, дружески расположенному к духоборческому историческому движению, всетаки приходится заметить несогласованность между духоборческими руководителями и их последователями, --и это характеризует все сектантское движение. Ущерб не в том, что сектанты имеют разные взгляды, --сравнивать и меняться взглядами полезно-- но ущерб в том, что взгляды, разногласия, и символы веры, отражающиеся властолюбии руководителей и поддерживаемые их последователями, застывают и становятся догмами и разделяют сектантов-- в том числе и духоборцев, например: раскол между Побирохином и У克莱иным и их последователями.

Семен Матвеевич У克莱ин был из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, портной по ремеслу. Встретившись с Побирохином, учение которого сильно подошло к его взглядам, У克莱ин сошелся с ним, поселился в том же селе Горелом, женился на дочери Побирохина, стал помощником тестя в хозяйственных делах и проповедником Духовного Христианства. Он был знатоком Священного писания. Спустя пять лет после пребывания У克莱ина в селе Горелом, между тестем и зятем начались разногласия, и в последствии привели к первому расколу духоборцев.

Причина раскола: Побирохин, на основании слов Пророка Иеремии гл. 31, ст. 33: „после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и Я буду им Богом, а они будут моим народом“, доказывает, что закон написанный в сердце человека выше закона написанного на

бумаге. Важно заметить, что Побирохин не отвергал Священное писание „написанное на бумаге“ по своему собственному толкованию, но считал, что свободное толкование Св. писания, без просвещенных Духом Святым толкователей, может только остановиться на письменном законе или извратить истинное учение и действие Святого Духа через сердце человека.

Уклейн, в свою очередь, не отвергал сущность Святого Духа, но утверждал, что помимо внутреннего закона, необходимо воспринять и закон написанный, составляющий Священное Писание. Он доказывал также, что основываясь на действии Святого Духа через сердце человека, не находя подтверждения таковому действию Духа Святого в Священном писании, можно также заблудиться.

Разница между Побирохиным и Уклейным сводится к тому: Побирохин, не отвергая Священного писания настаивает на действии по закону Святого Духа, в то же время, когда Уклейн, не отвергая Святого Духа настаивает на действии по закону Священного писания. Вот эти, будто противоположные взгляды, стали причиной духоборческого раскола, не только в Екатеринославской и Тобольской губерниях, но и дальше за их пределами. Оба взгляда содержали в себе истину. Совсем не было серьезной причины к расколу. Нёёбыло серьезной причины превращать свои личные взгляды в догматическое богословие.

Один из современных духоборческих писателей пишет:

Побирохин сделал значительный вклад в мировоззрение этого [духоборческого] народа. Приняв веру во внутреннее просвещение от Бога-Слова, обитающего в душе каждого

человека, за исходный пункт разумения дел веры и слова Божия, Побирохин отвергал Библию, как непогрешимое слово Божие и назвал ее Хлопотницею [по словарю, „Хлопотуньей”]. (Малов, Духоборцы, стр. 16.)

Но тут предстоит вопрос: что отвергал Побирохин, -- „всю Библию” или погрешимые слова в Библии? Как же может Побирохин отвергать Библию (все священное писание?) и в то же самое время ставить свою веру на „внутреннем просвещении” от „Бога-Слова”, термина исходящего из библейской написанной словесности, делаясь основой „свободного толкования” Побирохина и „дословного толкования” У克莱ина, при том, эта основа толкования с термином „Бога-Слова” или „Слова-Бога” написана в Первой главе Евангелия от Иоанна:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть . . . И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца (стихи 1, 2, 3 и 14).

Несомненно Побирохин и У克莱ин были хорошо знакомы с этим философским термином „Бога-Слова” в Евангелии, но возможно, что ни тот ни другой не мог дать о нем совершенно определенного понятия.

Можно вполне согласиться, что не все слова в Библии можно принять за непогрешимые слова Божии, и если У克莱ин так учил и веровал то он наверно веровал „погрешимо”. И наоборот, если Побирохин учил и веровал, что в Библии нет ни одного непогрешимого слова Божия, и потому Библия подлежит отвержению, как это заверял П. Н. Малов, то он тоже ошибался. Что есть

погрешимого в словах: „возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим" и „возлюби ближнего твоего, как самого себя"? Мнимые взгляды влиятельных руководителей застывают в догмы для их последователей, а догматизм часто производит раскол и разделение.

Побирохин скорбел о получившемся расколе, но надеялся, что духоборческое учение распространится за пределы Екатеринославской и Тамбовской губерний. В этой надежде он не ошибся и вскоре его проповеди принесли успех. Но как последовательность этого успеха, в Тамбовской губернии духоборцы потерпели всякие преследования со стороны Православного духовенства. После всяких несправедливых на них доносов, включая обвинения в грабежах и разбойничестве, многие из передовых духоборцев были преданы суду и сосланы с детьми в Сибирь на поселение. Уместно будет здесь заметить, что эти преследования и гонения против духоборцев и других сектантов были продолжением в духе закона Петра Великого против всех отступников от Православия. По этому закону, последователи всякого раскола подвергались, через посредство властей духовенства, допросам и увещеваниям, а непокорившихся наказывали, кнутами, плетью, отбирианием имущества и ссылками в Сибирь и в другие места.

Побирохин, в свое время, несмотря на угнетения, обещал своим последователям пророческое освобождение, говоря:

Тогда возвратит Господь от пленаения людей своих, ибо Господь соберет рассеянных Израилев по единому к единому. Вы познаете и увидите силу Господнюю, помяните правдою каждую жертву. (Сух. Ист. Дух., стр. 32.)

Это можно принять за Побирохинский способ свободного толкования Библии, применяя еврейский историзм к духоборческому.

Но не пришлось Побирохину дождаться исполнения своего пророчества, так как, в самом конце 18-го столетия, он был осужден за распространение своей духоборческой веры и был сослан с своим семейством в Сибирь, где вскоре после этого он умер. Но его пророчество сбылось, когда в начале 19-го века, на престол Русского государства вступил Александр 1-й, который, за его снисходительность к духоборцам, ими был назван "Блаженным". Потому, Духоборцы, во имя своих духовных убеждений, посмели восстать против царской власти, жестоко гонимые, всетаки допустили в изложении своей веры, молитвенное выражение: "Молимся о себе, также и о благоверном царе, ибо он свыше имеет дар вечного блаженства". Это выражение было допущено ввиду снисходительности Александра 1-го к духоборцам, и в таком осмыслении расположения государя к ним, они осмелились просить защиту и разрешение поселиться им где-нибудь всем своим обществом, где бы они могли служить Богу, не нарушая совести окружающего православного населения и говоря в своем прошении, что: "нам нет средства жить между духовенством и мирскими людьми".

Александр 1-й с самого начала своего царствования обратил внимание на тяжелое и страдное положение сектантов, которое они терпели от всяких притязаний духовенства и правительственної власти. Когда Александр узнал "о всех зверствах,

чинимых над сектантами", он своеручно издал следующий, подписанный им, рескрипт:

Просвещенному ли правительству христианскому присуществует заблудших возвращать в недра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаниями, ссылками и тому подобным? Учение Спасителя Мира, пришедшего на землю взыскать и спасти погибающего, не может внушаемо быть насилием и казнями, не может служить к погибели спасаемого, коего имеют обратить на путь истины. Истинная вера порождается благодатью Господнею через убеждение, поучением, кротостью, добрыми примерами. Жестокость же не убеждает, но паче ожесточает. Все меры строгости, истощенные над духоборцами в продолжении тридцати лет до 1801 г. не только не истребили сей секты, но паче и паче приумножили число последователей ея. (Сухорев, "История Духоборцев", стр. 46-47.)

Задача здесь не в переселении духоборцев а в оказании им справедливости начальством и окружающими их соседями. Все эти обстоятельства показывают довольно ясно, что не о переселении впервые Александр помышлял, а об ограждении их самих от всех излишних притязаний, где бы они ни были, за их разномыслие в деле спасения и совести. Александр поясняет дальше:

Переселением таковым судьба их отяготиться снова, и они наказаны уже будут по одному доносу, без исследования истины обвинения и доказательства. Благоустроенное правительство, ни в каком случае и ни с кем так не поступает и церковь православная, сколь не желала бы обратить сих отпадших от нея чад к себе, может ли одобрить меры гонения, столько противные духу главы их, Христа Спасителя, оставившего последователям своим сие достопамятное изречение: "АЩЕ БЫ БЫСТЕ ВЕДАЛИ, ЧТО МИЛОСТИ ХОЧУ, А НЕ ЖЕРТВЫ, НИКОЛИЖЕ УБО БЫСТЕ ОСУЖДАЛИ НЕПОВИННЫХ". [В современном переводе: "Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невинных".] (Ев. от Матфея гл. 12, ст. 7; Осия 6:6) (там же)

Так как Новороссийскими Духоборцами уже была просьба подана на разрешение им поселиться отдельным обществом, от

государя Александра последовал приказ на имя губернатора Миклашевского:

Вняв прошению от Духоборцев, в Слободско-Украинской губернии обитающих, и получив таковые же от некоторых из них, в губернии Вам вверенной живущих, по соединении их в одно место и водворении сколько можно отдельно от прочих, Я признал за благо, сколько по уважению претерпенного сими людьми разорения, столько и по тому предложению, что таковое отделение считаю я надлежащим средством к погашению их ереси и пресечению, влияния на других, переселить их в Новороссийскую губернию в Мариупольский уезд на обильных полях, бежащих по течению реки Молочной. К произведению сего намерения в действие, поверяю вам:

Первое, избрав надежного благонравного и скромных правил человека, объявить через него Духоборцам, во вверенной Вам губернии живущим, что снисходя на прошение их и желая в разоренном их состоянии дать нужную помощь, соизволяю Я переселить их на выше-означенное место.

Второе, что место сие сверх плодородного своего положения, представляет им и ту выгоду, что будут они соединены и расположены по слободам с духоборцами в Слободско-Украинской губернии, и вместе с тем, со всех сторон будут отделены от соседства им притеснительного.

Третье, что на каждую переселившуюся душу назначено будет по 15 десятин земли.

Четвертое, на пять лет, считая с текущего ныне года, освобождаются они от всех государственных податей.

Пятое, при сем переселении на подъем выдано им будет из казны по сто рублей на каждое семейство-- взаимообразно.

Шестое, в возврате денег сих в казну дается десять лет льготы, считая со времени их водворения.

Седьмое, по истечении этих льготных лет, взыскание с них сей суммы расположится на двадцать лет так, что каждое семейство не более пяти рублей уплачивать будет.
(Ист. Дух., Сух. стр. 38-39)

ДУХОВОРЦЫ НА МОЛОЧНЫХ ВОДАХ 1800-1840 ГОДЫ.

Переселение на Молочные Воды продолжалось до 1816 года. В 1805 году переселились духоборцы из разных губерний и вместе с ними Савелий Капустин, также сын его Василий, который воспитывался у Никифора Калмыкова, потому и назывался в истории Калмыков. Переселяясь с разных мест ссылок, духоборцы были до крайности разорены. Такое положение заставило их объединиться и сообща обрабатывать земли и приобретать необходимые инструменты и строиться. С помощью 24 старииков, представителей от сел, Савелий Капустин возглавлял и решал все дела общины. Духоборцев объединяла не только их вера но и их экономическая необходимость.

Савелий Капустин занимал почетное место и пользовался уважением как руководитель общины „Молочных Вод“. Он родился в 1743 году. В 1863 году, помимо своей воли был отдан на военную службу, заслужил чин унтер-офицера, возвратился со службы в 1790 году, и в том же году женился. Духоборцы называют его духовным сыном Побирохина от которого он принял учение духоборчества. Но он мог быть и его сыном, так как в то время, для скрытия детей мужского пола от военной службы, отдавали их на воспитание родственникам или бездетным людям и зачисляли в семьи таковых.

По возвращении со службы Побирохин поселился в селе Горелом в Тамбовской губернии и принял проповедовать идеи духоборчества. У него была замечательная память, так что,

по свидетельству духоборцев и по писанию Ореста Новицкого, он будто "знал наизусть всю библию и помнил все, что читал с воодушевлением, которое побеждало всякого кто видел и слышал его" (История Духоборцев, В. А. Сухорева, стр. 41).

В селе Терпение находилось волостное управление и общественный "Сиротский Дом", где и помещался Савелий Капустин. П. Н. Малов описывает этот Дом:

Капустин был первый основатель знаменитого духоборческого учреждения, "Сиротского Дома". Это учреждение есть своего рода общественная касса или спомогательный фонд, состоящий как из наличного капитала, а также из разного хозяйства и имущества. При Сиротском доме есть большие стада домашнего скота, амбары с зерном, земельные наделы и всякого рода имущества. Весь капитал и имущество Сиротского дома собирается из добровольных пожертвований самих духоборцев и служат источником пособия во всех несчастных случаях, как падеж скота, пожары и вообще во всяких нуждах и случаях. Там же находится прибежище и догляды за сиротами, вдовами и стариками, не имеющие своего угла и не способные добывать себе существование. Сиротский дом и все что при нем, считается общественным и находится под управлением и распоряжением духоборческого руководителя. Сиротский дом также есть главная резиденция руководителей и их семейств, а также центр всех духовных и материальных сокровищ.

(*"Духоборцы"*, стр. 23)

Во главе 24 представителей, Капустин руководил общественными делами девяти селений: пяти на Молочной реке включая Богдановку, Спасское, Троицкое, Терпение, и Тамбовку, а четырех при лимане той же реки: включая Радионовку, Ефремовку, Горелое и Кириловку.

Важные новаторства Капустина состояли в том, что он, в хозяйственном отношении, ввел общность имущества: поля обрабатывались сообща, а жатву делили поровну. Устроены были

запасные магазины хлеба, на случай голода.

Губернатор Коховский в своем донесении генералу Вяземскому заявлял, что духоборцы вели жизнь примерно, уклонялись от пьянства и праздности. Они неусыпно пеклись о своем домостроительстве и были благонравны, и исправно платили государственные подати и выполняли другие общественные повинности. Они нетерпели леность и пьянство и зараженных этими пороками они исключали из своего общества. (См. Сухорева: Ист. Дух., стр. 41.)

По зависти православного священства, были заговоры, чтобы нарушить свободу духоборцев на Молочных Водах, с намерением выслать их в отдаленные места империи. На духоборцев распространялись всякие несправедливые доносы, побуждающие начальство, без всякого расследования и судебного процесса, ссылать или заключать в тюрьмы невинных духоборцев в Мелитопольском уезде. Побудительная причина: действие по доносам без расследования:

В 1816 году Херсонский военный губернатор Граф Ланжерон доносил Министру полиции, что обезвежая провинции ему вверенные, он в городе Орехове, Таврической губернии, был уведомлен, что Мелитопольские духоборцы, не переставая следовать своей секте, стараются еще совратить в нее своих соседей, российской породы, поселян живущих в том же уезде, которые при допросе их показали, что наставник их, некто отставной капрал [Силуан] Капустин.

Ныне Капрал Капустин взят под стражу; но как обыкновенно такие люди считают Христиан своими гонителями, то он, губернатор, полагал переселить бы всех духоборцев в соседство с татарами, или другими какого либо исповедания колонистами, только не русского происхождения. (См. Сухорева: Ист. Дух., стр. 43.)

После шестимесячного тюремного заключения, одержимый шестимесячной болезнью, 73-х-летний старец Савелий Капустин был представлен в суд, который требовал, чтобы он сознался в совращении христиан и распространении духоборческой секты. На это он отвечал: "Покажите, кого именно я совратил?" Суд требовал, чтобы Капустин сознался в том, в чем он был неповинен, но видя непоколебимость его, он был снова отведен в тюремное заключение. Тем временем, военный губернатор Ланжерон проезжал через Мелитопольский уезд и духоборцы посмели попросить его об освобождении Капустина из тюрьмы, на что

Ланжером в раздражении возразил:

"Вы не знаете Бога и Императора. Еслиб я был Императором, то побил бы всех Вас из пушек и ружей." Просители отвечали, что почитая Бога и Императора, духоборцы исправляют всякую обязанность, платят подати и всякую повинность бездоимочно [т.е., без недоимок].

Тогда Ланжерон об'явил им, что будет сам в городе Орехове и допросит Капустина, и если он не имеет за собой никакой вины, то будет освобожден.

Допросив Капустина, Ланжерон назвал его распространителем Духоборчества и приказал ему ити в свое место, то есть в тюрьму, где Капустин, имеющий от рождения 73 года, страждущий в болезнях находился.
(См. Сухорева: Ист. Дух., стр. 44-45.)

В противодействии Ланжерону, духоборцы, через Савелия Гончарова и Гавриила Сорокина, подали прошение Императору Александру, излагая так:

Принимаем смелость прибегнуть под покров и защиту Всеавгустейшего Монарха нашего, яко человеколюбивого Отца. Воззри милосердным оком всемилосерднейший Император, на судьбу страждущих безвинно и соблаговоли .

сирым в наносимых от местного начальства и духовенства обидах, оказать высоко-монаршую защиту, с нерадеющими же о благе общем поступить как Высочайше повелеваю законы. (Там же, стр. 45.)

По поводу этого прошения, Александр через Комитет Министерств, 10-го октября 1816 года, предписал вытребовать от Херсонского военного губернатора Ланжерона объяснения, по поводу жалобы духоборцев; а месяц позже, 9-го декабря 1816 года, последовал особый указ на имя военного губернатора Ланжерона, следующего содержания:

Из двух представлений Ваших к Управляющему Министерством полиции, касательно поселенных в Мелитопольском уезде, так называемых духоборцев, вижу я, что вы испрашиваете переселение их с нынешнего места жительства на другое. К таковому представлению побуждаетсясь Вы донесениями о развратной будто-бы их жизни, зловредных для общества правилах и желании рассеивать оные между другими. Вследствие сего и по поданной со стороны самих духоборцев просьбе о защите их от притеснений, повелел уже я управляющему министерством полиции снести с вами о доставлении подробнейших сведений об обстоятельствах до духоборцев касающихся. (Там же, стр. 45.)

Дальше Государь Александр I напоминает губернатору Ланжерону, что духоборцы только что были переселены на Молочные Воды в первых годах 19-го столетия, после их разорения и неуместных, напрасных притязаний со стороны духовенства и начальства на Украинской слободской окружности и других губерниях. Справедливо-ли повторять это снова? Так он продолжает:

Присем я признаю за нужное обратить Ваше внимание особым образом на начало и причину переселения сего рода людей из Слободско-Украинской и других губерний в Мелитопольский уезд губерни Таврической на Молочные Воды. Сие переселение их последовало (как Вы из повеления Моего, данное бывшему губернатору Маклашевскому 25-го января 1802 г. увидеть

можете) частично во уважение претерпенного ими разорения, частично же в ограждение их от неуместных и напрасных притязаний в отношении к образу их мыслей о религии. Они отделены уже там довольно от непосредственно с прочими жителями сношения, тем распространению сей секты положены пределы.

Наконец он обращается в Ланжерону, как к одному из многих начальствующих лиц, которому надлежало исполнять не только повеления Императора, но и также, по его императорскому внушению, руководиться истинным духом христианства, чтобы лучше успеть в достижении желаемой цели:

Колонию поселенцев я поручаю особому и ближайшему вашему надзору и попечению. Не полагаясь ни на чьи донесения. Вы не оставите вникнуть сами без предубеждения во все местные обстоятельства их, узнав в точности из образа жизни и поведения, взирая на них оком беспристрастного попечительного начальника ищущего пользы, пользы правительства во благе частном вверенных ему людей. Участь сих поселенцев должна быть устроена безопасно. Надобно чтоб они могли почувствовать, что они состоят под охранением и покровительством законов; и тогда только надежнее можно ожидать от них любви и признательности к правительству и взыскать исполнения по законам его, кои столь для них благотворны. (Там же, стр. 47.)

Важно заметить гуманность и либерализм Александра I, которые он оказывал сравнительно маленькой группе духоборческих раскольников и пацифистов, да еще в такие времена, как войны с Швецией 1808 г., с Францией 1812 г. и политические движения, ведущие к вооруженному восстанию декабристов. Александр I советует Ланжерону вместо притязаний после несправедливых тайных доносов, употреблять убеждение после точных расследований. По этому он выражается так:

Еслиб открыто было вами не по одному извету [т.е., извещению] чьему либо, но действительно на

самом деле, что у поселенцев сих укрываются дезертиры, беглые люди, --еслиб нашлось несомненно, что они покушаются отвлечь других от общей церкви к своему образу мыслей и религии, тогда обращая силу закона на таковые противозаконные поступки, надлежит положить им преграду. Но и тогда нельзя допустить, чтобы за одного, или несколько виновников, уличенных в преступлении, отвечало и было истязуемо все общество сих поселенцев не участвовавших в оном. При доносах и обвинении в подобных случаях требуется внимательный разбор, от кого они доносы происходят и какие могли быть побудительные причины к оным. Так и упоминаемые в представлении вашем двое из духоборцев, кои по обращении в православной церкви показали на сие общество разные преступления и свидетельствовали о развращенной жизни в оном, могли учинить сие по злобе или мщению, ибо легко может быть, что они отвергнуты были сами от общества за дурные поступки, или оставили оное из ссоры или вражды. Одни показания таковых, едва ли внимания заслуживающих, не должны служить основанием к наряжению тот час строгих следствий, к собиранию под стражу, заключению в тюрьмы и истязанию людей, не изобличенных еще ни в каком злом умысле или проступке. Самое исследование подозреваемого преступления долженствует происходить таким образом, чтобы ни в каком случае невинный не пострадал от онного.

(Излож. цитат из Ист. Дух. Сухорева, стр. 47.)

После выше изложенного Императорского указа, последовали расследования и противоположные доклады. Губернатор Лавинский, достовляя собранные им сведения в Министерство Внутренних дел, полагал с своей стороны необходимым оставить поселенцев на прежнем месте. Касательно образа духоборческой жизни, он свидетельствовал, что они трудолюбивы и не только вообще смирны, добры и порядочны, но и не терпят между собой ни какого порочного.

Херсонский военный губернатор Ланжерон был недоволен расследованием Лавинского. Он назначил свое расследование и по прибытии в город Орехов, для своих донесений против

духоборцев, много полагался на донесения Баева и Базилевского, ново-обращенных из духоборства в православие.

20 января 1818 г. Таврический гражданский губернатор лично побывал на Молочных Водах, вникая подробно в дела духоборцев, и потом Министру Внутренних дел сообщил следующее:

1. Мелитпольские духоборцы ведут себя кротко и весьмадержанно. У них строго взыскивается с тех, которые впадают в пьянство. Некоторые были в судах единственно по делу отступничества от Православной веры.

2. Мелитпольские поселенцы весьма трудолюбивы, занимаются обширным земледелием и имеют большое скотоводство, выделяют сукно, ткут холст, делают кушаки и другие вещи для собственного употребления. Содержат громадные и хорошего качества конские заводы.

3. На счет укрывательства дезертиров, было следствие: были допрошены 40 человек поселенцев, по подозрению, что они бежали от военной службы--по уличению [т.е. изобличению] Баева и Басилевского--оказалось лишь два подлежащих рекрутству в 1808 и 1812 годах.

4. Нельзя сказать, что духоборцы занимались распространением образа их мыслей между людьми другого исповедания. У них каждый год находятся до 60 человек работников, и никто не перешел в их sectu. Село Ново-Александровка находится смежно и в беспрестанном сношении с духоборцами, однако, никто из названного села не перешел в духоборческую sectu.

5. Доносители Баев и Басилевский, по единогласному показанию духоборческих старичков, были исключены из их общества, первый за утайку хлеба, а второй просто за воровство; исключенные из общества, они сделались злейшими врагами своих односельчан.

(См. Сухорева Ист. Дух., стр. 48-50.)

Таким образом, Мелитопольские духоборцы, по прошению поданному ими Александру Первому оправдались совершенно, но не надолго. Узнав о добром отношении к духоборцам из доклада Таврического Гражданского Губернатора к Министру Внутренних

дел, Херсонский военный губернатор Ланжерон и архиепископ Екатеринославский Иов, старались всячески очернить духоборцев. Ланжерон писал:

Секту духоборческую я считаю самою опасною для христианской религии и вообще для нравственности, так как последователи ея не раскольники, придерживающиеся христианских правил, но люди не имеющие никакой религии, не имеющие ни церкви, ни священников, и неприемлющие таинств, и потому как я и прежде доносил, так и ныне остаюсь при своем мнении, что их следует переселить на другое место, где живут нехристиане; ныне же по близости находятся казенные и помещичьи деревни, жители которых легко могут быть уловлены в духоборческую ересь, тем больше, что духоборцы стремятся к ее распространению. (Там же.)

Архиепископ Иов писал к Таврическому гражданскому губернатору Бороздину, о принятии средств к переселению духоборцев из Молочных вод, чтобы избавить окружающих их народ от вредной душегубной ереси:

В течении целого года ничего сделано не было, почему прошу Лже-Учителя Капустина и ближающих к нему приверженцев сослать в отдаленные места, для пресечения столь богопротивной и вредной ереси нужным поставляю:

1. Всех об'являющих себя духоборцами, никуда от настоящих их жилищ не отступать и дачу им проезда паспортов прекратить.

2. Наниматься у них в работы и услуживание под каким бы то ни было предлогом никому из содержащих закон Греко-Российского исповедания людям не допускать.

3. Всех тех кои, быв сынами Православной Греко-Российской церкви, вступят в число духоборцев, и в таком или сами признаются, или изобличены будут, подлежат строгому по закону суждению.

4. Поелику духоборцы сии всегда ищут случая заводить на счет христианской религии споры, то со

всеми таковыми, яко нарушителями общественного спокойствия поступать по всей строгости законов в пример их собратьев. (Там же.)

Все эти выше-изложенные расследования хотя и оправдывали духоборцев в донесении на них всяких несправедливых обвинений, так что с помощью Императора Александра и его благосклонности к духоборцам, коммунальное их хозяйство продолжало процветать, хотя не без затруднений, до 1839 года, на Молочных водах. В то же время, всякие движения неприязни и ненавистничества против духоборцев со стороны начальства и духовенства, которые Александр лишь мог только затормозить и замедлить, он не мог изменить их направления или совсем остановить. Эти неприязненные силы движения лишь выжидали исторического момента для достижения своей цели. Смерть Александра Первого в 1825 году представила этот исторический момент.

ВЫСЕЛЕНИЕ ДУХОБОРЦЕВ С МОЛОЧНЫХ ВОД В ЗАКАВКАЗЬЕ

По смерти Александра I, на его место стал его брат Николай I, и положение сектантов вообще и духоборцев в частности резко изменилось. В это время появилось сильное движение в войске Донских казаков, которые отказались служить в армии, и просили переселить их к своим братьям на Молочные воды. Переселение было Высочайшим указом запрещено. Мелитопольские духоборцы обвинялись в распространении духоборческой ереси и Николай I, в 1830 году, судом таковых вербовал в

солдаты, если этому были годны, а негодных к военной службе отослал безвозвратно в закавказские провинции.

В 1839 году было издано Высочайшее Повеление Государя, чтобы все духоборцы были переселены из Молочных вод и водворены в закавказские провинции под строгим начальственном надзором. Это повеление было объявлено духоборцам через Генерал-Губернатора Новороссийского, князя Воронцова, следующими словами:

Все действия, осуждающие Православную Церковь или противные благочестию и общественному спокойствию, строго запрещены законом Государства. Законы эти исходят от власти установленной Богом и вследствие их божественного происхождения, всяк и все обязаны в точности исполнять их, ибо "Противящийся этой власти тем самым противится велениям Бога". (Эта повелительная цитата взята из полного текста Апостола Павла "Послание к Римлянам Гл. 13, стихи 1, 2, 4 и 5:")

(Там же, стр. 53.)

"Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение... Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло. И потому надобно повиноваться не только из "страха" наказания, но и по "совести". [Зам. автора.]

Важно заметить, что духоборцы, по их пониманию, поступают по "совести", когда они действуют по повелению Бога и его заповеди "Не убий" и по учению Христа и его поучению: "возврати меч твой в его место, ибо все, взявшим меч, мечем погибнут". (Еван. от Матфея гл. 26 ст. 52.)

Продолжая повеление Николая I:

Вы, духоборцы, отвергли догматы . . . исповедуемые государственной церковью и по невежеству и заблуждению составили особое верование, несовместное с внутренним миром церкви. . . Как противники верховной власти, Вы давно уже заслужили суровое наказание, но почивший в Боге Император Александр I, надеялся великодушием и кротостью возвратить вас на путь долга и истины. В своей отеческой благости и снисходительности он простил вам все ваши вины, избавил вас от заслуженного вами наказания, . . . повелел соединить вас в одно общество и наделить значительным количеством земли . . . только бы вы жили в мире и спокойствии и не нарушили законов государства.

(См. Сухорева Ист. Дух., стр. 53-54.)

После обвинения духоборцев в скрывании у себя злодеев и преступников, противящихся законам божеским и человеческим, за которые скрытия сами духоборцы были заключены в тюрьму, подвергая себя уголовному наказанию, повеление Государя Николая I продолжается:

По вашим делам Вы сделались недостойными . . . Вы истощили терпение правительства . . . Вы должны быть переселены в отдаленные страны, где бы вы не могли вредить вашим ближним, Вашими злодеяниями вы обратили на себя наконец высочайшее внимание Государя, который повелел:

Всех принадлежащих к пагубной секте духоборцев переселить в Закавказские провинции, при чем Его Величество оказывает Вам однажде следующие милости:
 1) Взамен земли, которой вы теперь ползуетесь от казны, Вам даны будут соответственные наделы в Грузино Империальной губернии в Ахалкалакском уезде. Вместе с сим дается Вам знать, что переселяемые за Кавказ не будут изъяты от рекрутской повинности . . .
 7) на земли остающиеся в Мелитпольском уезде, после высылаемых за Кавказ духоборцев, селить государственных крестьян православного исповедания.

(Ист., Дух., стр. 54-55.)

Такой жестокий приговор духоборцы приняли спокойно. Их первая реакция выразилась в пении псалма: „Помилуй нас,

Владыко; Боже на всех воззри..." ("Животная Книга" Владимира Бонч-Бруевича, стр. 216.)

Уходя с Молочных вод, духоборцы оправили могилы своих вождей и покойных братьев и сестер, и на одном из памятников начертали следующий псалом: "Бог есть дух свят, сам себе святое место..." В Евангелии от Иоанна, гл. 4, ст. 24, говорится: "Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине:.. (Прим, В. Б.-Б.: "Живот. Кн.", стр. 87.)

С окончанием жительства на Молочных водах, закончилась эпоха 150-лётного духоборческого вероисповедания, построенная, в большинстве, на поучении Священного Писания, особенно, на поучении Иисуса Христа, и свободного толкования их руководителей по передаче устной словесности, в так называемую их "Животную Книгу". По происхождению они выходцы из среды русского народа, в большинстве, крестьянского. В начале они выделяли себя из православия в сектанство, а потом из сектанства в духоборчество. Духоборцы находились в рассеянии в разных губерниях России. Император Александр I помог им собраться вместе, --"по единому к единому"-- в одно общество, на Молочных водах, где они прожили около 40-ка лет.

Посредством краткого изложения будет уместно, лишь вкратце, упомянуть последовательных духоборческих руководителей, после Савелия Капустина. Все они именовались "Калмыковы":

а) Василий Савельич--сын Савелия Капустина, был воспитан в семье Калмыковых, потому и был именован Калмыков. Во главе

24-х старцев он управлял духоборческим обществом на Молочных водах с 1820 до 1837 года.

б) Ларион Калмыков--сын Василия Калмыкова и внук Савелия Капустина, сопровождал духоборцев в переселении в Закавказье, где и умер от истощения.

в) Петр Ларионович Калмыков--сын Лариона Калмыкова, внук Василия Калмыкова и правнук Савелия Капустина, не долго был управителем духоборческим обществом. В 1857 году он женился на Лукерии Губановой, но вскоре умер в 1864 году, не оставив наследства.

г) В 1864 году, вдова Лукерья Васильевна Калмыкова стала, во всей духоборческой истории, единственной женщиной руководительницей общества духоборцев в Закавказье. Петр Ларионович, умирая, оставил завещание в пользу жены, Лукерьи:

Ей я поручаю все, слушайтесь, не о земном я забочусь, но духоборцам еще предстоит борьба с тьмою света, чтобы они не утерялись.

(Ист. Дух., стр. 61.)

С переселением за Кавказ, открылась новая эпоха для духоборческого народа. Общественный образ жизни, начавшийся еще под руководством Савелия Капустина, всецело был укреплен вокруг Сиротского дома, который стал центром духоборческой коммунальной жизни.

Правительство, переселив их в почти Азиатский край, представило их самим себе,--скорее на произвол судьбы--ожиная, что азиатские разбойничьи набеги и лихорадочный климат помогут систематическому истреблению их маленького общества духобор-

ческих сектантов--как это уже случалось с другими сектантами. Но как история показывает, этого не случилось. Духоборчество, во время своего пребывания в Закавказье, нисколько не утеряло своего духовного развития. Их участки земли обрабатывались общими силами и доходы с урожаев отсылались на существенные нужды Сиротского дома.

Будучи отделены от Центральной России цепью Кавказских гор, и находясь среди полуазиатского населения, духоборцы в течение 35 лет жизни за Кавказом, не имели больших столкновений ни с православной Церковью, ни с центральным правительством и ни с местными поселенцами Закавказья. Они имели возможность спокойно обстроиться и обзавестись хозяйством и провести свою духовную жизнь по своему убеждению. Одно их тревожило: они не были свободны от рекрутской повинности. Заповедь: "Не убий", запрещала им принимать участие в военных действиях. Они стали принимать этот период за Кавказом, как период спокойного отдыха. Но это спокойствие и тишина предзначалась, не стихийную закавказскую бурю, а скорее неестественное беспокойство и чувство тяжести наложенных на общество, частью со стороны начальства и духовенства и частью со стороны собственного внутреннего разрыва,--междоусобицы и раскола. Предыдущие страницы послужат вступлением в такие положения духоборцев.

ЛУКЕРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КАЛМЫКОВА

Пользуясь обширным доверием духоборцев, Лукерья Васильевна управляла духоборческим обществом и имуществом общественного Сиротского дома, во главе старшины и атамана дома. Переселенные духоборцы в Закавказье помещались в трех губерниях:

1) В Тифлисской губернии:

- A. Алхалакского уезда--8 сел: Троицкое, Ефремовка, Горелое, Спасское, Орловка, Богдановка, Радионовка, Тамбовка.
- B. Баглашовского уезда--3 села: Башкичет, Ормашен, Караклис.

2) В Елизаветпольской губернии: Славянка, Троицкое, Кириловка.

3) В Карской области: Карские.

Всех духоборцев насчитывалось в то время 20,000 душ.

По образу своих отцов, и образу жизни в Молочных водах духоборцы расселились в селах, получив наделы земли, данные им в замен отобранной на Молочных водах.

Во время руководительства Лукерьи Калмыковой, духоборцы испытывают крутой и опасный переворот в развитии их общества. Чтобы не потерять своего духовного направления, они должны были принять новый завет от нового руководителя, способного объединить и вдохновить их для выполнения самого самоотверженного поступка во всем духоборческом движении. До этого времени духоборцы держались идеала несопротивления злу насилием. Духоборцы всегда отождествляли войну, военное действие,

насилие,--со злом. Потому, их неучастие в действиях войны и насилия является, своего рода, духовно-нравственным противодействием злу,--и это вполне совпадает с поучением Иисуса Христа. С самого начала духоборческого движения и до конца руководительства Лукеры Калмыковой, только единицы или маленькие группы молодых людей, когда их вербовали на военную службу, осмеливались явно поступать по духоборческому идеалу и отказываться от участия в воинской повинности,--за что они были жестоко наказаны пытками, тюремными заключениями, расстрелами и ссылками. Многие из духоборцев отбывали военную службу, включая руководителя Савелия Капустина.

Само духоборческое движение бросало вызов, не только изолированным единицам из их среды, но даже и всему духоборческому обществу, чтобы увидеть и признать руководителя и вождя, который объединил бы всех духоборческих сторонников мира, в их явном общественном отказе участвовать в военных действиях. Лукерья Васильевна сознавалась, что она не могла быть таким руководителем, но свидетельствовала и признавала появление такого вождя и руководителя,--даже была удостоена быть воспитаницей и предтечей такого вождя--в лице Петра Васильевича Веригина.

II.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРИГИН--БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК ПИСАТЕЛЯ

Как наша диссертация в защиту избранной темы, сосредоточивается более на личности Петра Васильевича Веригина, также и наши интересы и внимание будут сосредоточены на описании его жизни, характера и его идеально-литературной деятельности, --начиная с детства, воспитания в духе духоборческого поучения и его последовательной деятельности в среде духоборцев до их переселения в Канаду, в конце 19-го и начале 20-го столетий.

Для этого описания мы прибегаем, в самом начале, за помощью к литературной деятельности Григория Веригина, младшего брата Петра Васильевича Веригина. В своей книге: "Не в силе Бог а в Правде", Григорий Веригин пишет просто и безыскусственно:

Петр Васильевич родился в Закавказье, в Елизаветпольской губ. в селе Славянке, в 1858 году 29 июня, в день Святых Апостолов Петра и Павла, в мирной и благочестивой семье Веригиных [это число почетно празднуется духоборцами до сего времени].

Это название происходит от слова "вериги", (цепи --надевавшиеся на тело с религиозно-аскетическим побуждением--в знак покаяния). Насколько понятно, наше родословие берет начало от предка Федорушки, из староверов, который был носитель вериг. Он родился по познанию Христа вторым рождением свыше от духа свята, крещением во имя Отца и Сына и Святого Духа, Сын Федорушки--Прокофьюшка. Сын Прокофьюшки--Лукьянушка. Сын Лукьянушки--Васильюшка--это уже наш родитель. Мать наша Анастасия Васильевна происходила из рода Капустина. Веригин отец был строгого и

справедливого характера, чужого не любил и на чужое не завидовал. Всегда и нам говорил: "Смотрите, дети, если желаете богатств, то достигайте этого честным и справедливым путем от своих личных трудов. Чужого ничего не желайте... Смотрите, дети, хоть человек го^д, да прав. Пьянства обегайте яко яда."

Мать-же была кроткого и мирного характера, относилась ко всему любовно; в семье вела распорядок христианский, всегда упоминала Бога и могущество Его. Если когда мы ее и не слушали, она никогда нас не банила, в особенности не била и если делала какие либо над нами усилия, то это была ее кроткая просьба и молитва. Иногда мы и этого не слушались, в таком случае она нам говорила: а то я об этом вашем непослушании доложу вашему папаше. Слово "папаша" сильно действовало на нас и всегда мы усмирялись. (См. ГВВ: "Не в силе Бог...", стр. 20.)

Всех детей у Василия и Анастасии Веригиных было: семь сыновей и две дочери. Их имена по старшинству: Иван, Федор, Анна, Лукьян, Прокофий, Варвара, Василий, Петр, и Григорий. Все дети были крепкого телосложения, но изо всех, Петр Васильевич выделялся стройностью тела и красотой лица; он также выделялся нравственно и духовно. Из всех детей, младшие трое: Василий, Петр и Григорий, обучались в школе,--в простой, деревенской школе в доме Веригиных. Об этом Григорий Веригин пишет:

В науке, Петр Васильевич шел впереди; изустные уроки он сдавал лучше нас; рисование у него выходило правильней нашего и дяденька учитель почти всегда нам делал замечания и указывал на него: "Вы посмотрите какое прилежание имеет Петруша, как у него все выходит аккуратно и хорошо, а ты Гриша--говорил он мне,--тебе бы только брюшко набивать"... Арифметику изучали хорошо, а также читать и писать и только прошли грамматику, школа наша закончилась, т.е., мы перестали обучаться и поступили в хозяйствственные дела.

(там же.)

Время шло, Петру Васильевичу наступил 21-й год. Он женился на Авдотьи Григорьевной Котельниковой. Одновременно, еще в годы его роста и развития, управительница Лукерья Васильевна часто посещала духоборцев в Елизаветпольской губернии. В 1865 году она посетила Веригиных в селе Славянке, так как мать Петра Васильевича приходилась теткой покойному мужу Лукерии Васильевны. На этот раз она позвала 7-летнего Петра и младшего Григория в комнату и заставила их читать псалмы. По прочтении она их похвалила, и потом обратившись к их матери, прибавила:

Настюша, Вы Петюшку жалейте, любите и воспитывайте его в духе христианском, знайте, что он принадлежит мне. Придет время я его возьму к себе. Он будет мне нужен для "Божьего дела". (См. там же, стр. 24.)

Так описывал этот эпизод Григорий Веригин, родной брат Петра Васильевича, из чего можно заключить, что Лукерья избрала его с детства и заключила родство (усыновила) для воспитания его в духе христианском для Божьего дела.

Несколько времени после первого посещения Лукерии в Славянке, Петру Васильевичу случилось заболеть горячкой и его мать первым долгом послала гонца к Лукерье Васильевне, чтобы известить ее о серьезной его болезни. Когда он стал поправляться, был послан другой гонец, который застал Лукерью Васильевну приготовляющейся к выезду в Славянку. Благодаря известию о его выздоровлении, она осталась в Горелом.

По случаю давления милитаризма на духоборческое общество в Закавказье в 1877 году, Лукерья сознается в слабости, как

женщина руководительница, не зная как избежать одного зла в вымогательстве правительством принимать участие в войне и в то же самое время, как спасти духоборческое общество от другого зла, от зла насилия и в крайнем случае от разрушения. Это заставляет ее снова подумать о Петре Васильевиче Верегине, которому уже наступил 20-ый год от роду и которого родители обещались посвятить на Божие дело по просьбе Лукеръи Васильевны.

Это случилось так. В 1877 году разразилась Русско-Турецкая война. В Закавказье духоборцы, по своим заветам, отказывались от военной службы. Но Князь Михаил Романов, нуждаясь в военных обозах, обратился лично к Лукеръи Васильевне. Он приехал к ней на квартиру в село Горелое и заявил:

Ведь Вы, Лукеръя Васильевна, со своими духоборцами первые станете мишенью в Турции, и если только турецкие войско на десять верст подвинутся вперед, то вы первые пострадаете. Ведь я не приглашаю вас брать ружья и вступать в ряды войска, ведь я прошу только фургоны ваши для перевозки военной амуниции... А самое главное, что есть в вашем понятии учения Христа -- чтобы вами духоборцами не был убит человек, то этого уже не может случиться никогда.

(Г. Верегин, "Не в силе Бог а в Правде" § стр. 29.)

В силу такой необходимости Лукеръя Васильевна должна была уступить его просьбе. Немедленно она собрала съезд и предложила это дело для общего обсуждения всех духоборцев. Четыреста фургонов прибыли в село Горелое к Лукеръи Васильевне. После ее совета все выехали в Александрополь для того, чтобы выполнить просьбу Князя Михаила. Когда выезжали, Лукеръя Васильевна давала им необходимые советы:

Вы едете, хоть и косвенно, помогать военному

действию. Предки наши от этого уклонялись, а в наше время мы вовсе должны противостоять против этого. Но по известным причинам я, как женщина, сильно не настаиваю и не противодействую этому. Но предупреждаю вас, что это может быть, будет последний незаконный поступок в истории духоборцев, это служение Баалу. Прошу вас не забывайте этого и всегда помните о Боге. Помяговать о Боге значит не творить худых дел.

(Там же, стр. 29.)

Что это был "последний незаконный поступок" который, исторически не повторился только по воздействию Петра Васильевича Веригина и его последователей духоборцев "Большой партии". Он был тот, которого Лукерья Васильевна воспитывала для неповторения духоборцами, во всем будущем, какого бы то ни было участия в военных действиях.

Петр Васильевич с малолетства изучил всю историю духоборства, прочел все псалмы, в которых такое участие в военных действиях отрицается, и так же прочел все Евангелие, убедившись, что жизнь и учение Христа отрицает такое участие. В отказе от участия в военном деле Петр Васильевич видел участие в Божьем деле. Христос говорил: "Кто любит отца и мать более нежели меня, тот недостоин меня". Петру Васильевичу предстояло выбирать одно из двух: послушание правительству или служение Богу. Он решил навсегда служить Богу.

Когда началась Русско-Турецкая война под Карсом в 1877 году, Петру Васильевичу было около 20 лет от роду. Он еще не был призван Лукерней в Сиротский дом для выполнения Божьего дела по ее назначению. Он не принимал никакого содействия в Русско-Турецкой войне и внутренне осуждал Лукерью Васильевну

за ее поступок, когда она, хотя и с сожалением, согласилась исполнить просьбу Князя Михаила Николаевича Романова. Петр Веригин позже выразил это осуждение в его 17-м письме к Толстовцу Н. Т. Изюмченко из Обдорска, куда он был сослан за его сопротивление воинской повинности, которое он распространял между духоборцев большой партии. (Письмо 17 было напечатано в „Архиве Льва Николаевича Толстого 1896 г.“) В письме, частью он пишет против участия в войне и частью осуждает Лукерью Васильевну и духоборцев за такое участие:

Последнее время на Кавказе--он пишет--в среде наших братьев, возбудилось движение. Главным основанием служит то, чтобы не участвовать во вредных делах людей (т.е. перевозить массы людей с противоположных сторон для уничтожения друг друга, „взявши меч от меча погибать“), при существующем порядке, а потом вырабатывать истинных, по возможности, христиан. Я держусь такого девиза: „Прежде чем приносить пользу, не нужно делать вреда“.... Упоминаемое в газетах, что наши много помогли русской армии в прошлую войну (в 1877 г.), это было в действительности. Но это было самое мерзкое деяние из быта наших, как христиан. Участвовать в недоброму деле, хотя и косвенно, все равно, не хорошо. Подвозя сухари, и военный материал под самые стены крепости города Карса, в прошлую войну, наши все равно участвовали в ней. Старики и действующие лица (т.е. Управительница Лукерья Васильевна со старшинами) в то время смотрели на это снисходительно, объясняя от части тем, что все равно нельзя явно исповедовать учение Христа. Мы сейчас протестуем против такого воззрения и говорим, что это выйдет лицемerie...

(„Письма“ В. Б. Б., стр. 40.)

Во время Русско-Турецкой войны, когда Петр Васильевич был уже в браке с Евдокией Григорьевной Котельниковой, а семейства Веригиных и Котельниковых, были уже тогда самыми влиятельными семействами в этом селе.

Услышав о таком браке, Лукерья Васильевна, по словам Григория Веригина, была очень взволнована и в последствии выехала в село Славянку. Поздоровавшись с народом и с встречающей ее матерью Петра Веригина, которую она пригласила в свою карету, чтобы ехать в ее дом, и на пути стала спрашивать:

Настюша, я же Вас просила воспитывать Петра для Божьего дела и предупреждала, что в назначенное мною время я его возьму к себе. Я желала чтобы он был ничем житейским не связан. Даже он должен считать отца и мать второстепенным делом. Он должен себя пожертвовать Богу и служить Ему, --и подумавши прибавила--относительно развода брака, это ваше личное дело: если с обоих сторон будет согласие они могут разойтись.
 (Сухорев, Ист. Дух., стр. 66.)

Погостиив не долго она уехала в Горелое и больше не приезжала в Славянку--но несомненно Лукерья предпочитала от Петра какую-нибудь реакцию с его стороны.

Одновременно, чтобы разрешить вопрос вымогательства в соучастии духоборцев в военном действии, Лукерья Васильевна созвала старииков со всех селений и объявила им:

С нас требуют солдат в армию или подвоза провианта на фронт под Карс. То и другое дело против воли Бога. Мы не должны бы принять ни то ни другое, но должны считаться с обстоятельствами положения. Я женщина и не в силах вывесть Вас на такую борьбу против государства; когда придет сильный вождь, как обещал покойный Петр Ларионович (ее усопший муж), он Вам скажет что сделать. Если мы не дадим согласия на какую-нибудь помошь, русские солдаты проходя наши селения, будут громить наши жилища и забирать все что попадется. Наши сестры могут быть насилиуемы и истязаемы. Таков порядок военных действий; а если мы решим выставить подводы в обоз для подвоза провианта, то наши селения обещают оставить в покое.

(Сухорева Ист. Дух., стр. 63.)

В силу такой необходимости Лукерья Васильевна просила

духоборцев уступить просьбе Князя Михаила. До 400 фургонов выехали, чтобы делать то, на что были приглашены. Когда выезжали, сначала все должны были прибыть в село Горелое к Лукерье Васильевне. Она всех их напутствовала и давала необходимые советы:

Вы едете, хотя и косвенно, помогать военному действию . . . а в наше время мы и вовсе должны противостоять против этого. Но по известным причинам я, как женщина, сильно не настаиваю и не противодействую этому. . . Если кому из вас придется участвовать в подбиании мертвых тел, будь это русские и турецкие, и если окажется живой человек, помогите ему как можете только. Боже вас сохрани обыскивать карманы мертвых тел. Ни под каким видом этого не делайте: ведь люди жизнь свою положили, а вы, не думая об этом, станете обыскивать их карманы, соблазнившись рублем или двумя. К тому же, во время такого вашего ужасного поступка, может прилететь не известно от куда пуля и сразить тебя. Тогда, что для тебя будет дороже: твоя жизнь или те два рубля? Прошу и предупреждаю вас, все сказанное мною сохраните в точности и будете благополучными. По сказанию Христа, и волос с головы вашей не упадет.

(Г. Веригин, "Не в силе Бог а в Правде", стр. 29)

Между Лукерьей Васильевной и Петром Веригиным состоялся как бы диалог: Лукерья Васильевна выделяла Петра Васильевича из среды духоборцев для воспитания на поприще последовательного руководства -- после своего. Она по временам посещала его с детства в селе Славянке, в 150-верстном расстоянии от своего местожительства в селе Горелом. Она дождалась его вполне созревшего возраста, чтобы взять его к себе для завершающего воспитания и обучения в деле Божьем в качестве руководителя.

Петр Васильевич, по желанию своих родителей и по просьбе

Лукеръи Васильевны, уже был воспитан в духе посвящения себя Божьему делу. Он ждал от Лукеръи Васильевны вызова к такому делу. Но когда он достиг 20-летнего возраста, он стал понимать, что для Божьего дела, в назначенному Богом времени, он должен впервые принять вызов от Бога, а потом от Лукеръи Васильевны если ее вызов совпадал с его понятием в чем состояло Божие дело.

Но Лукерья Васильевна в это время была черезчур занята с делами Русско-Турецкой войны. А войны с испокон веков, вообще пересекают раздумья о Божьем деле. Ей был недосуг, чтобы подумать о своем избраннике для Божьего дела. Избранник для Божьего дела услышал и узнал о распоряжении Лукеръи Васильевны относительно "косвенного" духоборческого участия в военных действиях, в полном сознании, по ее словам, что: "в наше время мы и вовсе должны противостоять против этого".

Петр Васильевич не соглашался с ней и не одобрял ее распоряжение чтобы косвенно участвовать в военном действии, выражаясь об этом отрицательно: "Это было самое мерзкое деяние из быта наших, как христиан. Участвовать в недоброму деле, хотя и косвенно, все равно не хорошо" (см. цитату, стр. 38 нашей диссертации).

Петр Васильевич, может быть, в разочаровании по отношению руководительства Лукеръи Васильевны, женился на Евдокии Григорьевне Котельниковой, с ожиданием принять вызов на Божие дело, не от Лукеръи Васильевны, а от Бога в Его назначенное

время и по Его воле и плану. Но когда он узнал от своей матери, что Лукерья посетила ее и оставила с ней вызов ему,

. . . чтобы он был ничем жизненным не связан. Даже он должен считать отца и мать второстепенным делом. Он должен себя пожертвовать Богу и служить Ему, — и подумавши прибавила—относительно развода брака, это ваше личное дело: если с обоих сторон будет согласие они могут разойтись. (См. цитату стр. 39.)

Чем же кончился этот невысказанный, действенный диалог? Он кончился действием. 29-го февраля 1880 года, в сопровождении Григория Веригина, своего меньшего брата, Петр Васильевич оставил селение Славянку, и пробыв три дня в дороге, прибыл в Сиротский дом в селе Горелом.

Завидя санки, подъезжающие к ее дому, и узнав в них Петра Васильевича, она заплакала от радости. Она надеялась, что в нем именно она может воспитать великого вождя для возрождения истинного духоборства способного выполнить заповедь "не убий" и "не участвуй в убийстве"...

Жизнь Петра Васильевича при Лукерии Васильевне, продолжалась пять лет. При ней он занимался чтением Евангелия, при чем Лукерья Васильевна входила в беседу и делала свои пояснения. Сам Петр Васильевич свидетельствует, что:

Лушечка со слезами на глазах просила меня передать духоборцам, что они должны освободиться от кровопролития и убийства человека человеком, как дела нехорошего и воспрещенного Богом. Она несколько раз спрашивала меня, выполню ли я ее желание. Ей надлежало это сделать и передать мне, и я дал ей на это обещание.

(Сухорева Ист. Дух., стр. 66-67)

Важно заметить и то, что с молодости и перед тем

временем, когда он решил лично участвовать в делах Лукеръи Калмыковой, Петр Васильевич изучил всю историю духоборцев и их историческое движение, прочел все псалмы и Евангелие, -- жизнь и поучение Иисуса Христа. В отказе от участия в военном деле, Петр Васильевич видел служение Богу. Ему предстояло выбирать одно из двух: послушание правительству или служение Богу. Он всегда избирал служение Богу.

Лукерья радовалась этому его выбору, но вместе с тем, по словам Григория Веригина, сильно плакала и говорила:

что тебе предстоит впереди, это ведает один только Бог. Тебя могут посадить в тюрьму. Ты будешь отлучен от родных и всех духоборцев, ты будешь лишен телесной свободы. Но твердо знай и помни, если ты исполнишь волю Бога. . . Он посетит тебя в тюрьме, Он будет хранить тебя и твое благополучие, Он будет помогать тебе везде и во всем. Только ты не отступай от него и всегда слушай Его голос... ("Не в силе Бог ...", стр. 30)

15-го декабря 1886 года Лукерья Васильевна Калмыкова скончалась и с этого дня происходит у духоборцев большой переворот жизни. Большая часть духоборцев пожелала, чтобы Петр Васильевич оставался в Сиротском доме и был бы там управителем, как была покойная Лукерья Васильевна, которая занимала этот пост 23 года и скончалась на 47 году от роду. Но небольшая группа, шестая часть духоборцев, особенно ее родственники, не пожелали этого: родной брат Лукеръи, Михаил Губанов, две сестры, -- Парасковья и Татьяна, дядя Игнат Губанов и другие, противостояли этому. В то время старшиной был Алексей Зубков, занимавший эту должность уже 25 лет и все ближайшее царское

правительство было ему знакомо. Атаманом в то время был Иван Васильевич Батурин и все они были против Петра Васильевича. К ним примкнула небольшая часть народа:

И так среди духоборцев образовались две партии. Одна, к которой принадлежало большинство духоборцев, законно настаивала, чтобы управителем духоборцев был Петр Васильевич и требовала ему вручение всех дел. Она доказывала, что именно с этой целью он и был приглашен Лукерьей Васильевной в этот дом и прожив там честно пять лет, ознакомившись со всеми порядками дома, да и в нравственном деле он вполне заслуживает это место. (В той же книге Г. Веригина, стр. 31)

Другая же партия, меньшинство, без заслуг перед обществом, имела лишь корыстные намерения. Она захватила в свои руки денежный капитал и обратилась за помощью к правительству, стала доносить всякие клеветы, что все это наследство принадлежит родственникам Лукерии Васильевны. За поддерживание их стороны, местное правительство было подкуплено. По доказательству Григория Веригина, Ахалкалакскому уездному исправнику, Князю Сумбатову дали 10,000 рублей, заместителю исправника, Дьячкову-Тарасову дали 5,000 рублей, Тифлисскому губернатору Зисерману подарили пару воронежских жеребцов, рысаков, стоимостью в 2,000 рублей. После этого власти стали держать сторону меньшей партии и поддерживали всякую неправду в их доносах.

Я знаю их злой умысел;--говорил Петр Васильевич дедушке Ване Махортову--если они и завладеют всем имуществом, то оно не пойдет им в прок. Я дал обещание служить Господу и располагаюсь на Его волю; а если они хотят силой отнять имущество--их дело, хотя жалко труда бедного народа; но для духоборцев предстоят большие задачи, которые мы совместно будем делать. (Сухорева, Ист. Дух., стр. 68)

Эти "большие задачи" он предвидел в своих письмах из ссылки.

26 февраля 1887 года, в день поминок Лукерии Васильевны, духоборцы собрались у ее могилы. Когда литургия кончилась, все прибыли в Сиротский дом, где она жила. Для всех готовился обед. По окончании обеда, Иван Фадеевич Махортов вышел прочесть "Отче наш" и, по форме духоборцев, сделать три поклона, "Отцу и Сыну и Святому Духу". Первый поклон сделали Господу Богу за текущую свою жизнь, второй поклон за упокоение души Лукерии Васильевны и приятие ее во царствие небесное, и третий поклон до земли с пожеланием Петру Васильевичу занимать в Сиротским доме место Лукерии Васильевны. Когда большинство сделало третий поклон, Губанов заявил начальнику жандармов: "Это они почитают Веригина за Бога, возьмите его, чтобы он не смущал умы людей".

Князь Сумбатов присутствовал на этом собрании. Так как он был подкуплен, он решил совершить арест и потребовал от Петра Васильевича паспорт. По заговору, паспорт у него был похищен Марьей Тихоновой, служанкой Сиротского дома. Когда паспорта не оказалось, Сумбатов предложил Петру Васильевичу выехать с ним вместе в Ахалкалакское Уездное Управление для расследования дела. Об этом Григорий Веригин пишет:

Пять лет он прожил в Сиротском доме, никогда никого не обидев и никому не сделав зла. Отсюда начинаются мытарства двадцати-восьми летнего юноши, ни в чем неповинного как перед Богом, так и перед людьми, которые стали гнать его ради зависти своей, с тем умыслом, чтобы все достояние попало в их руки, достояние, которое было жертвоприношением всех духоборцев. (Г. Веригин, Не в силе Бог..., стр. 33-34.)

Григорий Веригин дальше показывает, что:

Сумбатов продержал Петра Васильевича три дня, потом представил его губернатору Накашидзе в Елизаветпольске, который запретил ему возвращаться в Сиротский дом в селе Горелом, но позволил, на время, возвратиться в Славянку в родительской дом.

(Г. Веригин, "Не в Силе Бог ...", стр. 33-34)

Раскол между большой и малой партиями углублялся.

Большая часть духоборцев желала, чтобы Петр Васильевич был заместителем Лукерьи в Сиротским доме. Противоположная сторона обвиняла его в составлении народного возмущения, а духовенство и начальство с их стороны считали его за опасного пропагандиста против православия и милитаризма.

Петр Васильевич вскоре был взят из села Славянки и отправлен в Тифлисскую пересыльную тюрьму ~~Как г-политический~~ пропагандиста своих идей, и с этого времени начинаются мытарства двадцати-восьми летнего юноши и его шестнадцатилетняя жизнь в этапных переходах, из царских тюрем от города Тифлиса (нынешнего Тбилиси) в Закавказье до далекой Колы в Архангельской Губернии, на берегах Ледовитого океана.

Если описать все испытания в этих этапных переходах и муки тюремных заключений и ссылок, рассказы которых памятны почти каждому из духоборцев до сего времени, то получился бы большой том интересной и назидательной, хотя страдной и геройской, литературы, описывающей экзотические окраины Российской Империи, редко обитаемой и мало пригодной для жилья.

Все это Петр Васильевич описывает, как бы мельком бегло, в своих письмах, а в самом деле отнюдь не отрекаясь от своего

святого назначения и долга как избранный руководитель и приятель духоборцев большой партии, к кому он писал. Он также переписывался с личностями недухоборцами, в особенности с Л. Н. Толстым и с Толстовцами. В личном отсутствии от всех братьев и друзей он жил с ними в духе и в силе своего руководства которое объединяло их в дальнейших предприятиях своего исповедания, включая сожжение оружия, полное отречение от войны, и переселение в Канаду.

Нужно заметить, что властные и неуступчивые отношения правительства к духоборцам, во время царствования Николая I, всегда поддерживались надеждой, что неблаготворительные для жительства положения в глухом и диком Закавказье, в конце концов, заставят духоборцев отрешиться от отступничества от православной церкви и от неповиновения самодержавному правительству и возвратиться в православие и в законное гражданство русского населения, или, совсем погибнуть от неплодородной почвы, сурового и болезненного климата, и диких вооруженных закавказских туземцев.

Но ни того ни другого с духоборцами не случилось. Правительство было вынуждено понять, что онадежды на изменение их веры или уничтожения их в глухом Закавказье не оправдались, а наоборот, духоборчество окрепло, усилилось и образовало особое общество, единственная связь которого с государством была уплата податей. (Кесарево кесарю, Матф. 22:21.)

Об этом Сухорев говорит:

Появление сильного и стойкого вождя Петра Васильевича, было нежелательно правительству и поэтому, воспользовавшись духоборческим расколом, оно постаралось изолировать его от духоборцев, и сослало его на далекий север без какой либо вины и без суда. Затем эти сроки ссылки все удлинялись с тем, чтобы сломить дух его сильной веры в заветы Христа.

(История Духоборцев, стр. 70.)

Все эти вышеизложенные записи исторических моментов духоборческого движения важны, так как они бросают свет на трудные положения жизни в царском и православном государстве, запрещающем свободу мысли в политических размышлениях и свободу совести в духовно-нравственном развитии христианской веры. Личности которые осмеливались быть свободомыслящими в политике или вероисповедании делались раскольниками и острожниками и часто разделяли одинаковую участь в тюрьмах и ссылках. Но суровые, подвергающие гонениям времена, часто порождали великих и смелых лиц, которые народом принимались за руководителей движений ведущих к восстановлению свободы мысли и совести. Подобные личности в истории, например, были Ян Гус, Мартин Лютер, Лев Н. Толстой, Мохандас Ганди и другие. Во многом, Петр Васильевич Веригин был сходствен с ними по характеру, смелости, стойкости и самоотверженности, за что и он пострадал не меньше их.

Веригин не был личным руководителем духоборческого общества. Он был в отсутствии, --по смерти Лукерии Калмыковой он был сослан и находился, в продолжении 16 лет, в скитальчестве по тюрьмам, этапам и ссылкам в отдаленных, суровых и

необитаемых местностях на северных окраинах русской империи. Но заглазно, посредством писем посланных по почте под псевдонимом или устных наставлений переданных через посетителей, он был, несомненно, духовно-нравственным руководителем духоборческой общины большой партии, за ним последовавшей, в Закавказье.

III

СОТРУДНИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ, СОТРУДНИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И
СОУЧАСТНИКИ В ИДЕЙНОСТИ ПЕТРА В. ВЕРИГИНА

Под идейностью Веригина мы подразумеваем его идеологию тесно связанную с его мировоззрением. Его сотрудниками мы принимаем те личности, которые созерцали или познавали в себе мировоззрение близкое или подобное мировоззрению Веригина. Как Веригин так и его сотрудники разделяли одинаковое духовно-нравственное мировоззрение, хотя каждый выяснял это по своей способности и преемственности. Что было всем свойственно, это было то, что они все старались изобразить в себе духовно-нравственное мировоззрение по преемству от поучений, и по примеру, Иисуса Христа. Представим здесь некоторых, из самых выдающихся, сотрудников и сподвижников Веригина:

1) Лев Николаевич Толстой. По художеству не можем сравнивать Толстого и Веригина. Первый был великий художник литературы, а второй писал безыскусственно. Но художество служит лишь способом или стилем литературы, а не предметом поучения. Духовно-нравственные понятия и поучения Толстого и Веригина, которые они восприняли из поучений и примера Иисуса Христа, были замечательно сходственны. Поэтому они могли и быть сотрудниками один другому. Веригин, руководитель духоборцев, был предан поучению Христа и применил это поучение на практике, как в своей жизни, так и, по его совету, в жизни

его последователей. Такое применение поучений Христа на практике шло вразрез с установленными и узаконенными постановлениями русского самодержавия и православного духовенства, которые не пожелали, а может быть и не могли, остановить "раскольническую" практику Веригина другим способом, кроме тюремных заключений и ссылок в отдаленные окраины империи.

Толстой же, в свою очередь, изображал свою преданность к тем же самым духовно-нравственным поучениям Иисуса Христа, но передавая их письменно и идейно-художественно в литературе. Таким способом он мог распространить это в более обширном масштабе, как в русском государстве, так и за границей. Он был мировым художником литературы и в то же самое время мировым философом духовно-нравственных поучений Христа. Сознательно и несознательно он стал сотрудником и сподвижником Петра Васильевича Веригина, --так как и его поучения шли в разрез с установленными постановлениями русского самодержавия и православного духовенства.

Каким же способом мог Толстой избежать подобных гонений испытанных Веригиным, как например: тюремных заключений и ссылок по этапу в отдаленные, необитаемые окраины русской империи? Несомненно были некоторые действенные факторы, которые спасли его от подобной участи:

Во-первых, он происходил из высшего графского сословия, что и, в частности, давало ему сословную неприкосновенность; во-вторых, он был всемирно-известный писатель-художник

реалистических романов, как „Война и Мир“, „Анна Каренина“, „Воскресение“ и др., которые дали ему всемирную известность и преимущество. Преследование его какой бы то ни было властью вызвало-бы всемирную критику. В-третьих, его философские изложения духовно-нравственных поучений Иисуса Христа в произведениях, например: „Воскресение“, „Исповедь“, „Власть тьмы“, особенно „Царство Божие внутри вас“ и др., по моральному содержанию были сходственны с безыскусственно изложенными поучениями Иисуса Христа в письмах Веригина. Следовательно, все эти выше указанные произведения, как Веригина так и Толстого шли сходственно вразрез с узаконенными постановлениями самодержавия и духовенства, поставили их (Веригина и Толстого) в совсем несходственные последствия.

Самодержавная власть, --после сожжения духоборцами оружия под руководством Веригина-- не могла остановить духоборческое движение под руководством Веригина, другим способом, кроме тюремных заключений и ссылок для тех, которые находились в этом движении и отказались повиноваться власти, когда она повелевала им поступать против поучения Иисуса Христа. В этом движении Толстой показывал моральное и активное воздействие. Об этом П. И. Бирюков, сам толстовец, пишет:

Толстой, радостно пораженный известием о сожжении оружия и о всем движении духоборцев на Кавказе, поручил мне исследовать это дело. Я поехал туда, собрал все сведения о совершившемся и впервые вывезенный мною материал (в заграницу), был напечатан в Английской газете „Таймс“, с послесловием Толстого. К Толстому присоединились квакеры и было организовано переселение.

Почему, как говорит Бирюков: „вывезенный мною материал в Англию" и напечатан там?--Потому что запрещали распространение в России каких бы то ни было сведений о том, как начальство поступало с духоборцами. Этот запрет против Толстого и толстовцев, которые шли вразрез с самодержавием и духовенством, дальше подтверждается тем же толстовцем, Бирюковым:

На свидании с другом Толстого Евгением Ивановичем Поповым в московской бутырской пересыльной тюрьме Петр Васильевич узнал, что у него есть могучий соратник по божьему делу Лев Николаевич Толстой. Он прочел „Царство Божие внутри вас", переданное ему Львом Николаевичем и с тех пор начались у них письменные сношения. [О письменных сношениях Толстого с Веригиным--в четвертой части нашей диссертации, „Письма Петра Васильевича Веригина".] (Цитаты: см. предис. „Не в силе Бог", стр. 14.)

Сделаем здесь замечание, что „Царство Божие внутри вас" и масса других сочинений написанных Толстым после 1881 года, например: „Власть Тьмы", „Смерть Ивана Ильича", „Изложение Евангелия", „Воскресение", „Хаджи Мурат", и много других, которые были записаны Владимиром Чертковым под № 70 „Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого,--запрещенных русской цензурой". Это послужит нам за ответ--хоть частично --на выше поставленный нами вопрос: „Каким же способом мог Толстой избежать подобных гонений испытанных Веригиным?" Толстой не предвидел и не предпочитал такого способа. Самодержавная цензура нашла способ: оставивши Толстого „дипломатически" лично неприкосновенным, оно запретило ему опубликовывать и распространять в России его духовно-нравственное

творчество и таким образом выслало это творчество за пределы России. В духе искреннего самосознания, Толстой выпрашивал прощения у тех духоборцев, которых его слова и поучения повели к страданиям, когда он сам не удостоился пострадать за Христово дело:

Если те,--он говорит--которые сами страдают за Христово дело, просили прощения у тех, которые не выдержали гонений за те страдания, которые они понесли по примеру и обучению братьев, то как же мне, неудостоившемуся пострадать за Христово дело, надо выпрашивать прощений у тех, кого мои слова и писания повели к страданиям?

(Сухорева „Ист. Дух.“, стр. 108.)

Не в художестве, в котором Толстой был исключительно и своеобразно выделен, а в духовно-нравственном преемстве Иисуса Христа, он был сотрудником и сподвижником Петра Васильевича Веригина. Это далее будет видно в „Письмах“ Веригина.

2) Григорий Васильевич Веригин, родной и младший брат Петра Васильевича. В своем сотрудничестве он написал об этом в своей книге: „Не в силе Бог, а в правде“. Эта книга была посвящена Петру Васильевичу, как „первому человеку нашего времени“, его жизни, его 16-ти летнему страданию в тюрьмах и ссылках и его трагической смерти в Британской Колумбии, в Канаде. Об этой книге, о ее авторе и о его сотрудничестве в руководительстве своего брата, пишет в предисловии толстовец Павел Иванович Бирюков:

Тема этой книги--вера в победу зла добром и полное отрицание насилия--прекрасно разработана в

безыскусственном, порою трогающем до слез, порою умиляющем рассказе о людях, которые смело проявили эту веру делами, не побоясь никакой жестокости: ни лишений своего имущества, ни разлуки с горячо любимыми и любящими Родными, ни тюрем, ни дисциплинарных батальонов с их глумлением над людьми, с их звериной издевательской жестокостью.

(Павел И. Вирюков, предисловие к
„Не в силе Бог...” Г. Веригина, стр. 10)

Эта книга описывает две стороны: одна сторона--это правители государства и исполнители их воли, другая сторона--это безграмотные мужики, земледельцы, встречающие со спокойной душой и даже радостным чувством, страдания и смерть. А вместе с ними преклоняется перед одной и той же идеей непротивления злу насилием мировой гений Толстой.

. . . и духоборцы, сделавши то, что никто до них не дерзал делать, и Толстой на весь мир призывавший людей своим могучим даром слова следовать этой истине, не сказали ничего нового... (Там же, стр. 11)

Ничего не сказали нового, потому что это было сказано две тысячи лет тому назад, когда в Палестине появился какой-то сын плотника и стал жить в тесном общении с народом, чудесным средством--то есть, любовью исцеляя его душевые и нравственные недуги жизни и возвещая словом и делом новый закон. Он взволновал глубиной своей правды сердца понявших его учение, которое было очень просто: не надо человеку делать насилия над человеком. Это учение поняли и запомнили духоборцы.

„Сущность этого учения время от времени вспыхивает в человеке и его ничем нельзя затушить,--оно должно восторжествовать. ,Все минует--правда останется'". (Там же, стр. 11.)

Идеал Петра Васильевича был тот же идеал Толстого. Оба признавали и верили, что учение Христа должно спасти мир. Поэтому было нужно: не создание великолепных храмов и позолоченных икон, не курение фимиама и сложной организации священнослужителей, а нужно только понять и принять каждому человеку Его учение так, как Он сам выразил его народу:

Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб, а Я вам говорю: не противьтесь злому и кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую.

(Ев. от Иоан. 13:34; от Мат., 5:38.)

Было и есть много людей, исповедующих это учение. Но знаменательно то, что среди духоборцев, особенно под руководством Веригина, оно впервые было проявлено массой в несколько тысяч человек, крестьянской массой, рождающейся и умирающей за своим плугом, за своей повседневной работой, где бы они ни находились. Они жили так и живут так до сего времени. Правда, были и есть отпадения, но в духоборческом поучении нет изменения.

В книге: "Не в силе Бог, а в правде", Григорий Веригин реалистически описывает всю историю духоборческого движения со времен руководства Лукерьи Калмыковой в Закавказье с 1886 года до самого переселения духоборцев в Канаду в конце 19 века и до смерти там Петра Василоевича Веригина, в 1924 г. кому он, как любимый и любящий его брат, сотрудник и сподвижник, посвятил эту книгу.

3) Павел Иванович Бирюков был сотрудником Толстого, а Толстой отрекомендовал его в сотрудники и Петру Васильевичу Веригину. Когда дошла до Толстого весть о сожжении духоборцами оружия, --а это было по совету Веригина,--и о жестокости над ними правительства, Толстой поручил Павлу И. Бирюкову съездить на Кавказ и разузнать все как было дело. Бирюков разыскал и повидался там с духоборцами, подробно разузнал обо всем проишшедшем, и убедился об их безвыходном положении. Возвратясь оттуда, он написал воззвание "ПОМОГИТЕ!", одобренное Львом Николаевичем. Под воззванием так же подписались и Владимир Чертков, Иван Михайлович Трегубов и Павел И. Бирюков --все толстовцы. Воззвание это было разослано царю Александру III и всем стоящим близко у власти. За это Черткова выслали заграницу, а Трегубова и Бирюкова сослали на пять лет в прибалтийский городок, но через год Бирюкова тоже выслали заграницу. О переписке Веригина с Бирюковым и Бирюкова с духоборцами и Толстого с Веригиным мы представим в "Письмах" двух последних.

4) Иван Евсеевич Конкин был женат на сестре Петра Васильевича, Груне, и как близкий родственник и сильнейший сторонник духоборчества, посетил Петра Васильевича в ссылке 1893 г. Это посещение было выполнено с великим трудом и большой денежной стоимостью, так как паспортов духоборцам без податков обыкновенно не выдавалось. Ему Петр Васильевич передавал поручение, которое он советовал духоборцам выполнить:

а) В наше время прямой долг предстоит всем духоборцам освободить, как себя, а ровно и потомство свое от милитаризма, то есть не итти в солдаты. Об этом вопросе, я обещался привести его в исполнение... (Г. Веригин, "Не в силе Бог...", стр. 56.)

б) А также употребление спиртных напитков, алкоголя и курение табаку. Ведь это не только не свойственно христианам употреблять эти вещества в свой организм, но это делать даже неприсуще и всякому несознательному человеку, который не признает нравственного закона, но который все же должен признавать и понимать вред причиняемый его телу. А будучи . . . христианином . . . то этого делать ни в каком случае нельзя, потому этим человек делает вред себе самому. . . Предки наши этого не употребляли, а мы постепенно понемногу ввели это в привычку, а "привычка к худому--опаснее этого нет". А мы, потомки их, не только стали опасаться этой привычки, но ввели даже в обычай и поставили ее на высокое место, при трапезе пищи. Нужно бы начинать с хлебасоли, а мы начинаем с этого яду, выпить по рюмочке, чтобы возбудить аппетит, а потом еще, и трапеза еще не отошла, все уже пьяны, которым "море становится по колено" и им можно делать всякие безобразия. [Т.е., с точки зрения духовно-нравственного поучения это составляет регресс на пути духоборческого движения.]

(Там же, стр. 58-59.)

в) А также поручаю тебе, Конкин, доведи до сведения высшего начальства, вплоть до министров, начиная с приставов, все их незаконные поступки, чинимые над нами. Тебе ведь хорошо известно, что меня сослали только через взятки, деньги. Надо мной ведь никакого суда не производилось, потому что не за что было и я не подлежу суду, а после меня и вас всех притесняют высшие правительства. Например о паспортах. Когда вы хотели отлучиться по делу хозяйства и вам не разрешилось паспорта, но когда вы вместо одного рубля сорок пять копеек --законная цена--давли пятьдесят или сто рублей, вам давали паспорта. За такой паспорт--(ко мне в Обдорск)--ты уплатил 200 рублей--разве это закон? Нужно это довести до сведения министров . . . правду говори, не стесняйся и не бойся ничего, этим ты больше разоблачишь их неправду, и многие люди даже поймут и скажут тебе, что Конкин страдает за истину, ведь за истину не каждый может

страдать, а только мужественный и любящий ее.

(Там же, стр. 62.)

Конкин объехал все духоборческие села, разнося всюду весть о предложениях Петра Васильевича. И такая сила убеждения была в его передаче, что все, слушавшие его, с радостью и с большим умилением решались исполнять все советы Веригина.

После этого, -- по словам Григория Веригина -- духоборцы решили совсем оставить пить водку и курить табак, как ненужные и вредные две привычки. Такие привычки были более усвоены старишками, которым отчасти трудно пришлось искоренить их. Но всетаки духоборцы мужественно это сделали.

Вскоре после этого, Конкин написал разъяснительное письмо министру внутренних дел, в котором изложил все подробно о взятках за паспорта и о других поступках и отправил его по почте. После некоторого времени министр предписывает Елизаветпольскому губернатору немедленно арестовать Конкина и посадить в тюрьму. Потом его вызывают в местную администрацию по приказанию уездного исправника, который сам же был замешан в этом деле. Григорий Веригин описывает диалог допроса:

Исправник вычитывает Конкину его письмо к министру и спрашивает: "Это ты писал?" Конкин отвечает: "Да, я писал". -- "И можешь еще подтвердить о чем писал?" -- "С удовольствием подтверждаю, что все здесь написанное мною -- сущая правда. Такому-то столько дал, тому-то столько, а вам вот столько-то дал, помните, или может и об этом еще будете справки наводить?" Исправнику было больше нечего делать, он больше не стал допрашивать, это было бы крайне

бессовестно с его стороны и он начал предлагать Конкину свой совет. „Я советую тебе, Конкин, лучше всего откажись от этого письма и тебе будет лучше, тебя в скором времени освободят из тюрьмы и ты будешь на свободе, а если ты будешь подтверждать свое письмо, то тебя могут сослать даже дальше, куда сослали Петра Веригина". Конкин отказался от его предложения и настаивал на своем.

(Г. Веригин, Там же, стр. 66.)

Сам Григорий Веригин прибавляет к этому диалогу дополнение из истории, которую он сам переживал с свойственным ему чувством:

После этого его продержали в тюрьме еще два месяца и выслали по этапу административным порядком на пять лет в Архангельскую губернию, в город Мезень. Это было 1894 года 20-го сентября. И так Конкин за справедливость несет пятилетнее наказание, удаление от родины и от родных. Вот что творится на белом свете и в Божьем мире. Где же правда, где же справедливость? Правда страдает, справедливость несет кандалы, а ложь торжествует. Как же тогда в общем людям будет житься хорошо. (Там же.)

Такое разочарование испытывает и Павел Иванович Бирюков:

Иван Конкин был арестован и сослан в Мезень и освободился из ссылки уже после Петра Васильевича в 1903 г. В Канаде он был его верным другом и помощником. Его перу принадлежат многие записи и выражения общего мнения. Чистый и твердый в своих убеждениях человек. Да сохранится светлая память о нем среди грядущих поколений.

(Бирюков, предисловие к „Не в силе Бог...", стр. 12.)

5) Нельзя не сказать здесь о других двух сотрудниках и сподвижниках Петра Васильевича--о его старшем брате Василии Веригине и Василии Верещагине. Оба, по приглашению Петра Васильевича, посетили его поздней осенью 1894 г. и прожили с ним две недели, незадолго перед тем, как ему назначили идти

этапом из Шенкурска Архан. губер. в Обдорск Тобол. губ.-- расстояние несколько тысяч верст. Во время их пребывания там потребовалась со всего народа присяга Николаю Александровичу Романову в верноподданстве. Эта присяга коснулась Петра Васильевича и всех старииков и все они на основании учения Иисуса Христа, отказались принять ее. Петр Васильевич поднял разговоры с посетителями, братом Василием и Верещагиным:

Первый разговор он начал с того, что „Это не хорошо было бы нам, как христианам, принимать присягу смертному человеку. Христос в своем учении воспрещает давать присягу и мы, если верим в него, то должны это доказывать, и в таких случаях, если бы это только потребовалось, мы должны жертвовать, собою. Вот хоть такой переход, как назначили мне [из Шенкурска в Обдорск]. Это будет тысяч несколько верст и пройти нужно этапным порядком в зимнее время и перебывать в нескольких тюрьмах,--вы, конечно, эти тюрьмы--этапы и какие там обращения, не испытывали и не знаете, но я уже познакомился с ними. Обращение везде очень плохое и с арестантами большую частью обращаются не как с людьми, а как с животными, и от такого обращения можно заболеть и умереть, я все это допускаю и иначе не могу допустить, Христа ослушиваться очень нехорошо, он пострадал и умер на горе Голгофе, на кресте . . . Ведь тут дело идет о присяге, которую Христос в своем учении воспрещает . . .”

(Г. Верегин, Там же, стр. 69.)

Здесь представляется тонкий вопрос: почему Веригин отказывается принимать присягу ссылаясь на учение Христа? Христос не говорит о присяге, а о клятве. Но так как Веригин понимал, что присяга вымогала от присягающего клятву, то он был полностью вправе, ссылаясь на учение Христа, изложенное в Евангелии от Матфея 5:33-7:

Еще слышали вы, что сказано древним: "Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои". А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом . . . ни землею . . . ни Иерусалимом . . . ни головою своею . . . но да будет слово ваше: "Да, да", "Нет, нет" а что сверх этого, то от лукавого.

Второй разговор Веригин продолжал в более серьезном и сосредоточенном и даже взволнованном духе, -- требующий внимания, внушая последствия и даже опасность для его слушателей, так как разговор касался вопроса о военной службе:

Петр Васильевич стал порицать такое заблуждение: "Люди, идя на военную службу, большую частью говорят, что они зачисляются в Христолюбивое воинство. Это учение попов и самый большой обман со стороны их, которым они живут. Такой обман, особенно в наше время, неуместный в христианстве и всякий человек, хоть немного знающий жизнь и учение Христа, не должен бы соглашаться с этим обманом, но люди и нынешнего времени так легко поддаются этому и принимают за правильное учение. Тогда как Христос в своем учении обличал и разрушал военщину, которая служит лишь для одногонасилия, ли, за этоего только такие же солдаты распяли и предали смерти. И в нынешнее время, если бы тот же Христос пришел и благовестовал тот же мир, и теперь, я уверен, так бы поступили с ним, как поступили 1900 лет тому назад. И это ли можно считать за христолюбивое воинство? Скорее всего это можно считать воинством Николая II и походит оно на большую шайку разбойников, во главе которой стоит Николай, и насколько возможно--так я понимаю жизнь и учение Христа-- нужно освободиться от такого заблуждения и не участвовать в таких делах. И уместно было бы духоборцам, как христианам нашего времени, совсем откаться от военной службы . . Оружие какое есть у духоборцев, например ружья, револьверы, сабли, кинжалы, которые приобрели они, удаляясь от учения Христа, все собрать в одно место и в знак непротивления злу злом, и во исполнение заповеди: не убий, предать все это сожжению, огню, памятую слова Христа: взявший меч, от меча должен и погибнуть.

(Г. Веригин, Там же, стр. 70.)

Такое поручение было не легко выполнить обществом

духоборцев в Закавказье. Жить без оружия значило:--предать себя произволу закавказских вооруженных, воинственных и беспощадных туземцев. Но для брата Василия и Василия Верещагина не было личной опасности представить своим братьям поручение и советы от Петра Васильевича. Примут ли они такие советы или нет, в этом они не чувствовали личной ответственности. Но Петр Васильевич не останавливался только на этом поручении. Его разговор вел их к личному принятию вызова Иисуса Христа:

"Возьми крест свой и следуй за мною" (Ев. от Марка 8:34):

"Которые же,--говорил Петр Васильевич,--находятся в разрядах войска, я советую им сдать все оружие по принадлежности даже до мундира и объявить себя, что они христиане и им все это не приличествует, и с этого дня, они более не могут участвовать ни в каких насильственных делах военной армии; всему этому противоречит их собственная совесть и учение Иисуса Христа".

(Там же, стр. 71.)

Эти два Василия уже начинают понимать, что Петр Васильевич командирует их с поручением не только к своим братьям в обществе, но и к братьям в солдатчине и уговорить служащих солдат сделать такой смелый и самозабвенный поступок ради блага других:

"Вы передайте им: если они примут и поступят согласно моему братскому совету, в котором заключается учение Христа, то пусть начинают без всякого страха, помятуя учение Христа: тела наши убьют но души не могут коснуться и надежду пусть полагают на Бога. . . Он и поможет нам выйти на стезю правды и истины. . ."

(Там же, стр. 71-72.)

По совету Петра Васильевича, солдатам предлагалось начинать сдавать их оружие на первый день Пасхи 1895 г., а для сожжения оружия одновременно во всех трех губерниях был

назначен день на 29 июня 1895 года в день святых апостолов Петра и Павла, в 12 часов ночи. Этот день был также днем рождения Петра Васильевича.

По словам автора этой записи, такое неожиданное поручение Петра Васильевича брату Василию и Василию Верещагину, смущило их, потому что они не были приготовлены к такому самоотверженному подвигу, и в этот момент не знали что делать: принимать ли это поручение на себя или отказываться. Нас здесь удивляет и сам автор, Григорий Веригин, который в общем порядке пишет безыскусственно. Но на этот момент, как бы входя в неловкое положение своего брата Василия и друга Василия Верещагина, которых он любил, может быть не меньше чем Петра Васильевича, он и сам, несомненно, стал входить в их положение, и испытывать в себе чувства, которые он угадывал в них. Может быть, совсем несознательно он приходит к художественному вымыслу, драматически описывая их чувства которые он испытывал в себе:

Это был момент борьбы духа с плотью и плоть ихняя стала беспокоиться за себя, потому что тем, кому они передадут поручение, когда что будет или нет, а им первым должно быть. И плоть лично стала задавать себе вопросы, а также сама и решать их, что за это должно быть. Так они оставались некоторое время в нерешимости. Петр Васильевич сейчас же заметил их слабость духа и говорит им: "Я вижу, что вы смущаетесь". И они в силу справедливости должны были сказать то, что у них происходило в сердцах и сказали: "Да, это верно". Петр Васильевич говорит им тогда: "Я не могу с вами делать таких поручений. Поручая это, я во первых должен быть уверен с кем это я делаю это поручение, и во вторых, я должен быть в надежде, что вы все дословно

передадите всем духоборцам, что я поручаю с вами, а иначе, я повторяю, я не могу с вами делать этого поручения. Даю вам отсрочку на один день, за который вы можете решить себе да или нет." (И здесь он следует поучению Христа, не требуя от них их клятвы: "Не клянись вовсе, но да будут слова ваши: да, да' или ,нет, нет"). "Только в решении -- Петр Васильевич продолжает -- вы не забывайте самого главного. При возбуждении плотских вопросов вы давайте больше места делать решения Духу, живущему в вас и тогда, я уверен, что вы победите в себе плотские немощи и с радостью вы должны будете принять мое поручение".

И он отпустил их. Они вышли. Такое решение нельзя было откладывать на сутки: "Когда открывается победа Духа над плотью--это продолжается только момент, экстаз духовный, в котором все совершается. И они через два часа пришли бодрыми и веселыми и за такие поручения они готовы были теперь смотреть в глаза самой смерти, не иметь никакого страха, а иметь только торжество духа. Петр Васильевич был этому очень рад и снова стал им повторять свое поручение, которое они уже принимали и записывалось это у них на скрижалах сердец ихних". (Там же, стр. 72-73.)

За такое соучастие в выполнении поручения Петра Васильевича, их сослали и заключили в Карскую тюрьму Карадах. Об них было донесено главноначальствующему Шереметьеву, который наложил на них резолюцию: "обоих их предать военно-полевому суду, чтобы этим устрашить и остальных" солдатов отказывающихся от военной повинности.

Этого не случилось только потому, что Шереметьеву писали против этого трое из толстовцев: Владимир Чертков, Иван Михайлович Трегубов и особенно с сильным протестом, Георгий Александрович Дадиани. Кто был Дадиани? Он был потомственным князем из рода Грузин и год тому назад был

адъютантом Шереметьева. Так как он уже лично знал Василия Васильевича он стал толстовцем и христианином. И когда эта резолюция дошла до его сведения, то он сейчас же написал письмо Шереметьеву, в котором говорил так:

До меня дошло ужасное известие, что вы наложили резолюцию на Верещагина и Веригина предать их обоих военно полевому суду, дело остается только за вашей подписью. Как это ужасно. Как это безнравственно. Как это низко. Разве эти времена не прошли. Мы переживаем 20-й век от рождения и ужасной смерти великого учителя истины Иисуса Христа, желавшего всему человечеству братской мирной жизни, посредством чего водворилось бы царствие Божие на земле, как и на небе. И вы за это святое учение решаетесь публично расстрелять этих невинных перед вами людей. Тем более, что вы и сами верите в это учение, вы считаетесь христианином. Вы думаете таким жестоким поступком как пролитием крови невинных людей, вы устрашите людей, исполняющих волю Божию, выраженной Иисусом Христом, за которую он и пал жертвой и это завещал последователям своим. И может вы думаете таким путем устрашить этих двух борцов за истину. Говорю вам как другу прошлого времени--ныне я стою в рядах Христа--вы этим только наложите пятно невинной крови не только на себя, но и на всю страну русского народа. Большая часть этого народа так или иначе верит во Христа, а вы этих людей умертвите за Христа. Что же касается Верещагина и Веригина, то как я лично знаю Василия Васильевича, они вам не уступят и с радостью пойдут на вашу Резолюцию. А остальные духоборцы, которые уже приняли дух Христа, не только не устрашаться, но даже больше одухотворяться. Потому что этих людей, которых вы казните, они причтут к святым. И действительно эти люди заслуживают этого имени, потому что умирают за учение Христа и за общее братское всенародное дело. И сами пойдут на вашу резолюцию.

Здесь Григорий Веригин прибавляет:

Так писал Георгий Александрович Дадиани, с подлинным верно. Конечно, такие люди имеют большую силу в деле Божием, может это и послужило к спасению, и их оставили не казненными.

(Г. Веригин, Там же, стр. 85-86.)

Здесь также будет уместно добавить, что Василий Веригин и Василий Верещагин выполнили буквально, физически и духовно поручение Петра Васильевича и поучение Иисуса Христа:

И всякий, кто оставит домы, или братьев, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную...
(Ев. от Матф. 19:29.)

Василий Васильевич составил тот знаменитый псалом с которым многие братья выступали на крестный путь, когда их, избитыми, гнали казаки к губернатору, после сожжения оружия.

29-30 июня 1895 года:

Тебя ради, Господи, возлюбил брата тесные.
Тебя ради, Господи, оставил отца и мать. Тебя ради, Господи, оставил брата и сестру. Тебя ради, Господи, оставил весь род-племень свой. Тебя ради, Господи, оставил все житье бытье. Тебя ради, Господи, хожу в тесноте гонений. Тебя ради, Господи, терплю хулы и поношения. Тебя ради, Господи, хожу алчущий и жаждущий. Тебя ради, Господи, живу без покровища. Богу нашему слава.

(В. Бонч-Бруевич (ред.), Животная Книга, Regehr's Printing, Winnipeg, Canada, стр. 150.)

Василий Веригин вернулся из ссылки в Канаду уже после Петра Васильевича Веригина и скончался в 1929 году, разбитый параличом.

Василий Верещагин умер на пути в Якутск в уездном городе Киренске в тюрьме. Не долго перед смертью он пишет прощальное письмо к своей жене и детям, которое частично здесь воспроизводим:

Дорогая моя хоэяшка Настюша и незабвенные в душе моей дети! Подробности моего письма могут опечалить Вас, но я прошу вас не печалиться,

будьте бодры духом Божиим, призывайте Господа в помощь и Он милосердный укрепит Вас...

По прибытии в Александровск спустя некоторое время я стал чувствовать боль; наверно это отразился пеший путь, от Канска до Александровска 800 верст шли пешком. Там наверно я и переутомил себя. Время как раз было осеннее: дождь, снег и невылазная грязь... Теперь у меня кашель в груди и сильный жар...

Пишу это письмо Вам, дорогая Настюша и милые моему сердцу дети, в котором хочу поговорить с Вами, как с близкими моими родными, и может эти строки будут уже последними строками в нашей земной жизни. Господь да будет Твоя святая воля на Тебя уповаю...

Еще прошу вас, если и придется мне умереть, не печальтесь чрезвычайно обо мне, особенно сохрани вас Господи думать, что либо такое, что я умер в стране чужой и без присмотра родных.

Страна для меня все равно, вся жизнь наша на земле есть путь скорбей, и когда человек оканчивает этот путь, тогда только он переселяется в страну вечности, скрытой от нашего разумения. Досматривают же меня братья, не оставляют без досмотра, а ежели и пришлось бы одному, то и тогда я должен оставаться довольным своей судьбой, потому что я по воле избрал такой путь для достижения души спасения и надеюсь, что ангел мой хранитель не оставит меня... Еще целую вас всех и желаю от Господа всего хорошего в Вашей жизни.

Прощайте и прощайте, дорогая Настюша и милые дети и все родные, последний раз прощайте. Остаюсь с упованием на Бога и любовью ко всем вам.

Искренно любящий и помнящий всех Вас навсегда:
супруг, родитель и дедушка.

Василий Гаврилович Верещагин.
15-го апреля 1898 года.

(Василий Г. Верещагин, "Письмо из тюрьмы", записал Василий А. Сухорев, "История Духоборцев", стр. 99-102.)

IV

ПИСЬМА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРИГИНА
ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ССЫЛКИ

Письма Петра Васильевича Веригина не только интересны, но и поучительны, как духоборцам, которые, конечно, дорожат всеми письмами своих ссылочных братьев, но также и вообще всем читателям интересующимся духоборческим движением в царской России и в последствии в Канаде. Письма особенно интересны тем, что они ярко характеризуют самобытную личность Веригина, дают ясное понятие об его образе жизни и мысли, о замечательной его духовной силе и стойкости характера наряду с душевной мягкостью и редким доброжелательством к людям, вместе с кротким сознанием своих недостатков и слабостей.

По сведению издателей Писем Петра Васильевича:

Несмотря на то, что он известен под именем "духоборческого руководителя" среди русского общества, ознакомившегося с духоборческим движением по газетам и правительенным сообщениям, -- он сам себя таковым никогда не считал и судя по его скромному чисто братскому отношению к членам духоборческой общины, выражавшемуся в письмах, он никогда не мог претендовать на роль, которую ему многие приписывают.

(В. и А. Чертковы, издатели Писем,
стр. iv. Издание "Свободного Слова",
Christchurch, Hants, England.)

Это доказывается тем фактом, что хотя он еще молодым человеком был избран руководительницей Лукерьей Васильевной Калмыковой своим помощником в Сиротском доме, после ее смерти в 1886 году он был арестован правительством и сначала

заключен в тюрьму а потом сослан. Несомненно он пользовался огромным уважением и доверием большой части духоборцев, во первых по завету Лукеръи и во вторых, благодаря своим высоким нравственным качествам, выдающимися умственными способностями и умению обходиться с людьми и вести хозяйственные дела в Сиротским доме.

Сделаем краткое повторение по взаимоотношению между Петром Васильевичем в ссылке и большой партией духоборцев основанное на следующих обстоятельствах, во первых со стороны общества и во вторых, со стороны Петра Васильевича Веригина:

А) Со стороны духоборческого общества:

1) Желание исполнить завещание Лукеръи Васильевны-- всеми уважаемой руководительницы--которая воспитывала Петра Васильевича в продолжении пяти лет и убедила всех в его способности быть их руководителем. Она дала им такое завещание.

2) По смерти Лукеръи Васильевны, на всеобщем собрании во время поминок, посредством демократического поклона до земли,--по форме духоборческого голосования за руководителя-- кланяющаяся большая партия избрала Петра Васильевича за своего руководителя. Только маленькая группка "губановцев" не поклонились,--подкупивши начальство арестовать его, что и было сделано в тот же момент поминок.

3) Сделавши Петра Васильевича своим избранником-руководителем, большая партия продолжала признавать его таким после его ареста и когда он был в изгнании, в тюрьмах и

наконец 16-летней ссылке, почитая его за мученика и страдальца за духоборческие убеждения и за поучение Иисуса Христа. Потому они принимали из ссылки его письменные советы--не указы, а советы--брали их со вниманием и с большим уважением, потому что они считали, что он заслужил это его преданностью духоборческому движению.

Б) Со стороны Петра Васильевича Веригина:

1) Будучи еще молодым человеком он был выбран

Лукерьей Васильевной по вызову посвятить себя на "Божие дело".

2) Он решает принимать этот вызов в действительности, в духе поучения Иисуса Христа: "Кто любит отца или мать, сына или дочь, мужа или жену более, нежели Меня, тот не достоин Меня". (От Матф. 10:37.) Такой вызов он уже принимает не от управительницы Лукерьи а от Бога, так как он уже решает делать "Божие дело". Он буквально выполняет вызов Христа.

3) С сознанием служить на "Божием деле", он принимает должность простого слуги в Сиротском доме под руководительством Лукерьи Васильевны. Сознательно или не сознательно он исполняет поучение Христа: "Больший из вас да будет вам слуга: . . . кто унижает себя, тот возвысится".

4) Через пять лет службы и воспитывания в Сиротском доме, по завещанию руководительницы Лукерьи и по желанию духоборцев большой партии, Петр Васильевич провозглашается руководителем Сиротского дома.

5) Спрашивается, был ли или не был Петр Васильевич

Веригин духоборческим руководителем? Он не мог быть лично присутствующим руководителем Сиротского дома, потому что он был арестован и сослан на 16 лет в архангельской и сибирской областях. Но он, посредством писем, мог быть и был советником духоборцев большой партии. В этом и заключается огромная важность писем П. В. Веригина. Они составляют его литературно-идейное наследие.

Петр Васильевич, во время своей ссылки, написал свыше 70 писем. Эти письма и известия о его ссылке, побудили многих имеющих разные политические и философские взгляды, в свою очередь, писать воспоминания о нем и письма ему лично-- письма от знакомых ему и от друзей толстовцев включая самого Л. Н. Толстого.

Полное воспроизведение писем с комментарием--невообразимая задача для нашей ограниченной диссертации. Лишь избранные, самые свойственные влиятельному характеру Петра Васильевича и стилю его литературы, частично воспроизведенные письма, могут здесь быть нашим ограниченным предприятием. И это совсем не маленькое задание.

1) ПИСЬМО ПЕРВОЕ

П. В. Веригин был сослан в Шенкурск, Архангельской губернии, 6 марта, 1888 года. На пути в ссылку, он написал своим братьям большой партии письмо, советую им быть свободными: пусть каждый безнасильственно избирает путь по своему

усмотрению. Притом дает и другие советы. Заметим, как это письмо подействовало на общество:

К духоборцам большой партии.
1888 года, 6 марта.

Возлюбленным братцам и сестрицам духовным . . .
Во первых строках сего письма низко и низко вам,
милые братцы и сестрицы, кланяюсь и желаю вам от
Господа Бога всего хорошего и лучшего в мире . . .

Возлюбленные . . . может быть вы утратили сознание какое было у предков и скажете: „Господи, как мы различим эти пути и пойдем вратами, за которыми расстилаются поля вечного покоя [т.е., душевного покоя] и пресветлого Царствия Господа? В этом письме, братцы и сестрицы, я Вам скажу, что легко и свободно различить и знать каждому человеку; только нужно сильно и горячо и крепко веровать и любить Господа Бога нашего, который для спасения нашего не погнулся еси девического чрева и даже пострадал за нас. Почему же и нам не любить Его . . . от всей души и всем сердцем своим . . . если у нас будет обитать мир, и согласие, и любовь друг к другу . . .

После этого мягкого и умилильного обращения, Петр Васильевич переходит к более деловому, и вместе с тем, к более серьезному стилю его выражений, желая высказаться о том, что его тревожило в жизни духоборческого движения. Но его стиль выражения не был в духе вымогательства или укора должностного лица, но как дружественного и братского советника к друзьям и братьям духоборцам, с кем он разделял их всеобщую участь. Продолжение письма следует:

Желаю и прошу вас, братцы и сестрицы, позаботиться об этом и если вы это сделаете, то сердце мое сильно и сильно будет радоваться о вас и восхвалит душа моя Отца моего небесного от края земли и до края небес. Еще прошу вас, дорогие, не ссорьтесь и не обижайте обижающих вас, а молитесь и за них Богу,

потому что они не ведают, что творят. О, Господи! Наверное суждено было совершиться, чтобы духоборцы разделились. Хотя и страшно, други, и ужасно, что сделалось, но да будет на все воля Отца нашего небеснаго. Но я за многих из вас, братцы и сестрицы, боюсь и страшит меня ваш слабый и ходящий туда и сюда дух и, может, многим из вас, еще придется поступить, как поступила жена Лотова; и опять скажу вам, други, может, кого из вас, правда, колеблет дух сомнения, то желаю вам от души подкрепиться в вере Отца непостижимого. Опять скажу вам, что в стаде Отца словесных овец не было и не будет ничего насильного, и может из вас всякий избрать путь по своему усмотрению, потому что теперь он может думать тайно в сердце своем, не веря, что ничего нет тайного, чтобы не сделалось явным. О сиротском имуществе, милые други, я и тогда еще сильно не желал, что передать его судилищу кесареву . . . и теперь подождите уже до конца, чем все это кончится, а кроме еще ничего не начинайте--пусть владеют пока, которые дерзнули на такое святотатство. О, Господи, положим это не первый случай в духоборцах, но верю и верю, други, что собранное ими серебро и золото будет им в погибель.

. . . И прошу вас, милые братцы и сестрицы, что больше мне сюда ничего не присылайте. У меня всего много здешь, и ежеминутно благодарю Господа Бога моего и всех добрых людей, спаси вас Господи.

Прощайте, прощайте, и прощайте, остаюсь жив и здоров, слава Богу.

Доброжелатель ваш и любящий вас навсегда,
Петр Васильевич Веригин.

По получению сего письма,-- пишет Сухорев (История Духоборцев, стр. 73)-- и устных передач от делегатов, бывших у Петра Васильевича, в Шенкурске, первым долгом они решили сделать разделение средствами и хозяйством с теми, которые за это время обнищали; и так как имущество Сиротского дома перешло в руки партии губановых, то те которые получили поддержку остались без таковой; поэтому духоборцы большей партии сделали

поголовное уравнение и помогли друг другу... таким образом все стали единым братством.

2) ПИСЬМО ВТОРОЕ

Второе письмо, подписанное В. Объедковым, псевдонимом Петра Васильевича--потому что в это время за ним были учинены очень строгие полицейские надзоры--было послано из Шенкурска 14 октября, 1894 года. Это письмо сообщает, что П. В. Веригина переключают из Шенкурска в Березов, Тобольской губернии, с прибавкой двух лет к сроку ссылки. Так как расстояние путешествия было сверх полторы тысячи верст, он решил ехать на свой счет, иначе идти по этапу. Но так как он не мог сладиться с начальством насчет стоимости, ему пришлось идти этапом. Об этом, пояснение будет в третьем письме, а здесь лишь заметим его чувство неудобства:

Конечно, будет немного не так удобно, да и больше времени пройдет,--быть в пути,--но что же делать? Господь Бог Иисус Христос сказал, что нельзя служить двум господам:--Богу и Мамоне, то есть своей плоти. . .

В письме он спрашивает брата Ивана:

За что арестовали Ванюшу Конкина. Если и еще будут арестовывать--это ничего, только, чтобы было за истину и во славу Господа Бога. Самое главное просят вас быть смиренными и кроткими во всех делах и случаях, а в остальном Господь Бог поможет нам на истинном пути.

Иван Евсеевич Конкин, один из самых передовых духовцев, был арестован, с четырьмя своими товарищами в 1894 году, и сослан в город Мезень, Архангельской губернии,

откуда был переведен в город Олекминск, Якутской области.

Потом он жил на Уст-Наторе, той же области, вместе с другими сосланными туда духоборцами.

3) ПИСЬМО ТРЕТЬЕ, к „Н. Н.” (Из дополнения к Письмам стр.146)

Это письмо было написано в „Архиве Льва Николаевича Толстого”, № 8, 1896 года. Указание „Н. Н.”, наверно обозначает одного из толстовцев, к кому оно было написано. Письмо кратко описывает продолжение путешествия Петра Васильевича, по этапу, из Шенкурска до Москвы. В Москве Веригин находился пять дней в пересыльной тюрьме:

28 ноября 1894 года, стан. Оларевская.

Здравствуйте дорогой друг! Наконец-то я иду в вашу Москву . . . И как бы вы думали? По этапу, --голубчик мой, с солдатами . . .

Дело в том: что по предписанию министра я переведен из Шенкурска в Березов, Тобольской губернии. По этапу же вот почему я иду.

Правительство и тут выграбило со мной штуку.

По объявлению, мне сразу было предложено поехать на свои средства (с одним проводником), на что я и дал согласие.

Жандармский шенкурский ротмистер, узнав об этом, стал доносить, „Что такого опасного человека, как Веригин, в никаком случае нельзя отправить с одним провожатым, а надо с двумя и неприменно даже с жендермами”.

И что же? Целый слишком месяц по этому делу велась переписка, и вдруг мне объявили, что нужно внести деньги за двух проводников, туда и обратно, --и поедут жандармы.

Конечно, это меня поставило в крайнее недоумение, неужели министр мог изменить своему слову? И когда я узнал, что действительно он так и поступил, то наотрез отказался ехать на свои средства. Тем более и материально выходила громадная разница. По первой смене до Тобольска мне нужно было внести 220 рублей. Потому: раз с одним проводником, -- второе мы могли еще захватить осеннего пути, то есть на пароходах. -- По второму же предложению 450 рублей.

Откуда мог Петр Васильевич достать денег, чтобы заплатить за поездку и не идти этапом? По временам, посещающие его духоборцы, передавали ему от братьев небольшие суммы денег на всякие нужды. Но он не был скопидомом или скупцом. Он всегда употреблял все свои средства на нужды бедных людей. Из продолжения этого здесь письма можно убедиться, почему он решил идти этапом:

Опасаясь оказаться сребролюбивым в этом частном случае, я купил на 450 руб. катанок и одежды; и раздал нищим Шенкурского участка, а сам пошел по этапу. . .

Удивительное впечатление произвел этим на шенкурских вообще обывателей, а в особенности на чиновников. -- Так как у жандармского были даже назначены люди, которым поехать со мной и вдруг, так неожиданно остаться на бобах . . . [т.е., осться сидеть на бобах или осться ни при чем].

Причина перевода та, что несколько раз я получал предупреждения, не кормить нищих, а также не помогать неимущим. На что я в последнее время окончательно ответил: "что не могу слушаться вас более, чем Господа Иисуса Христа. Потому я это делаю, что Он призывает поступать так." Второе же, -- пред этим я послал министру просьбу, в которой указывал на грубое взяточничество закавказских чиновников с мужиками, от куда я родной.

Копию с этой просьбы я послал после, как мне объявили перевод, -- в редакцию "Недели" и просил обратить внимание на грубый произвол.

До Вологды осталось пути еще один день. Все это расстояние прошел пешком, потому дал слово еще из Шенкурска. И Господь помог мне. Хотя первая станции было очень тяжело. На ногах образовались даже мозоли. Но потом скоро свыкся.

Приходите, голубчик, увидимся в Москве. Просите только смотрителя, чтобы позволил свидание в канцелярии.

В Москве предполагаю быть дней через пять и буду, конечно, в пересыльном замке. Со мной едет вслед и Василий Иванович [Объедков: тоже отбывая срок ссылки в городе Архангельске].

Все это время прошел бодро и весело. Всего от Шенкурска пути до Вологды 28 дней. . . Погода хорошая . . . только второй день сильный мороз. Но пешком итти самое хорошее.

Целую вас крепко. Здоров, слава Богу.

Брат ваш П. Веригин.

4) ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ, к А. С. Д.

А. С. Д. (Алексей Семенович Д.) познакомился с П. В. Веригиным в Московском Бутырском пересыльном замке. А. С. Д. написал интересный дневник за время своего тюремного знакомства с Петром Васильевичем, который в последствии переписывался с ним после пребывания в селе Обдорск, Тобольской губернии:

6 марта, 1895 г. Село Обдорск.

Здравствуйте, дорогой друг Алексей Семенович!

Наконец-то я дошел до места нового жительства и меня поселили не в Березове, --как было объявлено, --а в Обдорске. В Тобольск партия прибыла 8 февраля и меня из тюрьмы сейчас же отправили в полицейское управление. На третий день выехали на земских

лошадях, -- с проводником из городовых, -- в Березов. Поверстных знаков нет, но считают, как и обозначено в календаре, 1000 с лишком верст . . . На второй день отправились в Обдорск . . . Здесь проехали уже на оленях, расстояние 500 верст . . .

Обдорск--остяцко-зырянское село. Жители больше русские торгаши: скапают рыбу, мясо, шкуры и отправляют в Тобольск и далее . . . в Обдорск пароходы приходят очень и очень редко . . . сообщение срочное на лодках в две недели раз . . . до Обдорска. . .

Да, дорогой друг Алексей Семенович, в пути находился всего три месяца и двадцать дней. Да и то, слава Богу, прошел скоро, нигде подолгу не задерживали. Да и в пути все как то разнообразнее и веселей. Воображаю, каково вам было сидеть целую зиму в тюрьме. Прошу, поскорее отвечайте мне . . .

После этого, нами сокращенного, описания интересного своего путешествия, Веригин передает своему другу свои впечатления о тюремной жизни вообще:

Относительно того, что в тюрьмах может случилось что либо выдающееся, -- ничего. Только в Туле очень и очень мерзкая тюрьма и нас там чуть было не заморозили. Представте себе, почти самая середина зимы, а они отапливают один раз в неделю. И это, на сколько бы показалось не вероятным, но к сожалению, -- факт. Второй казус:-- "у них не сделаны парашки", -- как объяснили надзиратели, старые же совсем "расхудились". Тюрьма на запоре и из верхних камер в нижня постоянная течь. Мне так невольно вкрадась мысль, что казна, быв в состоянии поставить трехэтажный замок, -- вероятно стоящий далеко за сто тысяч, не в состоянии держать крепких "парашек". На второй же день я попросил доктора и обратил его внимание, который тут же накричал на смотрителя, с тем, "что он немедленно донесет министру о таком безобразии". Были мы дня четыре и камеры уже топились каждый день. "Течь" же так и осталась течью. Не знаю, устраниено ли это там или и по сей час так. . .

Заметивши вкратце грубые отношения к ссыльным в Челябинской и Екатеринбургской тюрьмах, потому что надзиратели были "драчуны" и избили трех ссыльных как только они вошли

в ворота, Веригин заключил из этого, что управители были членами исправительных рот. Он еще не знал, что он будет делать в Обдорске: рыбный промысел, --вряд ли--может быть огородничество в парниках...

Отвечая Петру Васильевичу в письме, Алексей Семенович, в свою очередь, описывает в "дневнике" свое тюремное заключение в Московской центральной пересыльной тюрьме. Он там был заключен по поводу его запрещенного знакомства с П. В. Веригиным. Его рукопись "Из Тюрьмы"--была напечатана в № 7 "Архива Льва Н. Толстого" 1896 г. Но так как содержание дневника--хотя очень назидательно--лишь повторяет разговор Веригина в его письмах, писать об этом здесь будет излишне.

5) ПИСЬМО ПЯТОЕ

Письмо пятое было написано из Обдорска 30 мая 1895 г. ко всем братьям и сестрам в Закавказье, к которым Веригин шлет мир и благодать и следующий совет для личной жизни:

Для личной жизни человека, по понятиям которого "на земле все есть создание Господа Бога" и следовательно "в мире ненавидеть нельзя ничего, кроме нехороших поступков",--необходимо твердо знать, что хорошо, что дурно, что нужно ему делать и что нет. А чтобы узнавать, что хорошо и что дурно, нам дана совесть и разум, только надо быть строго внимательным к своим делам...

6) ПИСЬМО ШЕСТОЕ, ко всем духоборцам большой партии.

Это письмо было написано П. В. Веригиным в Обдорске и послано ко всем духоборцам большой партии. По его содержанию

это письмо пользуется громадной, такой-же известностью с псалмом 144 в „Животной Книге“, „Из общих взглядов христианской обчины всемирного братства“. В „Животной Книге“, ПИСЬМО ШЕСТОЕ называется „Рассказом“ и начинается словами: „Возлюбленный братец...“ а псалом 144 содержит в себе десять стихов или заповедей и читается членством на их молениях и оканчивается словами: „Богу нашему слава“. По сведению Владимира Бонч-Бруевича, оба произведения принадлежат перу руководителя духоборческой большой партии, Петру Васильевичу Веригину. Мы полностью ставим вместе эти два наиважнейших произведения Веригина. Они вполне определяют духоборческое мировоззрение:

Письмо шестое:

„Возлюбленный братец, в Господе, Иисусе Христе, желаю побеседовать с тобой, дорогой братец! В чем заключается твоя вера?“--Исповедую закон Господа моего Иисуса Христа и понимаю о нем не внешне, а внутренне. Когда мы живем в воле Отца, Господа нашего, то и Господь живет в нас, оживотворяя нас, просвещает лучезарным светом разум наш. Желающие исполнить волю Отца Небесного, должны покорить сердца свои под власть Господа. Господь глаголет нам: „Вы куплены дорогою ценой, не делайтесь рабами человеков. Познайте истину и истина освободит вас“.

[От Иоан. 8:32.]

Принимаясь за это великое дело, мы должны сознать, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Эта задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания, даже смерть. Нас ожидают: непонимание, ложные толкования, клевета; против нас должны подняться ложь, буря гордости, фарисейства, честолюбия, жестокие правители, власти--все это может соединиться, чтобы уничтожить нас; таким образом поступили с нашим Господом Богом Иисусом Христом, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не должны пугать эти ужасы; мы надеемся не на людей, а на всемогущего Господа.

Если мы откажемся от человеческого заступничества, что может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая весь мир. Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергнуты, а будем радоваться тому, что удостоились разделить страдания Господа нашего Иисуса Христа. „Вследствие всего этого мы передаем души свои Богу и верим тому, что сказано, что тот, кто оставит дом свой, братьев и сестер, отца или мать, или детей, или нахитое свое ради Господа, тот получит в сто раз больше и в царствии небесном наследует жизнь вечную.“

Здесь важно заметить, что Петр Васильевич часто в своем поучении парофразирует смысл поучений Иисуса Христа, как и в настоящем случае, например: Ев. от Матф. 19:29; от Марка 10:29-30. Продолжение следует:

И так твердо веря, не смотря на то все, что может вооружиться против нас,--в несомненное торжество правды, мы надеемся на разум и совесть человечества, а более всего на силу Божью, которой должны вручить себя. Христианину обещаться в повиновении людям или законам людским, все равно, как нанявшейся хозяину работник обещался бы вместе с тем исполнять все то, что ему прикажут еще и чужие люди. Нельзя служить двум господам. Христианин освобождается от человеческой власти тем, что признает над собой одну власть--Бога и закон, который Ему открыт Господом Иисусом Христом. Он сознает его в самом себе и подчиняется только Ему. Жизнь человека заключается в том, чтобы творить не свою волю, а Волю Бога. Христианин может быть подвергнут венному насилию и может быть лишен телесной свободы и вместе с тем может быть свободен от своих страстей. Делающий грех есть раб грехов. Христианин смирен и кроток, ни с кем не спорит, ни на кого не нападает, ни против кого не употребляет насилия, а напротив того, сам переносит, неприклонно, насилия и тем побеждает зло.

Слово о псалме 144 в „Животной Книге“, из общих взглядов Христианской общины всемирного братства: по сведению В. Бонч-Бруевича, этот псалом, как и предыдущее письмо шестое, были написаны первом Петром Васильевичем Веригиным в 1895-96

годах. Духоборец И. Е. Конкин в своем письме от 12 декабря 1896 г. пишет: "Эти десять пунктов мы считаем как бы новым правилом христианской жизни, или десять заповедей „Нового Завета". В. Бонч-Бруевич пишет:

В 1896 г. я просил духоборца И. П. Обросимова ответить мне на вопрос: "в чем заключается его вера?" Он ответил мне именно этим письмом Петра Васильевича. ("Письма", стр. 12.)

Дальше пишет В. Бонч-Бруевич:

Эти ОБЩИЕ ВЗЯЛЯДЫ, признанные духоборцами за псалом, считаются ими самым главным руководством в их теперешней жизни.

(Примечание 88, "Письма", стр. 93, В. Б. Б.)

ПСАЛОМ 144: ИЗ ОБЩИХ ВЗГЛЯДОВ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ
ВСЕМИРНОГО БРАТСТВА--"ЖИВОТНАЯ КНИГА".

Стр. 153.

1. Члены общины уважают и любят Бога, как начало всему существующему.

2. Уважают достоинство и честь человека, как в самом себе, так равно и в себе подобных.

3. Члены общины смотрят на все существующее любовно и с восхищением. В этом направлении стараются воспитывать детей.

4. Под словом Бог члены общины разумеют: силу любви, силу жизни, которая дала начало всему существующему.

5. Мир состоит из движения; все стремится к совершенству и через этот процесс старается соединиться со своим началом, как бы возвратить созревший плод семени.

6. Во всем существующем нашего мира мы видим переходные ступени к совершенству, как например,

начинается с камня, переходит к растениям, потом животным, из которых самым крайним можно считать человека в смысле жизни, в смысле мыслящего создания.

7. Уничтожать, разрушать что бы ни было, члены общин считают предосудительным, В каждом отдельном предмете есть жизнь, а следовательно и Бог, в особенности же в человеке. Лишить жизни человека ни в каком случае непозволительно.

8. Члены общин в своем убеждении допускают полнейшую свободу всему существующему, в том числе и существования человека. Всякая организация, установленная насилием, считается незаконной.

9. Главной основой существования человека служит энергия мысли, разум. Пищей вещественной служат: воздух, вода, фрукты и овощи.

10. Допускается общинная жизнь в людях, держащаяся на законе нравственной силы, правилом которого служит: чего себе не хочу, того не должен желать другому.

БОГУ НАШЕМУ СЛАВА.

[Прим.: слова "Богу нашему слава", прибавлены духоборцами, как признак возведения "общих взглядов" на степень "псалма". Замечательный духоборец И. Е. Конкин, в 1896 году, пишет: "Эти десять пунктов мы считаем как бы основным правилом христианской жизни, или десять заповедей "Нового Завета".

(„Письма", стр. 94.)]

ПИСЬМА: 7, 14, 22, и 42, П. В. Веригина, к Толстовцу Ивану Михайловичу Трегубову--избранные частицы на тему
"ГРАМОТНОСТИ"

7) В письме седьмом, П. В. Веригин высказывает свое мнение о грамотности и книгах. Хотя он сам довольно грамотный, но ему кажется, что грамотность не совсем полезна для отыскания истины и здравого смысла жизни. Он пишет:

В таком деле, как исканье истины, не следует доверяться книге. Каждая книга не совершенна, потому что как форма или неодушевленная вещь.

И хотя

. . . книги много помогают в разрешении вопросов, но также иногда и много затрудняют. Тогда как ваш собственный голос призыва, никогда вас не обманет, лишь бы ваши желания были искрены, то есть чтобы полностью присутствовала душа [или совесть]. Если замечаются колебания, не нужно начинать действовать.

14) В письме четырнадцатом Веригин не соглашается и с тем, что грамотность служит важным пособником в развитии нравственного и умственного человека. По его мнению, это ошибочно:

Вспомните, сколько было нравственно-разумных людей совершенно неграмотных, да может сейчас есть несколько миллионов; наоборот, всмотритесь в грамотный люд, и без пристрастия можно сказать, что очень и очень громадный процент из них мошенники и шулера.
(Стр. 28.)

Но из этого отрицательного отношения к современной постановке образования, которое дает "грамотность", по преимуществу, в руки эксплуататоров, вовсе не следует делать такого заключения, что Петр Васильевич совершенно не признает пользы от книг, грамотности и образования. В письме сороковом (к Павлу Ивановичу Бирюкову), он пишет:

40) Я хотя и против грамотности, но грамотность, я считаю как часть цивилизации, которую,--то есть цивилизацию, как она сейчас есть,--я считаю незаконной, в том числе, конечно, и грамотность. Но лично против грамотности я ничего не имею. Да и при том, возможно-ли принимать такие частные явления "несогласий", подобно моему? Это равносильно капле в море.

Вы не примите так,--[он пишет Трегубову]--что я не признаю книги, за которые вторично вас благодарю . . . Присылайте и еще, если что будете издавать, только чтобы было чисто христианское. (Письмо 7.)

В последнее время Веригин стал относиться к „образованности“ менее отрицательно. Это произошло, несомненно под влиянием писем Льва Николаевича Толстого (два письма Толстого к Веригину о которых мы скажем ниже), а еще и потому что он, задумавшись над этим вопросом для своей духоборческой общины, в случай ее переселения в Канаду, пришел к заключению, что в свободной стране, где нет такого пагубного влияния священства и господствующей церкви, где будет можно поставить вполне свободно и разумно, „грамотность“ и образование, которые бы были не только полезны, но и необходимы. В письме сорок втором к Трегубову, Петр Васильевич пишет:

42) За себя скажу: самой главной необходимостью считаю усвоить дух Христа, дух мира, любви,--а в том, что нас расселят или выселят куда либо--дело безразличное . . . Если выселят нас куда либо в одно место, то я начинаю уже представлять ту возможную жизнь. Мы ее начали бы, с помощью Бога, на совершенно общинных, братских основаниях. Устрояли бы школы грамотности, постарались бы установить правильные отношения к земле, по отделу сельского хозяйства и тому подобное. (Стр. 107.)

В письме шестидесятом (стр. 132) к Изюмченко, Петр Васильевич пишет:

60) Мне пишут, что в Америке вообще обучение грамотности обязательно. Это тем лучше, потому что простая грамотность необходима, как пособие в жизни, например: чтобы уметь прочитать и написать. Не надо понимать, что грамотность положительно просветит человека, но повторяю, она может быть пособием и человек, читая книги, может приобрести сведения, а также мысль его будет развиваться. . . Если нашим Бог даст устроиться в Америке, то обучение грамоте даже необходимо.

Кто был Изюмченко? Николай Трофимович Изюмченко,

толстовец, отбывая воинскую повинность, "за неисполнение приказания" ротного командра не читать книг, был в 1891 г. приговорен судом к 50 ударам розог. Узнав об этом приговоре он убежал из полка и пришел к другу своему Е. Н. Дрожжину, находившемуся в то время в городе Судже, Харьковской губернии, Через некоторое время он, по совету своих друзей, вновь вернулся в полк, отдал ружье и отказался от военной службы.

Военные власти немедленно арестовали Изюмченко, посадили сначала на гауптвахту, а потом в секретную камеру на 15 месяцев. Переданный военному суду по высочайшему повелению, Изюмченко был присужден на два года дисциплинарного батальона. После ... по личному приказанию Александра III, он был выслан на три года в Тобольскую губ., но эти "три года" тянулись до 1898 г. (Прим.: "Письма" В. Б. Б., стр. 34). Массы духоборцев, включая П. В. Веригина, перетерпели более грубые и страдальческие испытания.

Мы уже заметили, что в письмах 7-м, 14-м, 22-м и 42-м, посланных к Ивану М. Трегубову, Петр Васильевич выражался, до степени, отрицательно о книгах и о грамотном образовании. Трегубов же, в свою очередь переписывался с Л. Н. Толстым, пересылая ему выше указанные письма Веригина относительно "грамотности". Толстой не совсем соглашался с Веригиным, и лично написал ему об этом первое письмо. Важность этого письма заключается в том, что хотя оно не совсем переменило взгляды Веригина по отношению к грамотности, образованности

и библиофильтву, оно все-таки значительно смягчило и, в некоторых обстоятельствах, совсем изменило его отрицательные взгляды по поводу "грамотности".

Чтобы яснее понять, что побудило Льва Н. Толстого написать второе письмо Веригину, нужно представить причину. Веригин переписывался с Изюмченко, а Изюмченко в свою очередь переписывался с Толстым и пересыпал ему письма Веригина. Одно из пересыльных писем было письмо 17-е, в котором Веригин, зная о Толстом лишь по наслышке, выразился с критикой против некоторых, будто Толстовских, понятий о цивилизации и т. п. темах. В письме Веригин пишет:

17) Доживая первый срок в Архангельской губернии, на возвратном пути я хотел непременно побывать у Л. Н. Толстого. Это не удалось. В чем заключается ёгосфилософий? Прөизведений его я не читал. Только понаслышке знаю, что он отрицает законность современной "цивилизации", то есть прогресса ея. Если его идеал остановился на шитье сапог,--и это я говорю серьезно,--и тому подобной обстановке быта человека, то это, конечно, вышло бы очень и очень непоследовательно, потому что, чтобы шить сапоги, нужны шилья, шилья же, как известно, вырабатываются на фабриках, а следовательно нельзя закрыть рудники, где мучаются люди, откудова добывается руда. Если же Лев Николаевич думает последовательно--от простых сапог обуть в лапти, то от лаптей человечество должно ли далее прогрессировать к совершенству? Одной нравственно-моральной проповеди недостаточно, потому что наша моральная система сопряжена с вещественной, то есть потому, что дух соединен с плотью, душа наша облечена в плоть.

(Стр. 45.)

Это 17-е письмо Веригина к Изюмченко очень длинное и, по отношению к нравственно-философским размышлениям Толстого, оно заключало в себе чрезчур сложные и предположительные аргументы.

Перечитывая это пересыльное письмо Веригина к Изюмченко, которое зацепило Толстого лично, он убедился, что Веригин был неправильно осведомлен о его (толстовских) размышлениях, а сам, Веригин, ошибочно толковал темы грамотности, прогресса современной цивилизации, физической и нравственно-духовной деятельности человека и родственные темы.

Важно здесь добавить, что с 1894 по 1896 г., Толстой, по сведению своих последователей толстовцев, знал Веригина лучше, чем Веригин знал Толстого. Только по прочтению рукописи Толстого: "Царство Божие внутри вас" ("Письма", стр. 162), Веригин узнал о величии характера Толстого и о сходственности его стремлений со своими. Толстой, в свою очередь, высоко оценивал характер Веригина и его самоотверженную деятельность и потому сильно участвовал в деле освобождения духоборцев, и самого Веригина, из ссылки--от гнета наложенного на них русским правительством и духовенством.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО К П. В. ВЕРИГИНУ

а) ПИСЬМО ПЕРВОЕ

[Было напечатано в "Свободной Мысли", № 11, 1900 г., Женева.]

Дорогой брат! И. М. Трегубов прислал мне ваше письмо к нему и я очень радовался, читая его, радовался тому, что узнал про вас и как будто услыхал ваш голос, понял, о чем вы думаете и чем живете. Вижу из письма вашего, что вы живете в духовном мире и заняты духовными вопросами. А для блага человека это главное, потому что только в духе

человек свободен и только духом творится дело Божие и только в духе человек чувствует себя в единении с Богом, так как „Бог есть дух“. Мысли высказываемые вами в письме о преимуществах живого общения над мертвой книгой [подчеркивание мое -- Т.К.], мне очень понравились и я разделяю их. Я пишу книги и потому знаю весь тот вред, который они производят, знаю, как люди не желающие принять истину, умеют не читать или не понимать того, что им против шерсти и обличает их, как перетолковывают и извращают, как они перетолковали Евангелие. Все это я знаю, но все-таки считаю в наше время книгу неизбежною. Я говорю: в наше время, в противоположность временам евангельским, когда не было печатания, не было книг, и средство распространения мыслей было только устное. Тогда можно было обходиться без книги, потому что и у врагов истины не было книги: теперь же нельзя представлять одним врагам это могущественное орудие для обмана и не пользоваться им для истины. Не пользоваться книгой или письмом для передачи своих мыслей или восприятия мыслей других людей все равно, что не пользоваться силой своего голоса для передачи сразу многим людям того, что имеешь сказать, и своим слухом для того, чтобы понять то, что громко говорит другой человек, а признавать возможность и восприятия мыслей только один на один или шепотом. Письмо и печать только увеличили в тысячи, сотни тысяч раз число людей, которым может быть слышен выражающий свои мысли, но отношение между выражающим и воспринимающим остается тем же: как в устной беседе слушающий может вникнуть и понимать или может точно также пропускать мимо ушей то, что ему говорится, то же и в печати; как может читающий книгу вкрай и вкось перетолковывать ее, также и слушающий ушами; как в книгах можно--как мы это и видим--много писать лишнего и пустого, так точно можно и говорить. Разница есть, но разница иногда в пользу устного, иногда в пользу печатного общения.

Здесь приходится поставить прямой вопрос: -- ЧТО Веригин подразумевает под „преимуществом живого общения над мертвой книгой“? Под „живым общением“ он подразумевает устный разговор между двумя людьми, устную беседу между многими или речь одного в присутствии многих слушателей. Под „мертвой

"книгой" он подразумевает печатное или письменное слово для чтения грамотных людей. Здесь можно согласиться с тем, что человек не может разговаривать так интимно с книгой, как со своим другом или другим человеком. Но через книгу или запись или письмо от друга, человек все же может воспринять живое общение с другими людьми. Потому, "преимущества", здесь, в этих двух обстоятельствах, занимает совсем переходную функцию или выгоду. Об этой переходной выгоде Толстой дальше, так ярко и убедительно, пишет:

Выгода устной передачи та, что слушатель чувствует душу говорящего, но тут же и невыгода та, что очень часто пустые говоруны, как например адвокаты, одаренные даром слова, увлекают людей не разумностью речи, а мастерством ораторского искусства, чего нет при книге; выгода другая устной передачи та, что непонявший может переспросить, зато невыгода та, что непонимающие, часто нарочно непонимающие, люди могут спрашивать то, что не нужно, и перебивать ход мысли, чего тоже нет при книге. Невыгоды книги те, что во 1-х бумага все терпит и можно печатать всякий вздор, стоящий таких огромных трудов рабочих бумаги и типографщиков, чего нельзя делать при устной передаче, потому что не станут слушать вздор; во 2-х те, что они (книги) разрастаются в огромном количестве и хорошие теряются в море глупых, пустых и вредных книг. Но зато выгоды печати тоже велики и состоят главное в том, что круг слушателей раздвигается в сотни, тысячи раз против слушателей устной речи.

Толстой предает большое значение увеличиванию круга читателей; легко найти пример: по прочтению произведений Толстого--в мировом масштабе--заключающих в себе художественные и духовно-нравственные поучения Христа,--цитируя Ев. от Матф. 5:39, о "несопротивлении злу насилием"--образовалась идеино-нравственная согласованность между толстовцами,

духоборцами, последователями Ганди и Д. Кеннуорти, Квакерами -- мировая согласованность пацифистов России, Индии, Англии, Америки и многих других стран--и эта согласованность не оставалась бездейственной, иначе для духоборчества другого выхода не было бы, кроме возвращения под строгую власть самодержавия и под вероисповедание православного духовенства или постепенное разобщение и гибель в холодной Сибири. С полным сознанием подобной действительности, Толстой продолжает:

И это увеличение круга читателей важно не потому, что их становится много, и потому, что среди миллионов людей разнообразных народов и положений, которым доступна книга, отбираются сами собой единомышленники, и благодаря книге, находясь за десятки тысяч верст друг от друга, не зная друг друга, соединяются в одно и живут единой душой и получают духовную радость и бодрость сознания того, что они не одиноки. Такое общение теперь я имею с вами и с многими и многими людьми, других наций, никогда не видевши меня, но которые мне близки больше моих сыновей и братьев по крови. Главное же соображение в пользу книги то, что при известной степени развития внешних условий жизни, книга, печать вообще ёщелась средством общения людей между собой и потому нельзя пренебрегать этим средством. Столько вредных книг написано и распространено, что противодействовать этому вреду можно только книгой же. Клин выбивать клином, Христос сказал: "что я говорю вам на ухо, то будете говорить с крыш". Это самое провозглашение с крыш и есть печатное слово. Печатное слово есть тот же язык, только хватающий очень далеко, и потому к печатному слову относится и все то, что сказано об языке: им же благословляем Бога и им же проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию; и потому нельзя не быть достаточно внимательным к тому, что говоришь и слушаешь, так же как и к тому, что печатаешь и читаешь.

Наконец Толстой дружески напоминает Веригину об их сходственности в понятиях об истине, которую они оба воспри-

нимают из поучений Христа. Его заключение подтверждает их живое единодушие в этом поучении:

Пишу все это не потому, чтобы думать, что вы иначе думаете (из вашего письма вижу, что вы так и понимаете это), но потому, что эти мысли пришли мне в голову и захотелось поделиться ими с вами. В особенности полюбилось мне в письме вашем то, что вы говорите о том, что „если бы мы сохранили все, данное уже свыше нам, то вполне бы были счастливы. А то, что необходимо и законно, то непременно должно быть в каждом и получается непосредственно свыше или от самого себя.—Это совершенно справедливо, и я точно также понимаю человека. Всякий человек несомненно знал бы всю истину Божию, все то, что ему нужно знать для того, что хочет от него Бог, если бы только это открытая человеку истина не затемнялась бы ложными толкованиями человеческими. И потому для познания Божеской истины человеку нужно прежде всего откинуть все ложные толкования, и все соблазны мирские, влекущие его к принятию этих толкований, и тогда останется одна истина, доступна младенцам [от Луки 10:21], потому что она свойственна душе человеческой. Трудность же главная в том, чтобы, откидывая ложь, не откинуть вместе с ней и часть истины, и в том, чтобы разъясняя истину не внести новых заблуждений.

Благодарю вас любезный брат, за поклон, который вы прислали мне. Пишите мне, если ничто этому не помешает, в Москву. Не могу ли чемнибудь служить вам? Вы меня очень обрадуете, если дадите какое либо поручение.

Братски обнимаю вас.

Лев Толстой.

21 ноября 1895 г.

Мы здесь полностью процитировали первое письмо от Толстого к Веригину, не потому только, чтобы доказать ошибочность Веригина в данном случае и заметить правильную несогласованность с ним Толстого. Но ведь, как и видно из письма

Толстого, возражения его не были так серьезны, в данном случае, как и взгляды Веригина не считались им совсем непогрешимыми, отрицающими всякое логическое возражение, -- даже личностью, подобно имени Л. Н. Толстого. Все письма на эту тему Петр Васильевич не считал за доктрины. Он нигде не приписывает им полную непогрешимость. В них он ставит аргументы вызывающие лишь дружественные одобрения и братские возражения Толстого.

Мы цитируем Толстого и Веригина вместе, убедившись, что они сходственны по их характеру, по их духовно-нравственному направлению в письмах, в литературе, по их сложности в аргументах. Оба писателя не склонны к мистицизму, -- совсем не слывут за мистиков, оба по темпераменту -- ярые индивидуалисты в образе мыслей и по действию, оба преследуют чистую независимость под правилами духовно нравственных принципов, оба стараются жить по духу и поучению Иисуса Христа, -- его слова они не только неустанно воспроизводят в памяти, но и лично принимают их за правила; ни тот, ни другой не принимает религиозные поучения за веру слепо, вне критического умственного рационализма. (Под рационализмом мы подразумеваем умственное направление, согласно которому, только те догматы веры приемлемы, которые разум принимает согласными с логикой и с естественным светом разума).

б) ПИСЬМО ВТОРОЕ

Л. Н. Толстого к П. В. Веригину

Здесь Толстой входит с Веригиным в естественный, т.е. нормальный и обусловленный аргумент или рассуждение о свойственных, для обоих, темах. В этом письме Толстой обращается к Веригину за поисками истины, в данном естественном случае, с рационалистической точки зрения. Петр Васильевич, будучи сам склонным к рационализму, --иначе он отказался бы брать это во внимание,--принимает благоприятно обращение Толстого и в последствии, если не совсем изменяет, то по крайней мере, смягчает резкость своего умственного направления. После цитирования полностью этого письма,--так как оно назидательно, не только современно, но и для всякого времени,--нам впредь будет яснее увидеть, как оно изменило умственное направление П. В. Веригина. Письмо Толстого следует:

Дорогой друг! Вчера получил ваше письмо и спешу отвечать. Письма до вас и от вас ходят долго, а жить мне остается не долго.

В ваших доводах против книги очень много есть справедливого и остроумного--сравнение с фельдшером и врачом, [т.е. сравнение фельдшера, как лица со средним медицинским образованием с врачом, лицом высшего медицинского образования], но все они не основательны, главное по тому, что вы сравниваете книгу с живым общением так, как будто книга исключает живое общение. В действительности же одно не исключает другого и одно помогает другому.

По правде скажу вам, что ваше упорное возражение против книги показалось мне исключительным сектантским приемом защиты раз принятого и высказанного мнения. А такая исключительность не сходится с тем

представлением, которое я составил себе о вашем уме и главное вашей сердечности и искренности. Бог ведет людей к себе и к исполнению своей воли всеми путями: и сознательным, и бессознательным: Сознательным, когда люди стараются исполнить Его волю; бессознательным, когда они делают, как ~~думают~~, думают ^{свою} волю.

Для совершения воли Бога, для исполнения Его царства на земле, нужно единение людей между собой, чтобы все были едины, как Христос сознавал себя единым с Отцом. Для этого же единения нужно: одно внутреннее средство: познание выражения истины, такое как то, которое было сделано Христом, которое соединяет всех людей и другое внешнее средство: распространение выражения этой истины, которое совершается самыми разнообразными путями; и торговлей, и завоеваниями, и путешествиями, и книгой, и железными дорогами, и телеграфами и еще многими другими способами, из которых некоторые, как завоевания я должен отрицать, но другие, как книгу и быстрые способы сообщения я не имею основание отрицать, и если не хочу лишать себя удобного орудия служения Богу, не могу не пользоваться. То же возражение, что для книг и железных дорог нужно лезть под землю за рудой и в доменную печь, то это же нужно делать и для сошника, лопаты, косы. В том, чтобы лезть под землю за рудой или работать у доменной печи нет ничего дурного и я когда был молодым, да и теперь всякий человек охотно ползет под землю из молодечества и будет работать железо, если только это не будет принудительно и будет продолжаться не всю жизнь его и будет обставлено всеми удобствами, которые придумают наверно люди, если все будут работать, а не одни наемные рабы.

Вот такое рассуждение Толстого мы и принимаем за рациональный подход к нравственной и духовной жизни человека. Толстой совсем не ставит эти свои умственные заключения за непогрешимые догмы. Если бы Веригин, или кто нибудь другой, рационально убедил Толстого в непоследовательности его аргумента, в чем бы то нибыло, он бы охотно переменил направление

своего умственного заключения. Он совершенно доказывает свою податливость в убеждениях, в письмах к Веригину. Толстой продолжает:

Ну, не будем больше говорить об этом, но только верьте мне, что если я пишу вам то, что пишу, то это не потому что я писал много книг и еще пишу,-- в том, что самая простая хорошая жизнь дороже самых прекрасных книг, я всей душой согласен с вами--и не потому даже, что благодаря книгам я вхожу в общение--как нынешней осенью с индуистом, разделяющим совершенно наши христианские воззрения и приславшим мне английскую книгу своего соотечественника, излагающую учение браминов, совпадающее с сущностью учения Христа, и еще вошел в общение с японцами, исповедующими и проповедующими чисто христианскую нравственность, из которых двое на днях посетили меня. Не это побуждает меня не соглашаться с вами и не отрицать книгопечатание также, как железные дороги, телефоны и тому подобное, а то, что когда я вижу на лугу муравьиную кочку, я никак не могу допустить, что муравьи ошиблись, взрывая эту кочку и делая все то, что они делают в ней. Точно также глядя на все то, что в материальном отношении сделали люди, я не могу допустить, что все это они сделали по ошибке. Как человек, [а не муравей], я в человеческой кочке вижу недостатки и не могу не желать исправить их,--в этом состоит мое участие в общей работе,--но желаю я не уничтожить всю кочку человеческого труда, а только правильнее разместить в ней все то, что размещено в ней неправильно. И неправильно размещено в человеческой кочке очень много, о чем я писал и пишу, болел и болею и стараюсь, по мере сил, изменить.

Письмо это очень важно потому, что оно было побуждено письмами П. В. Веригина, с кем Толстой во многом соглашался. Письма выражающие творческую и духовно-нравственную деятельность Веригина послужили Толстому--дали ему повод--выразить свою мысль и, вместе с тем, свою способность помочь разрешить духовно-нравственные проблемы представленные ему Веригиным.

Толстой дальше продолжает:

Неправильно в нашей жизни впервых и прежде всего то, что средство поставлено целью, что то, что должно быть целью--благо ближнего--поставлено средством, то есть что благо человека, самая жизнь его, жертвуется для произведения орудия нужного иногда всем людям, а иногда нужного только для прихоти одного человека, как это происходит, когда жизни человеческие губятся для производства нужных только некоторым, а иногда никому не нужных и даже вредных предметов. Неправильно то, что люди забывают, забыли, или не знают, что не только для производства зеркала, но ни для таких самых важных и нужных предметов,--как сошник, коса,--не может и не должна быть погублена не только жизнь, но не может быть нарушено счастье ни одного, самого кажущимся ничтожным, человека, потому что смысл жизни человеческой только в благе всех людей. Нарушить жизнь и благо какого нибудь человека для блага людей все равно, что для блага животного отрезать у него один член.

В этом страшная ошибка нашего времени; не в том, что есть книгопечатание, железные дороги и тому подобное, а в том, что люди считают позволительным пожертвовать благом хоть одного человека для совершения какого бы то ни было дела. Как только люди потеряли смысл и цель того, что делают, [цель только одна, благо ближнего], как только решили, что можно пожертвовать жизнью и благом живущего всем в тягость старика или хоть идиота, так можно пожертвовать и менее старым и менее глупым и нет предела, можно всеми жертвовать для дела. Вот это неправильно и с этим надо воевать...

По понятию Толстого, цель жизни человечества есть благо всех. Потому, цель жизни каждого человека есть благо ближнего. Потому благо исходит из взаимной зависимости людей. Способ или средство блага--любовь. Это понятие сводит вместе Толстого и Веригина, так как это понятие исходит из поучения Иисуса Христа: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя",

(Ев. от Матф. 22:39). Толстой определяет, что нужно для блага:

Для блага же теперь живущих людей нужно то, чтобы одни люди не мучили и не угнетали других, не лишали бы их произведений их труда, не принуждали бы их работать ненужные им вещи или такие, которыми они не могут пользоваться, главное, не считали бы возможным и законным, во имя какого бы то ни было дела или материального успеха, нарушить жизнь и благо ближнего или, что тоже самое с другой стороны--не нарушать любовь.

Важно здесь заметить и то, что Христос не останавливался лишь на любви взаимной, но вызывал сильных душой к любви самоотверженной: "Любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас . . . будьте милесерды, как и Отец ваш милосерд" (от Луки 6:27, 36). Веригин проявляет в себе и такую любовь, о чем Толстой сознательно пишет:

Очень мне было радостно то, что вы пишите о своей жизни и о том, как вы, прилагая к ней то, что исповедуете и в тех тяжелых условиях, в которых находитесь, трудом добываете пропитание. Ни в чем, как в этом, не познается искренность человека. Я очень плох в этом отношении стал теперь: так окружена всякой роскошью, которую ненавижу и из которой не имею сил выбраться. Поэтому ваш пример поддерживает меня и я всетаки стараюсь.

Спасибо, что прислали выписку из дневника.
 [Уголовный А. С. Д. который случайно попал в одну камеру с П. В. Веригиным, в Московской центральной пересыльной тюрьме и написал об этом дневник "ИЗ ТЮРЬМЫ". После из Сибири, Веригин переписывался с ним, получивши от него этот дневник, Веригин переслал его к Толстому. См. письма: 4-е, 65 и 66]. По случаю выраженных там ваших мыслей, хотелось поделиться с вами некоторыми соображениями в этом-же направлении. Сделаю это в другой раз.

Прощайте пока; пожалуйста, не позвольте себе недоброму чувству подняться против меня за

возражения мои на ваши мысли, выраженные не только в письме ко мне, но и в письме к Ев. Ив. [Евгений Иванович Попов, который написал предисловие к рукописи "Из Тюрьмы"]. Вы мне очень дороги и я стараюсь как можно прямее, по братски, относиться к вам.

Любящий вас Лев Толстой.

14 октября 1896 г.

Теперь заметим здесь, как повлияли эти два письма от Толстого на П. В. Веригина, не только относительно Книг, грамотности и образования, но и в других идейных направлениях, например: перед чтением этих, предыдущих писем от Толстого, Веригин в своих письмах писал:

В таком деле, как искание истины, не следует доверяться книге. Каждая книга не совершенна. . . Читать книгу во время досуга, это значит тратить время совершенно бесполезно, что мы и делаем много в жизни. И это сказано без оговорки. (Письмо 7-е к Ивану Михайловичу Трегубову, стр. 15.)

В письме 14-м, к той же личности:

Что грамотность служит важным пособием в развитии умственного и нравственного хода человека, по моему мнению, это ошибочно. . . Наоборот, всмотритесь в грамотный люд, и без пристрастия можно сказать, что очень и очень громадный процент из них мошенники и шулера. (Стр. 28.)

В письме 22-м, тоже к Трегубову?

Да, это почти проверенный мною взгляд, что лучше бы было, если бы не было грамотности . . . Все те многотомные сочинения с их профессорскими кафедрами, --как убийственно они насилиуют человека! Мальчик или человек переживает обновляемое время; умственная его система, как телесная должна бы развиваться сама по себе. Нет! его "пичкают"--а иногда и вбивают,--двух-трех тысячным периодом лет прошедшего времени. . .

Наука-грамотность в частности, можно сказать, только тормозит развитие человека, развитие знания истины. . . Да, это почти проверенный мною взгляд:

лучше бы было, если бы не было грамотности. Такую грамотность, как это письмо, в передаче мысли на расстояние, я еще допускаю, хотя в последующей переписке я намерен говорить об этом вопросе, в котором последуют опровержение и этой необходимости. Например, из этого письма вы можете извлечь что либо полезное, но допускать, чтобы оно могло служить назиданием через две-три тысячи лет, --это абсурд. Я полагаю, что через две-три тысячи лет мозги у человека будут иначе сформированы, и следовательно мысль, которая имела законность в наше время, не могла бы вкладываться в те рамки. . .
Вот ваше письмо [т.е. письмо Трегубова] вызвало меня на какой разговор. Вы говорите: "что мы тщетно ищем в книгах истину", выходит, что истины надо разыскивать. По нашему же воззрению она приходит сама, "Аз стучу у двери, кто примет меня, я войду к нему". [Откр. Св. Иоанна.] Ее только надо воспринимать. (Стр. 66-67.)

По прочтению выше цитированных--горячих, положительных и весьма убедительных--двух писем от Толстого, взгляды Веригина постепенно теряют их отрицательность к грамотности, к книге и вообще к образованности и т.п. Он постепенно делался толстовцем, как и Толстой в некоторых его размышлениях, был Веригинцем,--и в этом не могло быть ошибки.
Современные духоборцы,--Веригинцы-Толстовцы.

В письме 40-м к Павлу Ивановичу Бирюкову, 10 декабря 1896 г., Петр Васильевич пишет:

Я хотя и против грамотности, но грамотность я считаю как часть цивилизации, которую, как она теперь есть,--я считаю незаконной, в том числе, конечно, и грамотность. [т.е. незаконность грамотности исходит из незаконной цивилизации, а это уж по толстовски] Но лично против грамотности, я ничего не имею. Да притом, возможно-ли принять такие частные явления, подобно моему? (Стр. 101.)

В письме 42-м, к И. М. Трегубову, 23 декабря 1896 г., Веригин пишет:

Если выселят нас куда либо в одно место, то я уже начинаю представлять ту возможную жизнь. Мы ее начали бы с помощью Бога, на совершенно общинных, братских основаниях. Устроили бы школы грамотности, постарались бы установить правильное отношение к земле, по отделу сельского хозяйства и тому подобное. [т.е. создание законной цивилизации позволяет законную грамотность. С этим Толстой вполне согласился бы.] (Стр. 107.)

В письме 60-м, от 6 января 1899 г., по адресу всем духоборцам большой партии:

Мне пишут, что в Америке вообще обучение грамотности обязательно. Это тем лучше, потому что простая грамотность необходима как пособие в жизни, например: чтобы уметь прочитать и написать. Не надо понимать, что грамотность положительно просветит человека, но она может быть пособием, и человек, читая книги, может приобрести сведения, а также и мысль его вообще будет развиваться. Если нашим Бог даст устроиться в Америке, то обучение грамоте даже необходимо. [Податливость П. В. В.] (Стр. 132.)

В одном из последних своих писем к духоборцам, Веригин пишет (по адресу Пономарева, 6 января 1901 г.), что "можно молодым людям поступать на технические курсы".

В сущности, с самого начала до настоящего времени, духоборцы в Канаде--хотя были недоразумения между ними и правительством--не были против государственных школ: начальных, средних, высших, включая университетских образований.

Самые отличительные свойства характера Петра Васильевича отражаются в его письмах из ссылки в годы его скитания по пересыльным тюрьмам, по переходным этапам и в переживаниях в отдаленных, необитаемых окраинах северной России.

В годы ссылки П. В. Веригин не мог быть личным руководителем духоборцев и их движения. Но посредством писем он все таки руководил их духовно-нравственным направлением в Закавказье. По письмам он передавал всему обществу его собственное положение, как ссыльный за духоборческий идеал. В письмах он выражал своим братьям не только добрые пожелания, но и горячую любовь, будь они в общине или в рассеянии, в тюрьмах или в царской солдатчине. Но в душе его было нечто скрытое и чрезвычайно важное, о чем он не мог писать в письмах, так как письменные послания почтой от подозрительной личности, каким он считался начальством, подвергались вскрытию цензором. Нужно было найти другой способ. Какой же это был секрет?

Петр Васильевич решает предложить всем духоборцам большой партии, где бы они ни были, отказаться от всякого действия, которое нарушало заповедь "не убий", -- отказаться от военной повинности и от всего, что противоречило истинному поучению Христа, которое духоборцы исповедывали. Он задумал посоветовать им выполнить великий, но тяжелый подвиг, который он чувствовал, что они сами желали выполнить, но не знали как и с чего начать; -- который подвиг в будущем, мог бы изменить весь ход и направление всего духоборческого движения. Этот подвиг -- тайное сделать явным -- тайное сделать открытым и наглядным отречением от военной повинности и от употребления всякого убийственного оружия.

Для того, чтобы определить значение такого поступка, нужно понять значение оружия на Кавказе. По словам Сухорева:

Ношение оружия на Кавказе есть не только обычай и условие приличия, но считается необходимостью для всякого человека. С оружием ходят и по городу и в гости, с оружием отправляются в дорогу и защищаются от нападения зверей и разбойников. И потому уничтожение оружия имело для духоборцев важное значение. Это был поступок выражающий на деле готовность принимать всякие последствия непротивления злу насилием, --то есть терпеть всякого рода посягательства на жизнь, чем позволять себе насилие над другим человеком. (Василий А. Сухорев, "История Духоборцев", стр. 87-88.)

План для уничтожения оружия был обдуман П. В. Веригиным и представлен духоборцам к его осуществлению по устной передаче через поверенных ему двух личностей: брата Василия Васильевича и Василия Васильевича Верещагина, во время их посещения Петра Васильевича в апреле месяце 1895 года.

ПЛАН О СОЖЖЕНИИ ОРУЖИЯ И О ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПЕРЕДАВАЛСЯ УСТНО ПЕТРОМ В. ВЕРИГИНЫМ

Я пригласил вас приехать сюда по важному делу, чтобы вы все это передали всем духоборцам. Нам здесь предложили принять присягу Николаю Александровичу Романову в верноподданстве, и мы с старичками отказались принять ее на основании учения Иисуса Христа. Это не хорошо было бы нам, как христианам, принимать присягу смертному человеку. Христос в своем учении запрещает давать присягу и мы, если верим в него, то должны это доказывать, и в таких случаях, если бы это только потребовалось, мы должны жертвовать собою. Вот хотя бы такой переход, как назначили мне. Это будет несколько тысяч верст и пройти нужно этапным порядком в зимнее время и перебывать в нескольких тюрьмах--Вы конечно эти тюрьмы, этапы и какие там обращения не испытали и не знаете, но я уже познакомился с ними. . . С арестантами обращаются не

как с людьми, а как с животными, и от такого обращения можно заболеть и умереть.. Я все это допускаю, иначе не могу допустить, Христа ослушиваться очень не хорошо. (Цитаты: Ист. Дух. Сухорева, стр. 80-83; "Не в силе Бог..." Г. Веригина Стр. 69-73.)

Последнее разговоре прерёшёл на вопрос о военной службе. Петр Васильевич несомненно напоминал своим посетителям о крестных походах из средневековой истории, которые вербовались будто во имя Христа, как христолюбивые воинства, но в сущности были побуждены ложными поучениями западного и восточного сопернического духовенства, с одной стороны и алчным захватничеством византийской земли европейскими королями, с другой стороны. Веригин, в свою очередь, считает всякие войны великим заблуждением и грубым противоречием учения Иисуса Христа:

Люди идя на военную службу, большей частью говорят, что они зачисляются в христолюбивое воинство. Это учение попов и самый большой обман со стороны их, которым они живут. Такой обман, особенно в наше время, неуместный в христианстве и всякий человек, хоть не много знающий жизнь и учение Христа, недолжен бы согласиться с этим обманом, но люди и нынешнего времени так легко поддаются этому и принимают за правильное учение. Тогда как Христос в своем учении обличал и разрушал военщину, которая служит лишь для одного насилия, и за это его, только такие же солдаты, распяли и предали смерти. И в нынешнее время, если тот же Христос пришел бы и благовестовал тот же мир, и теперь, я уверен, так же бы поступили с ним, как поступили с ним 1900 лет тому назад. И это можно ли считать за Христолюбивое воинство? Скорее всего это можно считать воинством Николая и походит оно на большую шайку разбойников, во главе которой стоит Николай, и насколько возможно--так я понимаю жизнь и учение Христа--нужно освободиться от такого заблуждения и не участвовать в таких делах. И уместно было бы духоборцам, как христианам нынешнего

времени, совсем отказаться от военной службы. Я считаю своею обязанностью сказать им это, потому что я всецело состою передним человеком в духоборческом обществе и, не сказав им этого должного-- я могу отвечать за это перед Богом и потому прямой мой долг перед Богом и духоборцами сказать им это, чтобы они, согласно учению Иисуса Христа и моего личного совета отказались от военного действия,-- не идти в солдаты и не участвовать ни в каких военных действиях, хотя бы косвенно. [Напомним: Веригин осуждал Лукерью Калмыкову, предшествующую руководительницу духоборцев, за ее согласие действовать "косвенно", в военных действиях, стр. 38.] Оружие какое есть у духоборцев, например ружья, револьверы, сабли, кинжалы, которые приобрели они, удаляясь от учения Христа, все собрать в одно место и в знак непротивления злу злом, и в исполнение заповеди: "не убий", предать все это сожжению, огню, памятуя слова Христа: взявший меч, от меча должен и погибнуть. (См. сноска выше; там же.)

Выше, переданные духоборцам большой партии советы Веригина, чтобы они отказались от всякого ими приобретенного орудия и подвергли его ко всеобщему открытому сожжению и чтобы они отказались во всеуслышание от участий в военных действиях, непосредственных или косвенных. Эти советы впервых относились к духоборцам в обществе и духоборцам в расселении. Петр Васильевич думал, что по их же собственному убеждению, они могли бы это сделать, так как они приобрели оружие, в противоречие поучению Христа, за свои собственные средства, хотя такое сожжение посчиталось бы начальством крайне предосудительным.

Но как он мог посоветовать такое сожжение оружия и отречение от военной службы тем духоборцам, которые были солдатами и служили в разных отрядах государственного войска

по раннему набору и которые были одеты и обуты и носили военные орудия, оплаченные государственной казной? С точки зрения военного начальства, это посчиталось бы за измену и, во времена войны, за предательство интересов родины и переход на сторону врага. Притом, это бы было незаконное разрушение государственного оружия, одежды и обуви которые не были приобретены солдатами за свои средства, а за казенные.

Вот как он представляется,--этот крест следования за Христом:

Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу [жизнь] свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу [жизнь] свою ради Меня, тот обретет ее. (Ев. от Матф. 16:24-25.)

Веригин дает следующие советы солдатам находившимся в разных разрядах войска:

Тем, которые же сейчас находятся в разрядах войска, я советую им сдать все оружие по принадлежности, даже до мундира, и объявить себя, что они христиане и им все это не приличествует, и с этого дня, они более не могут участвовать ни в каких насильственных делах военной армии; всему э этому противоречит их собственная совесть и учение Иисуса Христа. (См. сноска выше; там же.)

День для сожжения оружия, одновременно во всех трех губерниях--в Тифлиской, в Елизаветпольской и в Карской--был назначен на 29 июня 1895 года, в день святых апостолов Петра и Павла, в 12 часов ночи. Этот день был тоже днем рождения Петра Васильевича Веригина.

Описание Действительного сожжения орудия, может быть

вне нашей задачи расследования, хотя будет уместно заметить, оно состоялось в трех губерниях населенных духоборцами большой партии в Закавказье. В Ахалкалакском уезде (Тифлисской губернии), например, это сожжение вызвало военно-административное преследование, кончившееся страшным кровавым избиением (инквизицией) духоборцев. После такого избиения, правительство решило выслать духоборцев, -- свыше 4000 семейных жителей, -- из их местожительств, из благоустроенных и цветущих деревень, и расселить их по далеким аулам в среде грузин и осетин. Они в ккороткое время сделались жителями в расселении. Некоторые были сосланы в Сибирь, в Якутскую область и многие были заключены в тюрьмах.

В кавказских тюрьмах духоборцы содержались в весьма мучительных условиях. Несколько сот духоборцев, участвующих в сожжении оружия, всячески истязали, а по выходе из тюрьмы, по донесению ссылочных:

Нас разослали по разным татарским аулам Елизаветпольской, Бакинской и Эреванской губерниям. В каждое общество из 200 душ назначили нас по два человека. . . Кроме татар, ни какого народа к нам не допускалось. . . Терпим нужду от разных болезней, а более того от голода.

Молодые и духоборцы, которых были посажены в юрисдикции наарные и батальоны за отказ от военной службы или сосланы на поселение в Восточную Сибирь, переживали грубые истязания. Описание таких замечен в В. Чертковым из рукописи, "Где Брат Твой?"

Те испытания которым они подвергались в батальоне, не поддавались никаким описаниям. Начальство задалось целью принудить их служить. Их запирали в карцер; секли пучками связанных терновых прутьев, угощая при этом палачей водкой; насильственно кидали через "кабылку"; загоняли в церковь ремнями и шашками; отказывавшихся, по своим религиозным верованиям, заставляли креститься и становиться на колени, --тут же в самой церкви, избивали до крови; врач заставлял их против воли есть мясо и всячески над ними надругался; избитых до полусмерти розгами не принимали в больницу. . . затем отправляли их этапным путем в Якутскую область на 18 летнюю ссылку... (Владимир Чертков, "Где Брат Твой?"

England, 1898, стр. 57.)

Более 400 семей или приблизительно 4400 душ были изгнаны и расселены в уездах, смеженных с Тифлисским. Они непрестанно страдали от голода и всевозможных лишений. Почти поголовно болели от изнурительных лихорадок, цынги и других болезней (от недостатка витаминов). Многие из них, в особенности дети, ослепли от самого ужасного проявления цынги, при котором глаза воспаляются и вытекают. По сведениям духоборцев, от 600 до 1000 детей вымерли. Но самое мучительное условие их положения было в том, что они не могли предвидеть предстоящей им судьбы: они не знали за что приниматься, у них не было земли для обработки, ни отхожих заработка, ни денежных средств для пропитания. Они шли к главноначальству, чтобы узнать, в каком положении их дело и его отношение к ним они описывают так:

Князь Голицын нас принял и зачал нас спрашивать:
--Ну что братцы, хотите?--Мы ему говорим: хотим
узнать на каком основании наша выселка?--Он нам
говорит: ваша выселка впредь до покаяния.--Мы ему
говорим: в чем каяться?--Он говорит: вы не повинуетесь
правительству.--Мы ему говорим: мы во всем

повинуемся, только не можем быть солдатами.--А он Сейчас говорит: вот это то и главное. Так вот и страдайте. Нет вам больше ничего, потому вы поставили на своем. Как хотите, так и кормитесь. Я вам пока не желаю зла, а желаю всего хорошего.-- Поклонился и пошел. Так видно было, что он не хотел от нас много слушать.

(Там же.)

В сущности, по словам В. Черткова, то, что говорил Голицын, значило ничто иное, как следующее:

Правительство до сих пор вас умерщвляло путем голода и насильтственного лишения всего необходимого для жизни. И я, теперешний представитель высшей правительственнои власти над вами, буду продолжать вас убивать,--убивать не только тех из вас, которые отказались от военной службы, но и их стариков-родителей, и сестер и жен и малыхдетей, Доссих пор из вашего первоначального числа, 4000 душ, убита нами почти одна тысяча, то есть, около четверти всех вас. Теперь я буду доводить до смерти посредством величайших истязаний и остальных, еще оставшихся в живых, и буду продолжать все это делать до тех пор пока не погибнет последний ребенок, или же пока ваши мужья, сыновья, отцы и братья не согласятся поступать против своей совести.

(Там же, стр. 59-60.)

Совет Петра Васильевича отказаться солдатам от военной службы и всему обществу духоборцев предать огню все их оружие в знак непротивления злу злом, не могли быть осуществимы без их обоюдного согласия и их согласованного действия. В совокупности духоборцы выполнили советы Веригина и в совокупности постигли их такие ужасные последствия, которые мы лишь частично заметили выше и которые сделали положения их жизни совсем безвыходными, в пределах русской земли.

Когда Петр Васильевич узнал об их положении, он увидел, что кроме мученичества, которое он и сам испытывал,

им угрожало подневольное разъединение и может быть смерть всему духоборческому движению. Он думал о средствах к выходу из этого положения и мечтал о выселении, -- но куда и каким образом.

В такое страдное время Петр Васильевич считал своим долгом посыпать всем его братьям письма, в которых они находили духовно-нравственную поддержку и подкрепление сил, чтобы выдержать до конца их безнадежное положение жизни.

Дальше, Веригина тревожила мысль о недостатке материальных средств для переселения, куда нибудь, многочисленного духоборческого населения. При том, на кого мог бы он рассчитывать на моральную и материальную помочь чтобы ходатайствовать за них, когда сам он был изолирован от них в Сибири под строгим надзором начальства. Он сам находился в безвыходном положении, но не думая о себе он старался писать всем кому мог, часто под псевдонимом, чтобы обеспечить письма от вскрытия цензором.

В нашей работе здесь затрагиваются не только понятие содержания личных писем Петра Васильевича, но так же, может быть преимущественно, понятие особенностей его характера. Сделаем краткую оговорку: лишь только перечитывая личные письма Веригина, читатель не может вполне проникнуть в его душу и определить величину его характера, хотя его письма освещают способность его размышления. Нам следует одновременно с письмами перечитать некоторые моменты его биографии,

будь она изображена одним или многими биографами, которые могли быть лично знакомы с личностью и характером Петра Васильевича Веригина. Биографический очерк характера может даже дать нам более полное понятие о содержании его личных писем, написанных им после сожжения духоборцами оружия 29 июля 1895 г.

Представим во первых краткую выдержку из биографического очерка: „Воспоминание о П. В. Веригине”, из записок политического ссыльного, по имени „И. Р.”, когда он еще был на свободе и жил в Обдорске куда был сослан П. В. Веригин и откуда он писал свои письма из ссылки. Автор „Воспоминания” во первых описывает расположение и качество населения Обдорска:

Карты, вино, и сплетни являются почти единственным развлечением жителей захолустных русских сел и городков, а в особенности сибирских. Гнетущая тоска и скука достигают там кульмиационного пункта в дни весенней и осенней распутицы, когда к обычным условиям таких мест, производящих хандру и скуку, присоединяются еще: полная бездеятельность и невозможность иметь, какое-бы то ни было общение с миром. В продолжении нескольких месяцев, --2-х, а то и 3-х --обыватель такого захолустья чувствует себя совершенно оторванным от жизни и жаждя какого нибудь внешнего впечатления, чего нибудь нового, чего нибудь такого, что могло хотя на минуту всколыхнуть человека, пробудить от долгой спячки, в такие моменты достигает у него крайней степени напряжения. Поэтому, когда устанавливаются дороги и возобновляется сообщение, то всякий первый экипаж, или первое судно, --смотря по времени года, --встречаются чуть ли не поголовно всем населением, заброшенного на самый край планеты местечка, а весть о вновь прибывших разносится по всему селу с быстрой электической искры. Самые трудолюбивые и домовитые хозяйки в таких экстраординарных случаях бросают

самые неотложные дела свои и бегут к соседке податься свежей новостью. Так же точно случилось и в октябрьский вечер 1894 года, когда в Обдорск приехал Петр Васильевич Веригин со своим товарищем, фамилию которого теперь не могу припомнить, -- начинилась она на О. [это был духоборец В. И. Объедков, прим. В. Б. Б.]... (В. Бонч-Бруевич: "Записки политического Ссыльного И. Р." Приложение к "Письмам" Петра Веригина, стр. 201-202.)

В этой вступительной частичке к биографии П. В. Веригина, автор "Воспоминания" доказывает, что он хорошо владеет художеством литературного слова и проницательностью ума к обозрению сцен и особенно людей по облику и действию и по духовно-нравственному и философскому размышлению. Он показывает, что имеет хорошую умственную и литературную способность, чтобы написать реалистический очерк характера Веригина за все время своего личного знакомства с ним в Обдорске. Он продолжает:

Новость эта [приезда Веригина] меня сразу как то всколыхнула. Политических к нам давно уже перестали посыпать. Последний из них приехал в Обдорск года за два перед этим и теперь доживал уже последние дни срока своей ссылки. Ходили слухи, что политических в наши края больше посыпать уже не будут и действительно, Петр Васильевич был последний из административных, посланный к нам для охлаждения революционного пыла при наших 60 градусных морозах. Мне положительно не сиделось дома и хотелось сейчас же увидеть новых людей, новых невольных обывателей нашего убогого селения. Здесь говорило, конечно, не одно только праздное любопытство, хотя и на него у меня, как у каждого обдорянина, -- временного или постоянного, -- были вполне законные основания. Возможность увидеть нового интеллигентного человека, поговорить с ним, услышать от него разные новости, касающиеся нашего общественного и политического движения, проникавшего к нам очень скучно и редко, -- и все это положительно не позволяло мне оставаться дома. После минутного колебания, я решил пойти к бывшему тогда у нас, уже

упомянутому выше политическому ссыльному Б., вполне основательно предполагая, что вновь приехавшие остались у товарища. Хотя это соображение и не оправдалось, но я тем не менее застал Петра Васильевича у Б. Оказалось, что он со своим спутником остановился у одного зырянина, содержавшего, кажется, земскую квартиру, но сейчас же разыскал квартиру Б. и пришел к нему; спутник же остался на квартире.

Когда я пришел, то застал спор уже в разгаре. Высокий, сухой, на длинных тощих ногах одетых в пимы [валенки] из оленевых лап, Б., нервно, как маятник, метался взад и вперед по комнате размахивая руками и дымя папиросой а на лево, у стола заваленного книгами и всякой дрянью, на простом деревянном стуле со спинкой, спокойно вытянувши ноги, облокотясь на край стола, сидел очень плотный и солидный мужчина, которому на вид можно было дать около тридцати, и самое большое тридцать лет. С головы его, на лоб и на затылок падали еще не очень отросшие, прямые и совершенно черные волосы, разделявшиеся прямым пробором на две равные части. Крупное, мускулистое, несколько продолговатое лицо с довольно правильными, но грубоватыми чертами, было обрамлено небольшой черной бородкой. Тип его нельзя было бы назвать чисто славянским. Узкий разрез глаз и несколько более обыкновенного развитые скулы указывали на некоторую примесь какой нибудь другой расы. На метавшегося по комнате Б. насмешливо смотрели проницательные карие глаза, окаймленные длинными черными же ресницами. Выражение его смуглого лица было совершенно спокойно с чуть заметным оттенком иронии. Предметом спора был вопрос о непротивлении злу. Б. с горячностью доказывал, что это чепуха, что это выдумка Толстого ни на чем не основанная и притом далеко не новая, что сами последователи этого принципа постоянно противоречат ему, то и дело отступают от него и что даже пассивное сопротивление, которое они все же оказывают злу--все-таки сопротивление.

(Там же, стр. 202-204.)

Здесь читателю надлежит остановиться и подумать, кому из двух соревнующих, в поставленном вопросе, личностей, нам придется присудить большее преимущество. Как видно, Б. старается выиграть в аргументе, делая не полное постановление вопроса, -- "несопротивления злу". Но полный вопрос поставленный

Толстым, давно был поставлен Христом и потому, последовательно ставиться и Веригиным, -- "несопротивление злу злом" а "сопротивление злу добром". Это "несопротивление" и это "сопротивление" Б. называет пассивными, которые в сущности самые активные способы в человеческих действиях в духовно-нравственном смысле. Расширяя глубже этот аргумент, Б. ошибочно продолжает:

Пассивность же сопротивления чаще всего является источником нового зла, становится почвой для его проявления и беспрепятственного процветания и т.д.

Петр Васильевич, в сущности говоря, не спорил, а только поддерживал разговор, от времени до времени, подавал спокойные реплики, только с большим оттенком иронии, чем тот который отражался на его облике и в глазах.

После моего прихода [продолжает И. Р.] разговор продолжался еще не более часа. Вскоре, утомленный дорогой Петр Васильевич стал прощаться. Когда он поднялся, то его могучая, здоровая фигура, не так заметная, когда он сидел, теперь бросилась прямо в глаза. Он был очень высок ростом, необыкновенно плотно и прочно сложен, но без всякого видимого нарушения пропорциональности частей. Присутствие большой физической силы чувствовалось во всем его существе; казалось он одним щелчком мог бы уничтожить или стереть в порошок обыкновенного среднего человека, а тем более тщедушного Б., жалкая фигура которого представляла разительный контраст с крепкой, мощной, здоровенной, несколько неуклюжей, медвежеобразной фигурой Петра Васильевича. Но, вместе с тем ясно представлялось, что этот человек, вероятно, никогда не бывал гневным или просто раздраженным, до такой степени веяло миром и спокойствием от всей его крупной, но в высшей степени добродушной фигуры, внушавшей бесконечное доверие всякому приходившему с ним в какое нибудь соприкосновение. Никому из знавших его и даже видевших его в первый раз, никоим образом не могла прийти мысль, что он

причинит кому нибудь, хоть какое нибудь, хоть самое незначительное, хоть бессознательное или невольное зло. Для этого не нужно было слышать от него об идее непротивления злу; для этого совершенно достаточно было только мимолетно взглянуть на него. Если бы кто нибудь попробовал сказать, что Петр Васильевич сделал какой нибудь не хороший поступок или причинил кому нибудь хотя бы самый ничтожный вред, --этому никто бы, из знавших или видевших его, не поверил бы ни на одну минуту. Такому заявлению не поверили бы даже обдоряне--народ, вообще, очень легковерный, могущий поверить какой угодно выдумке, кого бы она не касалась и кем бы не высказывалась. Но этого не могло случиться с Петром Васильевичем, так как, повторяю, в нем идея непротивления была воплощена и он казался ее олицетворением. В последствии Петр Васильевич говорил мне, что эта ровность характера, миролюбие и снисходительность не только к недостаткам других, но и к оскорблению, направленным против него, достались ему недаром [т.е. это не были пассивные свойства характера, но активные достижения] и были следствием долгой, упорной внутренней работы, благодаря которой он „победил в себе зверя и по возможности приблизился к духовному типу человека". (Там же, стр. 204-205.)

Дальше, И. Р. замечает приверженность Веригина к вегетарианству и некоторым доктринам и поучениям Толстого и в то же самое время его отрицательное отношение к книге, образованию, грамотности и к умственному труду, --которому он предпочитает физический труд. Но все это было прежде его личной переписке с Толстым о котором в это время он знал лишь по наслышке. Но вместе с тем, И. Р. замечает его умственную способность в размышлениях, в спорных рассуждениях и как он пополнил свои недостатки высшего образования:

В спорах своих Петр Васильевич проявлял многое „недюжинного ума" [выдающегося достоинствами] и если бы он получил соответствующее образование, то нет сомнения в том, что это был бы один из замечательнейших деятелей или мыслителей нашего времЯ...

Пробелы своего образования он пополнил чтением книг, главным образом духовно-нравственного и философско-пиетического [пиетического] содержания. Читал он сравнительно не особенно много; любимыми авторами его были: Толстой, Некрасов, Фаррар, издания "для интеллигенции" и для народа "Посредника" и --само собой разумеется--Евангелие, которое он знал почти наизусть. Из периодических изданий Петр Васильевич получал тогда "Неделю" и "Новое Слово" (редакция Кривенки)".
(Там же, стр. 205-206.)

Дальше, И. Р. описывает образ жизни Веригина в Обдорске. Как он во первых, поселившись в одном из лучших домов городка, не мог вытерпеть подслушивания квартирной хозяйкой разговоры Петра Васильевича с друзьями и посетителями, и после, повсеместно, распространяя эти разговоры в весьма искаженном виде, угрожая Веригину получить всякие неприятности со стороны, не в меру бдительного, начальства. Во избежание этого, он арендовал пустую осязную юрту и там обзавелся столярной мастерской, и за работой коротал время и одиночество, но работа, хоть до минимальной степени облегчала ему невольное пребывание в суровом северном крае.

И. Р. дальше описывает здесь характер Веригина, осуждая его за его простоту в том, что он легко оказывал всякую помощь--всякому встречному и попеченному--эксплуатирующему его святую щедрость. Физически сильный, он помогал таскать кирпичи и участвовать в тяжелой работе. Материально, он раздавал все нуждающим и тем которые лишь претендовали на нужду. Цель последних была,--выманить у простака несколько серебряных или бумажных рублей. По временам он получал

денежные посылки, через посетителей, от своих братьев в Закавказье, из чего, кроме расхода на пропитание, он изводил на нуждающихся. Вот это-то и показывалось ему безрассудной благотворительностью. Но это, в сущности, был его принцип посвящения себя, как добрый Самарянин в притче Христа, нуждающим. Это мы уже замечали из его писем, когда он отказался платить 450 р. за его перевозку от Шенкурска в Обдорск, куда он был сослан, --расстоянием более полторы тысячи верст, он решил идти по этапу, а наличные деньги извел на нужды нищих и бедных людей. Об этом И. Р. пишет:

Пока же у Петра Васильевича были деньги, остановить его в его благотворительных подвигах не было возможности. Самые вопиющие факты злоупотребления его добротою и его деньгами, безусловно доказанные, не приводили ни к чему и на наши упреки он неизменно отвечал своей излюбленной теорией непротивления злу. Теорию эту, как наиболее слабую, он отставивал против наших вылазок со всему силу и неисчерпаемостью своего ума, со всему страстью на которую только был способен, со всему изворотливостью своей обыкновенно очень прямолинейной мысли.

И так наши доводы против его безрассудной благотворительности, чаще всего выпадавшей на долю таких людей, которые ее решительно не заслуживали, не нуждались в ней и злоупотребляли ею, --не приводили ни к чему до тех пор, пока ему было что раздавать. Несколько успешней были влияния упреков, делавшихся нами ему в другом направлении, хотя, надо сказать, что если бы мы предвидели их действия, и то, что они будут иметь действительный успех, то мы, конечно воздержались бы от них. Упреки эти касались образа жизни Петра Васильевича, который значительно противоречил его собственным взглядам на жизнь. Несколько первых месяцев он жил, как я говорил уже, ничем не занимаясь, если не считать чтения "Недели" и других перечисленных выше изданий. Имея в своем распоряжении крупные средства [приувеличение?], он не стеснялся в расходах

и хотя придерживался вегетарианского стола, но стол этот обходился ему не дешево. На это мы однако же не особенно сильно упирали, но за то постоянно указывали ему на обилие имевшихся у него совершенно не нужных и дорогих вещей вроде: кинжалов, револьверов, груды дорогого платья, одежды, ковров и т.д., разных вещей из благородных металлов и прочее. После таких стычек с такими указаниями, Петр Васильевич в одно прекрасное время взял да частью реализировал, --но за бесценок-- большинство своих вещей, а частью раздал даром разным прихлебателям [дармоедам]. Последним обстоятельством мы все были поражены и возмущены до последней степени. (Там же, стр. 208-209.)

Этот образ жизни, Петр Васильевич проявлял в Обдорске после своего знакомства с Толстым лишь по наслышке, т.е. перед тем временем в котором он получил два личных письма от Л. Н. Толстого. Но И. Р. несомненно продолжал свое знакомство с Веригиным после его получения первого письма от Толстого 21 ноября 1895 г. И. Р. пишет свое заключение:

Мне остается сказать еще только несколько слов о том, каким образом Петр Васильевич стал поклонником Толстого. Так как многое из того что мне приходилось слышать по этому поводу от Петра Васильевича, улетучилось уже из моей памяти, --я боюсь в чемнибудь провраться и ограничиваюсь по этому самыми ограниченными местами. Петр Васильевич говорил мне, что между тем религиозным воззрением, которого духоборцы придерживались до самого последнего (т.е., до 1895 года) времени и учением Льва Николаевича Толстого было очень немного общих точек соприкосновения. Но во время своего переезда из Шенкурска в Обдорск (зимой 1894-5 г.), --Петр Васильевич познакомился с другом Льва Николаевича (с^т П.И. Бирюковым) в Бутырской пересыльной тюрьме, куда последний приходил специально за тем, чтобы увидать Петра Васильевича и поговорить с ним. Я также не могу сказать теперь наверное, было ли у них одно только свидание или они виделись несколько раз. [Нет, по словам Бирюкова, он ни разу не увидел Веригина в тюрьме, так как в этот самый вечер, перед свиданием, Веригин отправился этапом в Сибирь.

Толстой с Бирюковым увиделись с тремя духоборцами, --с Василием Васильевичем братом Веригина, с Василием Гавриловичем Верещагиным и с Василием Ивановичем Объедковым--не в тюрьме а в гостинице. Толстой вручил трем духоборцам свое произведение: "Царство Божие внутри вас" для передачи Петру Васильевичу. Объедков ехал с ним в Сибирь в качестве провожатого и передал ему эту книгу.] Достоверно знаю только то, что с этих пор, по словам самого молодого духоборческого вождя, он стал пристально знакомиться с мировоззрением Льва Николаевича, которое он и усвоил себе очень быстро, очень правильно, очень полно и которого стал придерживаться очень последовательно. [И. Р. дал эти биографические сообщения Владимиру Бонч-Бруевичу, "Письма", стр. 201.] (Там же, стр. 209-210.)

Биографические замечания в записях Григория Веригина и В. А. Сухорева, характеризующие Петра Васильевича, частично были представлены на наших начальных и последовательных страницах. Все биографы считали Веригина руководителем духоборцев большой партии. Он был ими избран и потому он сам считал своим долгом найти выход своим последователям из трудного и невыносимо страдного положения. Находясь в ссылке, только письма давали ему возможность исполнить свой руководительский долг, например (в 18-м письме ко "всем братьям и сестрицам" в расселении) :

Я сильно опечален, что расстроили вашу хозяйственную жизнь, но радуюсь, что вы бодры и веселы духом. . . В газетах было писано, что вас расселили по два по три в каждом ауле, но это ничего; все ведь люди--братья, все одного Бога-Отца дети; старайтесь заслужить любовь в окружающей вас среде . . . Если мы будем любить, то и сами будем любимы --это закон природы, закон Бога, только надо любить искренно, душевно, а не наружно... (Стр. 54-55.)

Петр Васильевич предлагал, скорее предписывал--через письма, такую любовь, которая устранила бы расизм от человека-

ческого общества. В 19-м письме, из Обдорска 8 января 1896 года, он пишет к толстовцу Евгению Ивановичу Попову:

Добрый брат Евгений Иванович . . . прошу тебя, если найдешь возможность, соберись и поезжай к моим братьям на Кавказ . . . Я почему-то думаю, что вы были бы дорогим человеком, живя в среде наших на Кавказе . . . от меня бы вы имели поручение: советовать там всем, кто знает меня, -- чтобы они не сердились и не роптали на правительство, что оно их притесняет. . . Ведь хоть припомнить то: Христос, а потом и апостолы что перетерпели за истину? Важно то: что без ропота переносить укоризну за истину. Но важнее и то: чтобы хотя и страдать, то надо за истину. А потому я и думаю, что вы были бы полезны там. -- Предлагаю: посоветуйтесь с дедушкой Львом Николаевичем. Кроме того, прошу тебя, поезжай нарочно к нему и передай от меня душевный искренний привет. . . Мне кажется что мы братья хоть может и есть несходства, но это должно ведь сглаживаться.

Еще было у меня мнение, дорогой Евгений Иванович, чтобы найти художника и написать картину, -- хоть в Москве, или за границей. Картина должна представлять то: выводят двух или трех человек, вооруженные люди, и предлагают ружья, чтобы обучаться приемам. Те отказываются и говорят, что они не могут к тому, которое ведет к нехорошему делу. Заставляющие бьют несоглашающихся; выводят в другой раз, -- тот же результат. В третий раз их уже расстреливают за то, что они не согласились стрелять людей. Как видите, в этой фантазии проглядывает также ропот или строптивая мысль,. Но я думаю, что было бы уместно, потому что вопрос так и поставлен над нашими братьями на Кавказе. Их призывают к ружью, они отказываются. И в особенности необыкновенно тем, что преследуют цельные тысячи людей. . .

Я советую тебе итти к нашим как бы рабочим, для того, дорогой Евгений Иванович, иначе там, я думаю, не позволят жить. А наши вас узнают как бы то ни было. Оттуда будете писать нам. Можно хоть на Николая Трофимовича [Изюмченко]. Я думаю на его корреспонденцию тоже скоро наложат контроль...

(Стр. 56-59.)

И так, хотя Петр Васильевич не был присутствующим

руководителем духоборческого общества в Закавказье, он все-таки, посредством писем, в сущности был их вождем и направлял и следил за ходом духоборческого движения. Он также писал много писем другому толстовцу, --Николаю Трофимовичу Изюмченко --который, отбывая воинскую повинность, "за неисполнение приказания ротного командира не читать книг", был приговорен к 50-ти ударам розог. Узнав об этом приговоре он убежал из полка. Через некоторое время, по совету своих друзей, он вновь вернулся в полк, отдал ружье и отказался от военной службы. Его арестовали и посадили на 15 месяцев в секретную камеру. Отсидевши этот срок, он был присужден на два года дисциплинарного батальона. После этого по личному приказанию Александра III, он был выслан на три года в Тобольскую губернию, но эти три года длились многие лета. Из ссылки, хотя под строгим надзором, ему удалось получить несколько писем от Веригина и ответить ему на них. Там он тоже написал книгу: "Жизнь и смерть Евдокима Никитина Дрожжина" ("Письма" стр. 34).

Из длинного 17-го письма Петра Васильевича к Николаю Трофимовичу Изюмченко, мы делаем краткую выписку:

Последнее время на Кавказе, в среде наших братьев, возбудилось движения. Главным основанием служит то, чтобы не участвовать во вредных делах людей, при существующем современном порядке, а потом вырабатывать истинных, по возможности, христиан. Я держусь такого "девиза": "Прежде, чем приносить пользу, не надо делать вреда", а также, "прежде чем помогать, не нужно обирать", и так далее... Упоминаемое в газетах, что наши много помогли русской армии в прошлую войну

[с Турцией 1878 г.], это было в действительности. Но это было самое мерзкое деяние из быта наших, как христиан [при Лукерии Калмыковой, руководительнице духоборцев]. Участвовать в недобром деле, хотя и косвенно, все равно не хорошо. Подвозя сухари в прошлую войну, наши все равно участвовали в ней. Старики или действующие лица [т.е., управительница Лукерья со старшинами] в то время смотрели на это совсем снисходительно, объясняя от части тем, что все равно нельзя явно исповедывать учение Христа. Мы сейчас протестуем против такого воззрения и говорим, что это выйдет лицемерие, а по возможности, надо держаться слова на деле, то есть приводить в жизнь то, что человек думает и говорит. Соглашаться на все требования "кесаревской" организации значит участвовать в их делах, а дела, мы видим, их не хороши. Деньги мы считаем обязанными себя отдавать им, сколько бы они не потребовали, потому что эти значки ими выдуманные. Хорошо бы было не пристрасться к ним, то есть к деньгам-то, тогда бы и от этой отдачи мы считали бы себя свободными. Теперь же надо соглашаться с изречением: "Отдайте кесарево кесарю, а Божее Богу" [Ев. Матф, 22:21], то есть жить и поступать надо так, как призывает Господь.

(Стр. 40-41.)

Мы воспроизводим из этого 17-го письма те частицы, в которых Веригин старается установить принципы современного действенного духоборческого движения. Не только говорить: "Господи, Господи и не исполнять его волю на деле". В таком духе он дальше пишет:

Главные основы религиозных или, так сказать, жизненных воззрений нашей общины заключаются в следующем: "Любить Господа Бога всем сердцем своим и всею душою своею, и любить ближнего своего, как самого себя". Бога же мы представляем, что Он есть любовь, с помощью которого держится все существующее. Зло разрушает, любовь созидает. Любя ближнего, мы осуществляем любовь к Богу. Мы разумеем, что человек, усваивая любовь, приобретает Бога в сердце своем. Отсюда выводятся взгляды на все окружающее, на всю жизнь: сострадательной, покровительственной, любовной. В частности мы стараемся избегать разрушать жизнь, где, видим она

есть,--а она везде есть,--в особенности лишать жизни человека. Человек есть храм для Бога живого, и разрушать его нехорошо. Мы назывались "Духоборцами". Слово Духоборец надо понимать, что мы в "духе и душей исповедуем Бога. Духом святым боремся против плотских немощей и греха". Помните встречу Христа с самарянкой, что истинные поклонники поклоняются Отцу Духу в истине. А можно сказать без пристрастия, что в наших сохранилось много "девственного", как завещал Христос, то есть чистота Его учения. Божеством у нас есть истина, которую, конечно, нельзя сделать или видеть органическими глазами, а только душою. И не иначе, надо быть, делаться добрым, тогда только можно видеть Бога, которого мы исповедуем. Даже такие подробности изречений: "Напишите в сердцах, возвестите во языцах", у нас соблюdenы. У нас ничегоонет писанного вещественно, а все мировоззрение передается устно из рода в род.--Собираясь вдвօемъ, втроемъ или более, мы представляем церковь Христову. Если бы пришлось и одному где либо быть, человек остается уверенным, что и его посетил Господь Бог, как лично Ему принадлежащий храм. Из этого вытекает то, что мы с Богом никогда не можем быть разъединены.--При прочтении этого письма прошу прочесть в Евангелии 4, 5, 6, главы Послание к Коринфянам Павла. Люди же со стороны думают о нас иначе. Но наша брань не против крови и плоти. 6 глава к Ефесянам Павла же.

(Стр. 41-43.)

Предыдущая цитата представляется здесь маленькой частицей из длинного письма Веригина к Николаю Трофимовичу Изюмченко. Но ее важность состоит в том, что она во многом исчерпывает главные символы веры, которые Петр Васильевич выработал для себя и теперь решает предложить их для исповедания не только своим последователям духоборцам, но и другим друзьям включая Изюмченко. Другая ее важность заключается в том, что в исповедании этих символов веры, Петр Васильевич находит себе твердую опору в поучениях Христа, которые во-первых были переданы устно и лично самим Христом, но,

разумеется, они сохранились до нашего времени лишь письменно --они были написаны евангелистами и апостолами вскоре после Его крестной смерти. Поэтому, хотя Петр Васильевич и говорит, что „у нас [духоборцев] ничего нет писанного вещественно, а все мировоззрения передаются устно [а устное, духоборцы называют „Животной Книгой“] из рода в род“, все же эти устные передачи или толкования были побуждены письменными оригиналами устных поучений Христа. Как предыдущие духоборческие руководители, так и Петр Васильевич, в своих устных и письменных передачах, ссылался на письменные оригиналы поучений Иисуса Христа. Он знал наизусть почти все Евангелие. В этой частичке 17-го письма Петр Васильевич цитирует из самых основных поучений Христа и апостолов, взятых последовательно из:

1. Ев. от Матфея, гл. 22, ст. 21.
2. " " " " ст. 22, 39.
3. 1-е Посл. Иоанна гл. 4, ст. 7, 8, 12, 16.
4. Ев. от Иоанна гл. 4, ст. 23 и 24.
5. Посл. Павла к Евреям гл. 8, ст. 10.
6. Ев. от Матфея гл. 18, ст. 20.
7. 2-е Посл. Павла к Коринфянам главы 4, 5, 6.
8. Посл. Павла к Ефесянам гл. 6 и т.д...

В этом, 17-м письме тоже замечательны взгляды Петра Васильевича на нездоровые и потому ненравственные (негигиеничные и потому безнравственные) употребления пищи, пития и вообще всех вредных привычек. Вегетарианство „постнической“ партии духоборцев возникло, несомненно, по предложению Петра Васильевича. Его философские выводы были направлены к уменьшению потребностей и к этическому отношению ко всем вопросам. Передавая советы своим братьям, еще в конце 1893 года, через

вернувшихся от него троих духоборцев, он упоминает о том, что нет в духоборческом учении, да и на деле не давалось, чтобы брак, рождение или смерть сопровождались пьянством и обжорством, как это делается теперь и за невесту чтобы выкуп платили, как за скотину какую.

Далее он упоминает о том, что как раз совпадает с тем, что он писал Н. Т. Иzymченко из Обдорска еще 14 декабря 1895 г. в 16-м письме, именно:

Около трех лет есть времени, как я не употребляю совсем мяса, не пью вина, и не курю табаку, и скажу вам искренно, дорогой Николай Трофимович, во мне произошла большая перемена...

Далее Веригин продолжает:

Раньше я был инстинктивно кровожаден; надо было есть, а прежде чем есть, надо убить, лишить жизни. Теперь же, как этого нет в фактической потребности, естественно нрав охладевает и делается мягче. Вино же и табак влияют как чрезмерное питание. Этого всего я избегаю, а следовательно и освобождаю себя от бесполезного труда, то есть борьбы с плотью, как мы привыкли выражаться. . . Хотя я и сказал, что при духовном совершенствовании необходимы спутники, --полезный труд и воздержание. (Стр. 39.)

Его далее возмущает, что

. . . почти все духоборцы, старые и молодые, мужчины и женщины и даже дети,--курят; не очень это полезно для души, а для тела и совсем вредно . . . все духоборцы едят мясо и рыбу. А чтобы есть мясо и рыбу, нужно убить живое существо,--лишить его жизни, а животному его жизнь дорога, как и человеку своя. (Стр. 38-39.)

Сопоставляя эти высказывания из писем Веригина, нам будет более понятно, допустим, почему образовалась "постническая партия", то есть та половина духоборцев, которая выделилась

из большой партии и решила строго исполнить все эти советы своего руководителя. Это решение образовалось несомненно под непосредственным влиянием Петра В. Веригина.

Петр Васильевич считал Николая Трофимовича Изюмченко за близкого друга и приятеля по духу. Он написал ему не менее семи длинных писем. Описывать их содержание и значение не будет в пределах нашего ограниченного труда. Довольно интересно будет сделать лишь 2-3 выписки из его двух писем,-- из 20-го и 28-го--к Изюмченко, в которых он проявляет, до степени тонкий, но характерно веригинский юмор, например побужденный разногласиями несогласованных понятий о том, что нужно принимать и что отрицать и почему. Так в 28-м письме он пишет о писателях книг "для интеллигентных читателей":

Знаете, в этом смысле есть даже небольшой анекдотик, что в совершенном "интеллигентном обществе"-- кругу их--нельзя выражаться, что чиновник украл казенные деньги, а "растратил". Потому, слово "украл" сильно режет "тонкий интеллигентный" слух, но только слух, а не действие. . . . Например, взять полторы-двух копеечные брошюрки о Сократе, Диогене, Эпиктете и вообще в этом смысле и книжки предназначенные для "интеллигентных" читателей,-- большая разница. . . Я читал капитальное--10 рублевое--сочинение "Фаррара", о Христе, и, конечно не получается, что выносится из Евангелия. . . Так и здесь в полторы-двух копеечных брошюрах более выносится нравственного назидания, потому что истина выражается просто и правдиво. (Стр. 75-76.)

Тут он осуждает сложность, так как, через это иногда происходит то, что как бы взять удобное кресло и разобрать его сложность, в результате оказалось бы то, что не на чем присесть.

Вам, вероятно, известен анекдот о Пушкине: на

одном знатном балу, в Петербурге, обратились к нему два офицера "шпорники", заподозрев в нем птицу не ихнего полета, приняв его за сельского учителяшку, по его костюму. Хозяином же бала, он был приглашен официально. И вот, кавалеристы, желая испытать Пушкина, обращаются к нему с вопросом, как им правильнее позвать слугу: "Эй, человек, подай стакан воды!", или "Эй, человек, принеси стакан воды!" Пушкин остановился перед ними, смерив их взглядом, заметил: "Зачем,--вы можете правильнее выразиться: ,Эй, человек, гони нас на водопой!"

Кстати, я хотел поговорить с тобой, Николай Трофимович, относительно "вы" и "ты". Происхождение "вы" я не знаю. Но можно полагать, что человек, который выдумал "вы" увлечен был эгоизмом и себялюбием в крупной форме, так что, по всему вероятию, желал вмещать в себе легионы различных людей.

(Стр. 76.)

У меня был один знакомый "интеллигентный", и мы с ним однажды было рассорились в отрез. Дело в том, у него была прислуга, премилая старушка Архиповна; и вот когда я был у него, всегда здоровался и с Архиповной, пожимая ей, даже крепко руку, без различия, хотя бы мы встречались в зале и при гостях; если же ей долго приходилось не выходить в комнаты, я просто отправлялся на кухню и осведомлялся о ее благополучии. Егор Иванович--имя знакомого--замечает мне, что я компрометирую его перед обществом, здороваясь с его прислугой,--я ставлю его на ровне с ней! Мы заговариваем серьезно об этом вопросе. Кончается тем, что он, в экстазе, выражается: "Да знаете-ли вы то, что чтобы сравняться со мной мне нужно таких умов тысячу, как наша Арина!"--Как видите, увлекательно . . . и после этого, если такого человека называть "ты", как же ему не обижаться?

(Стр. 76-77.)

В 20-м письме Петр Васильевич замечает юмор в его предложении вегетарианства некоторым из "интеллигентных" жителей Обдорска:

Характерно [он пишет] на одном здесь вечере у меня был разговор с одним представителем, по обдорску, "цибулизации". Доказывая ему справедливость вегетарианских воззрений, я его как бы

очаровал доводами; собеседник мой, дослушав, проговорил: "Это-то так, но ведь тогда зачем-же существуют олени?" Как видете, действительно, характерно. По Дарвину, действительно, олени существуют для того, чтобы с них сдирать шкуру, мясо есть или, вернее, жрать; из шкур шить "гуси" [мокасины], как человек, или пародия человека делает. Но тогда я думаю, почему бы не попробовать и с человека содрать шкуру? Авось бы из его кожи тоже, может быть "что-либо" вышло "полезное", и вдруг это самое "что-либо" вышло бы лучше замши. Представте себе, человек даже и в такой мелочи и то несправедлив:--например, по Дарвину, как я упомянул, он считает и себя животным развившимся, а с другой же стороны--(более выгодной для себя)--выгораживает для себя "привилегию". Он только может теснить и убивать, его же нет. Положим истые дарвинисты не стесняются и с человека драть шкуру, только "благоразумным" образом, У нас на Кавказе был недавно разбойник Кули-бей:, он часто, непокоряющихся его требованиям, расстреливал и вешал в горах. (Стр. 61.)

Сказавши это, он вдруг переменяет тон и дружественно обращается к Изюмченко:

Дорогой Коля, давай сговоримся и напишем прошение министру или самому императору,--покорную голову не секут, не рубят,--чтобы нас поселили, где растет хлеб и вообще где природа побогаче растительностью. Мы там бы зажили смиренной трудовой жизнью. Право, мне часто думается, неужели на Алтае или в Минусинске нет таких же людей вредных, как мы? А ведь позволяют же им жить там, а нас запроводили в какую-то крайность. Например, я уроженец самого крайнего юга,--относительно хотя, --и вдруг на самый север. Неужели я, вырошенный в виноградных рощах, должен скитаться промышлять белого медведя. Хотя Эпиктет и говорит, что "мы не должны желать того, что от нас не зависит", но ведь мы не мудрецы. Дорогой Николай Трофимович, напишите мне, как ваше мнение?... (Стр. 61-62.)

23 письмо Петра Васильевича показывает, что мнение Изюмченко (Коли), по поводу совместного прошения министру или императору, было снисходительно, но отрицательно. Петр

Васильевич сам решает, лично писать прошение, но не по поводу своего собственного положения, а по поводу невыносимого и страдного положения духоборцев на Кавказе и в расселении, и многих скитающихся по тюрьмам и в ссылках на восточных краях Сибири. Он решил писать прошёние, но не министру или императору, а императрице Александре Федоровне Романовой. Об этом прошении--вскоре, а между тем обратимся к другим письмам.

Все письма,--а их было много--Петр Васильевич посыпал своим родителям и духоборцам, которые были в обществе, в ссылках по Сибири, в дисциплинарных батальонах и в тюрьмах--он писал, как признанный ими руководитель, хотя лично в отсутствии от них, с целью дать им духовно-нравственное подкрепление в их страданиях--одиноких, семейных и общественных--от всяких угнетений наложенных на них начальством. Эта сильная духовно-нравственная поддержка Петра Васильевича дала его братьям повсюду, стойкость, чтобы до конца оставаться верными духоборческому движению, и спасла их от неизбежной деморализации, до тех пор пока не представился выход из несносного и страдного положения.

Петр Васильевич, наконец, решает найти этот выход,--будь он внутри или вне русской империи. Многие из его писем доказывают его решительность к достижению этого выхода: письма ко всем духоборцам поощряя их к терпеливости с надеждой на выход; письмо к великой личности (к императрице) с просьбой к выходу внутри русской империи; письмо к более

значительной личности (к Толстому) добиваясь совета или совещания по поводу выхода извне русской империи. В кратце представим эти письма и из них выделим главные, относящиеся к этому делу, выписки:

а) 44 письмо к сосланным в Сибирь, 20 февраля 1897 г.:

Мир вам, милые братья! Господи пошли вам терпения и осени вас покровом пресвятая Богородица. Не печальтесь милые друзья, что долг путь, -- далеко только спасение от грешника. Трудный путь ведет к вечной жизни. Господь Бог облегчит наше положение; иго Его покажется легким и будет благо. Да притом мы предупреждены Спасителем-Христом, который сказал пред апостолами: "Меня гнали--будут гнать и вас". Мужайтесь и крепитесь: скоро последует избавление христиан от гонения. "Не бойтесь убивающих плоть, души же вашей не могущих коснуться". Да, -- истинны все изречения Христовы! . . . Когда всмотришься в окружающую жизнь, то чувствуешь себя, как во сне и видно царствие Божие до тех пор не водворится на земле, пока мы совершенно не изгоним гордость из сердец наших, потому что Спаситель говорит: "царствие Божие внутри вас:... [видно, что он перечитал "Царство Божие внутри вас", рукопись Толстого].

(Стр. 111.)

б) 35 письмо к родителям, 2 сентября 1896 г.:

Милые и дорогие старичек и нянюшка! . . . Прошу Господа Бога о вашем спокойствии . . . Прошу вашего родительского благословения на предбудущие лета моей жизни. . . Кланяюсь всем братцам и сестрицам. . . Я написал письмо императрице и послал уже [письмо 33]. Копию присылаю. Еще, возлюбленные братцы и сестрицы, предлагаю на ваш совет, чтобы нам называться с сего времени "Христианской Общиной Всемирного Братства". Звание "христианская община всемирного братства", будет говорить яснее за то, что мы на всех людей смотрим, как на братьев, по завету Господа Иисуса Христа. С сего времени будем называться во славу Господа и "Христианской Общиной Всемирного Братства". Оповестите всех братьев и сестер...

(Стр. 92)

Отрывок из 59 письма, 1898 г.:

Адрес сосланных братий, в Якутск, мне известен, только письма с трудом доходят. . . Напишите им душевный привет от меня. Не получаете ли вы писем из Англии или Америки,--от братьев? Если получали --сообщите мне.

(Стр. 131.)

Другой отрывок из 62 письма к матери, 3 марта 1899 г.:

Милая нянюшка! . . . Письмо ваше получил. . . С прискорбием прочел о кончине родителя. . . Телеграмму вашу о кончине старичка я получил. . . О выезде наших за границу мне известно подробно и там принимают участие в ихнем положении много добрых людей, только такую помочь надо помнить и быть благодарными Богу. . . . Приписка: Слухи есть, что всех нас отпустят из Сибири заграницу, тогда мы немедленно как либо выберемся.

Из письма 63 к матери:

Я с чувством благоговения жду того дня, когда увижуся с вами. Любящий вас навсегда сын.

в) Из писем 45, 48, 50, к духоборцам большой партии--

краткие выдержки:

Еще немного труда и Господь избавит нас от всякого искушения [т.е. совращения с истинного пути духоборчества]. Христос говорит к овцам Отца небесного: "Не бойся малое стадо, ибо Господь благоволил жить в вас" [Ев. от Луки гл. 12 ст. 32]... . . .

(Стр. 113.)

Вы пишите, что именуетесь "христианской общиной всемирного братства". Я также желаю принадлежать к этой общине и прошу Господа, чтобы Бог укрепил вас смотреть на всех людей, как на братьев. Потому и на самом деле, все люди ведь одного Отца Господа Бога. . . Пусть нас обижают, но мы постараемся не помнить обиды, потому что Спаситель Христос большие переносил обиды, но молился за людей, которые Его казнили...

Меня печалит, братцы и сестрицы, что вы среди большой болезни смертельной; благодарю, что вы с терпением переносите постигшие нас испытания. Господь Христос сам терпел и переносил всякие оскорблении за истину, чтобы показать пример миру

грядущему; даже предал себя на крестную смерть и таким самопожертвованием смерть попрал; своим воскресением Духа Истины показал верующим, что смерть телесная не имеет никакого значения. На телесную смерть можно смотреть так, что если бы дорогой поймали человека разбойники, сняли бы с него одежду и тот человек стал бы тосковать и печалиться и даже подумал бы, что после этого он не может существовать и должен умереть. Неразумность такого страха очевидна, потому что, на самом деле, человеку только надо дойти до ближайшего села (или подождать доброго самарянина) и попросить добрых людей (не мимо проходящих священников и левитов), которые снабдят одеждой с избытком. Человек, лишающийся жизни тела, лишь бы имел веру в вечную жизнь, -- одежду тело, взамен изношившейся, он получит; каким это путем формой совершится, об этом, то есть загробной жизни, о форме ее я мало думаю, потому что это есть тайна божественная, одно только, -- чувствую. . . Лишь бы люди, окружающие нас, не умирали по причине нашей небрежности, а если по воле Господа, то ведь мы и все перейдем в вечную жизнь, только совершается это не в одно время.

Желаю вам всем спасение душ ваших. (Стр. 116-117.)

Так же я получил письмо от братьев, находившихся в Нухинской темнице . . . и от новоарестованных 23-х человек из Елизаветполя . . . передайте им всем от меня сердечный привет. Напишите мне подробно, как содержатся наши братья в Тифлисской тюрьме; допускают ли к ним свидание? И братья мои Гриша и Вася и Верещагин, находятся с другими или отдельно? Я писал им письмо, но ответа не получаю...
(Стр. 119.)

г) Письма 18 и 52 к расселенным духоборцам:

Я сильно опечален, что расстроили вашу хозяйственную жизнь, но радуюсь, что вы бодры и веселы духом: дай Господи вам перенести перемену жизни с смирением; просите Господа, и Бог облегчит ваше положение. Как вы живете в расселении? В газетах было писано, что вас расселили по два или по три в каждом ауле, но это ничего; все ведь люди-- братья, все одного бога-Отца дети; старайтесь заслужить любовь в окружающей среде, то все будет хорошо; если мы будем любить все окружающее, то и сами будем любимы--это закон природы, закон Бога, только надо любить искренно, душевно, а не наружно; это выходило бы обман... (Стр. 54-55.)

Мир вам и благодать, всем братцам и сестрицам расселенным за имя Господа Иисуса Христа. Давно я не писал вам, возлюбленные братцы и сестрицы! Как вас Господь Бог милует? Вести доходят, что среди вас много болеют и умирают; надо уповать на Бога, Он смягчит наше положение... Я здоров и благополучен, слава Богу... здесь только зима очень долгая; лето всего 3 или 4 месяца. Я кажется уже писал вам, что мне объявили еще на пять лет прожить здесь...
 (Стр. 120.)

Из этих всех писем к ссыльным, общественным, расселенным и тюремнозаключенным, можно легко догадываться, что несмотря на их стойкость и оптимизм их ссыльного руководителя, собственное их положение было далеко не благополучно, -- точнее сказать--безвыходно. Петр Васильевич получает всякие слухи о жестокостях, о грубых преследованиях и притязаниях, со стороны начальства и невыносимой жизни, обреченных на голод и холод ссыльных в Горийском, Тихонецком и Сигнахском уездах и в грузинских аулах, где к тому времени вымерло более тысячи духоборцев. Петр Васильевич, наконец, решает найти выход в его личном письменном обращении к Императрице Александре Федоровне Романовой. Он пишет (Письмо 33, стр. 89.):

К императрице Александре Федоровне Романовой

Господь Бог хранит душу твою, как в сей жизни, так и в будущем веке, сестра Александра.

Я, раб Господа Иисуса Христа, живу в послании и благовествовании Его истины. Нахожусь в ссылке с 1886 г. из Закавказской духоборческой общины. Слово "духоборец" надо понимать, что мы в духе и душою исповедуем Бога [смотри Евангелие встреча Христа с Самарянкой у колодца. Иоан. 4:23-24].

Умоляю тебя, сестра во Христе Господе--Александра, упроси супруга своего, Николая, пощадить от

гонения христиан на Кавказе. К тебе я обращаюсь, потому что думаю: твое сердце более обращено к Богу. Там же сейчас более страдают женщины и дети: сотни мужей и родителей заключены в тюрьмы и тысячи семей рассеяны по горским аулам, где властями внушиается жителям обращаться грубо. В особенности на женщинах христианках это отражается тяжело! Недавно стали садить и женщин и детей в замки. Вина с нашей стороны та, что мы, повозможности, стараемся стать христианами. В некоторых поступках, может, и недоумеваем.

Тебе, вероятно, известно учение вегетарианства; мы сторонники этих гуманитарных взглядов; недавно оставили употреблять в пищу мясо, пить вино и много такого, что ведет к развратной жизни и затмевает светлость души человека. Не убивая животного, мы человека лишать жизни ни в каком случае не считаем возможным. Убивая простого человека, даже хотя бы и разбойника, нам кажется, что мы решаемся убить Христа, и вот в этом главная причина. Государство требует наших братий обучаться приемам ружья. Христиане на это не соглашаются; их сажают в тюрьмы, бьют и морят голодом. Над сестрами же и матерями грубо поношаются, как над женщинами; очень часто там же с насмешками взывая: "где же ваш Бог? почему он вас не спасает?" Бог же наш на небесах и на земле и творит он все, что хочет [Псалмы Давида 113-114]. И печальнее более потому, что все это происходит в христианской стране. Община наша на Кавказе состоит из около 20 тысяч человек. Неужели такое малое количество может оказать вред государственному организму, если с них не брали бы солдат? Сейчас хотя и берут, но бесполезно; 30 человек находятся в Екатериноградской крепости в дисциплинарном батальоне, где над ними только мучаются, производя пытку. Человека мы считаем храмом для Бога живого и готовиться к убийству его, ни в каком случае не можем, хотя за это угражали нам смертью. Самое удобное поселить нас в одном местечке, где мы и жили бы покойно, занимались трудом. Все государственные повинности, в форме податей, мы внесем, только не можем быть солдатами.

Если на это правительство сочло бы невозможным согласиться, то пусть бы дало нам право выселиться в одно из европейских государств. Мы охотно пошли бы в Англию, или самое удобное, в Америку где массу имеем братьев в Господе Иисусе Христе.

От полной души прошу Господа о благоденствии вашей семьи.

Раб Христа--Петр, живущий в ссылке в Тобольской губернии.

Нет прямых достоверных сведений по поводу этого письма, посланного Петром Васильевичем, к Императрице Александре Романовой. Об этом есть намеки, что письмо Петра Васильевича было доставлено на руки императрице, но какое было ее впечатление и последовательное содействие в просьбе Веригина, этого достоверно не выразилось.

В свою очередь, Петр Васильевич, прислушиваясь к голосам своих братьев находившихся в безвыходных положениях, в то же самое время прислушивался и к голосам из заграницы, намекавшим ему на выход для духоборцев, о котором он лично мечтал и старался найти. Эти голоса несомненно, он слышал от друзей Квакеров, из Англии. В письме 34-м он им пишет (Письмо 34, стр. 91) :

Любезные Братья! Мы христиане, живущие на Кавказе и над которыми, в недавнее время, постигло испытание, душевно тронуты вашим приветствием. Мы верим, что добрых людей много в мире, которые должны гореть как светильники в окружающем нас мраке.

Я сторонник учения Иисуса Христа и живу в ссылке -- скоро будет десять лет, за благовестование Духа Истины.

До сего времени наша община называлась "Духоборцы"; под словом "духоборец" разумелось: "Мы в духе и душою исповедуем Бога" [Ев. Иоан. гл. 4, ст. 23 и 24]. Никаких вещественных знаков не боготворим; стараемся приводить в жизнь учение Иисуса Христа, в широком смысле его значения.

Недавно в нашей среде возбудилось движение в пользу к совершенствованию действительной жизни и мы решили наименовать свою общину: "Христианская община всемирного братства". О чем с радостью извещаем вас и с любовью считаем братьями.

Член Всемирного Братства П. Веригин.

Здесь очень важно заметить значение и важность в перенаименовании духоборцами своей общины на "Христианскую Общину Всемирного Братства". Это было сделано по совету Веригина. Петр Васильевич в своем 34-м письме к друзьям в Англии, дает свою подпись, как член Всемирного Братства и как будто приглашая их быть с ним в таком братстве, пишет:

Мы решили наименовать свою общину: "Христианская Община Всемирного Братства" о чем с радостью извещаем вас и с любовью считаем братьями.

Это наименование, само по себе, хотя очень благовонушительно, но для приглашенных Веригиным друзей в такое братство, было бы не вполне определенно. Что сделало бы Квакеров правомочными и квалифицированными членами такого братства? Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно задать другой: какие квалификации требовались от братьев, будь они Квакеры или Духоборцы, чтобы по праву они могли быть членами такого братства? Петр Васильевич в 35-м письме приглашает к такому братству всех духоборцев большой партии, советую им:

С сего времени будем называться во славу Господа Христианской Общиной Всемирного Братства. . .
Мне переслано из Москвы письмо, присланное из Англии от общества, так называемого "Церковь Братства" [общество это было основано Д. Кеннурти, одним из английских последователей Л. Н. Толстого; смотри сноска стр. 92] которое очень соболезнует,

что нас постигло такое испытание и советует крепко держаться христианской веры. . . Если пожелаете [он обращается к духоборцам] наименоваться той, как выше сказано, то передайте всем, чтобы в Рождество Христово, после моления считать себя таковыми и в день этот праздновать Рождество Христа, и мира и благоволения в человеках.

Чтобы дать ответ на вопрос: что квалифицирует духоборца стать действительным членом Христианской Общины Всемирного Братства, Петр Васильевич поставляет это в приложении к 35 письму, стр. 93, в форме:

Из общих взглядов Христианской Общины Всемирного Братства:

1. Члены общины уважают и любят Бога, как начало всему существующему.
2. Уважают достоинство и честь человека, как в самом себе, так равно и в себе подобных.
3. Члены общины смотрят на все существующее любовно и с восхищением. В этом направлении стараются воспитывать детей.
4. Под словом Бог члены разумеют: силу любви, силу жизни, которая дала начало всему существующему.
5. Мир состоит из движения, все стремится к совершенству и через этот процесс старается соединиться со своим началом, как бы возвратить созревший плод семени.
6. Во всем существующем нашего мира мы видим переходные ступени к совершенству, как например, начинается с камня, переходит к растениям, потом животным, из которых самым крайним можно считать человека в смысле жизни, в смысле мыслящего создания.
7. Уничтожать, разрушать чтобы то ни было, члены общины считают предосудительным. В каждом сделанном предмете есть жизнь, а следовательно и Бог, в особенности же в человеке. Лишить жизни человека ни в каком случае непозволительно.

8. Члены общины в своем убеждении допускают полнейшую свободу всему существующему, в том числе и существование человека. Всякая организация установленная насилием, считается незаконной.

9. Главной основой существования человека служат энергия мысли, разум. Пищей вещественной служат: воздух, вода, фрукты, овощи.

10. Допускается общественная жизнь в людях, держащаяся на законе нравственной силы, правилом которого служит: что себе не хочу, того не должен делать другому.— БОГУ НАШЕМУ СЛАВА!

Вот,—столбы на дороге: на дороге духоборческого движения,—на дороге „Христианской Общины Всемирного Братства”.

Да,—эти „Общие Взгляды ХОВБ” не только были приняты духоборцами в 1896 году, но и были возведены на степень 144 псалма в „Животной Книге” и с тех пор стали самым главным руководством духоборцев в их последовательной жизни. Всякая словесность (устная или литературная) возведенная на степень „псалма”, кончается словами „Богу нашему слава”. Заметим здесь также примечание Владимира Бонч-Бруевича (Письма, стр. 94): он говорит:

Мы приводим здесь мнение об этих „Общих Взглядах” И. Е. Конкина, одного из замечательных духоборцев. Он в письме своем от 12 декабря 1896 года, пишет: „Эти десять пунктов мы считаем как бы основным правилом христианской жизни, или десять заповедей Нового Завета”.

Тем временем, к концу 1897 года, положение духоборцев все более и более ухудшалось на Кавказе и в ссылках и это вошло во внимание многих духовно-нравственных деятелей,

особенно Льва Николаевича Толстого и его друзей, включая Квакеров в Англии.

Толстой лично послал узнать о происходившем на местах ссылок, своего сотрудника Павла Михайловича Трегубова, а после, Павла Ивановича Бирюкова, которые объехали места ссылок в Горийском, Сигнахском, Тихонском и Душетском уездах, и убедились, что до 4000 духоборцев систематически вымирают от голодной смерти благодаря распоряжениям правительства. Эти два посла в конце 1897 года, сделали об этом доклад Льву Николаевичу, и он немедленно написал духоборцам следующее письмо:

Любезные братья, страдающие за учение Христа!

Брат наш [Трегубов] заехал по дороге ко мне, и мне захотелось написать вам то, что не я один, но много и много людей у нас и заграницей, знают и думают о Вас и боятся за вас. Если Бог велит, то мы пришлем вам, вашим детям, женщинам и старым людям, больным, посильную помощь; духовая же помощь мы и многие, здесь и за границей, получаем от вас и просим вас не оставлять нас этой помощью. Помощь эта в том, что вы первые показываете пример хождения по пути Христову; задним легче, чем передним. Вы идете передними, и многие благодарят вас за это. Христос сказал: Меня гнали, будут гнать и вас", так и сбывается; жалко малых и старых, а еще жальче гонителей: ведь они уже знают теперь, что они гонят не вас а Христа, того самого, который пришел спасать их. Они видят свой грех, но так завязли в нем, что не могут отстать от него. Они делают свое дурное. Помоги им Бог опомниться и присоединиться к нам. Передавал И. П. [Иван Парамонович Обросимов, см. его путешествие к П. В. Веригину, стр. 173, "Письма"] мне рассказы, как ваши братья, страдающие за отказ от участия в делах дьявола, в убийстве, поступали с теми, которые не выдержали гонений и согласились служить. Если те, которые сами страдают за Христово дело, просили прощения

у тех, которые не выдержали гонений за те страдания, которые они понесли по примеру и научению братьев, то как же мне, неудостоившемуся пострадать за Христово дело, надо выпрашивать прощение у всех тех, кого мои слова и писания повели к страданиям?

Тот кто страдает за Христово дело не по научению людей, а потому что не может поступить иначе перед Богом, не нуждается в людских утешениях и поощрениях, а тот кто поступает не для Бога, а для славы людской, тому тяжело и его надо утешать и поддерживать и просить у него прощения, если он пострадает из-за нас. И потому, братья, не упорствуйте в своем отказе от государственной службы, если вы делаете это для того, чтобы не укоряли вас в слабости. Если можете делать то, что от вас требуют--делайте, избавьте этим ваших слабых жен, детей, больных, старых от мучений. Если не вселился в человека дух Христов, то всякий из вас должен ради любви к своим отказаться от прежнего и покориться; никто не осудит вас за это. Так должны вы поступать, если можете. Если же дух Христов вселился в человека и он живет не для себя, а для исполнения воли Бога, то он и рад бы согласиться сделать все для своих страдающих близких, да нельзя ему сделать этого, как нельзя одному человеку поднять 100 пудов. А если так, то Христов дух, который противится делам дьявола, научит как поступать и утешит в страданиях, и своих близких.

Многое хотел бы я сказать Вам и узнать от Вас. Если Бог велит--свидимся. Пока прощайте, братцы. Целую Вас.

Брат ваш слабый, но любящий Вас.
Лев Толстой.

(См. "Ист. Дух." Сухорева, стр. 108.)

Это письмо от Льва Николаевича к духоборцам, как и письма от других личностей, было переслано Петру Васильевичу, на которое он ответил 15 августа 1898 г., из Обдорска. По поводу переселения духоборцев за границу, хотя Петр Васильевич и сам предвидел это, он думал об этом с некоторым колебанием. Он пишет к Толстому в письме и пятьдесят седьмом, стр. 125:

15 августа 1898 г., село Обдорск

Уважаемый Лев Николаевич!

Посылаю вам сердечный привет с пожеланием получить от Бога всего хорошего. Я здоров и благополучен, слава Богу.

После ёккуратной переписки между нами, я писал вам еще два-три письма, но вероятно, "Цензура" их не переслала по адресу, потому от вас я тоже не получал письма.

Чтобы поговорить с вами по душе, набралось всего так много, что придется урезывать... .

Недавно в "Руси" прочел ваш очерк о голодовке людей; это хроническое голодование очень и очень печальное положение народа, но еще печальнее то, что не позволяют подавать хлеба голодному человеку. Тогда как, отнимание насущного хлеба, открыто допускается и всевозможно поощряется! . . .

Я желал бы знать ваше мнение, уважаемый Лев Николаевич по делу выселения духоборцев за границу. Я лично, почти положительно против переселения, потому люди нашей общины труждаются [идут с трудом] в самоусовершенствовании и, следовательно, куда бы мы не переселились, понесем свои слабости с собою; а что за границей свободнее жить личности вообще, я думаю, разница, может быть небольшая. Человечество всюду одинаково.

Если переселение и может состояться, то при условиях: правительство должно возвратить всех расселенных духоборцев ко своим семьям, дать двух-трех летнюю льготу для выселения. Община может послать три-четыре человека доверенных осмотреть местность, да еще вопрос, есть ли в Америке свободные места, чтобы население ничего не имело против заселения. Наконец, мы могли бы арендовать 2-3 американских парохода и сразу переехали бы. Напишите мне пожалуйста, Лев Николаевич, не ведете ли вы переписки с американскими знакомыми по поводу переселения духоборческой общины?

Полиция совсем не передает мне писем, а также и от меня никому не пересыпает. Можно писать--как губернатор меня предупредил--родителям, да и то чтобы письмо не имело "философических рассуждений". [Выражение губернатора] . . .

Как автор этой диссертации, считаю уместным здесь прибавить один параграф из моих личных юных воспоминаний по поводу споров или распреи „миссионеров“ Православной Церкви с сектантскими проповедниками. В конце Русско-Японской войны 1905 г., мой отец позволил мне, 12-ти летнему мальчику, пойти с ним на споры между „миссионером“ выше упомянутой церкви и передовыми членами небольшого общества „Духовных Христиан“, так называемых „Молокан“. Молокане были во многом сходственны с духоборцами и в их ранней истории были последователями одного и того же религиозного движения.

На этот раз, упоминаемые мною споры, или, скорее, дебаты, произошли на площади возле Православной Церкви, и со стороны „миссионера“ перешли в полемику. Хотя я мало понимал о тонкостях богословских аргументов, я, всетаки поверил отцу и другим взрослым слушателям, что молоканские толкователи очень ловко отделались от всяких претензий „миссионера“ на непогрешимости своих богословских изложений.

Подобные споры произошли в соседнем селении по имени Саламатинка, в котором пресвитер большого общества молокан, как нам известили, еще громче отделался от миссионерских претензий, но не долго после этого, нашего торжествующего пресвитера сослали на 5 лет, из Саратовской, в другие отдаленные губернии. В продолжении 5 лет ему удалось повидать свою жену с детьми и своих друзей в краткие минуты глубокой ночи.

Только семь кратких лет перед теми моментами, о которых я здесь вспоминаю, перечитывая это (57-е) письмо Петра Васильевича к Льву Николаевичу Толстому, в котором он пишет о подобных моментах, только несравнительно более значительных для духоборческой общины. Веригин продолжает:

В Обдорске находится православная церковная миссия и в этом году сюда командировали двух монахов:--один из Петербурга; они много раз говорили в церкви проповеди о духоборческой общине, о ее зле, опасности для государства и тому подобное. Я предупредил монахов, если они еще будут продолжать, то вынужден буду заметить им о некоторых несправедливых толкованиях об общине. В одно воскресенье они дали мне право говорить в церкви. Полемика вышла горячая; здесь же в народе многие приняли мою сторону.

Попами был поставлен вопрос об отрицании нами икон. Я объяснил: мы Бога чтим, которому подвластно все существующее, не только земля и что на ней есть, но и все, что находится во вселенной. Бог есть жизнь и присутствует во всем существующем и равно присутствует--покровительствует, как человеку, так и самой маленькой птичке или насекомому, и потому --сказал я,--Бог, которого мы чтим, безмерно велик и обширен и вместить Его в какую либо рамку невозможно, а тем менее изобразить Его. Бога возможно только ощущать душою, сердцем и выражать Его свойство любовью ко всему живущему, в котором мы вращаемся.

Попов было шесть человек; говорил со мной один, но под конец они все заговорили; я обратил их внимание на шум производимый ими; со мной согласились и слушатели люди. Попы дошли да такого волнения, что один из них выразился: "покажи нам своего Бога или любовь!" На такой вопрос, некоторые из людей даже рассмеялись. Я ответил на этот вопрос: "Вы повторяете слова фарисеев, которые были предложены Христу; но я уверен, что вы понимаете, что значит "любовь", но только не хотите исповедывать ее, а также, из за выгоды материальной, держите в темноте и людей" . . .

Недавно от родных приезжал ко мне человек. Успел войти в квартиру и побыл не более пяти минут, набежали полицейские и увезли под арест. Через полчаса отправили по этапу. Паспорта у него не было. Духоборцам не выдают паспортов. . .

Такие поездки я нахожу совершенно лишними. Но мать моя старушка, сильно беспокоится и не доверяет даже письмам, что я живой. Этот человек, хотя по этапу и не скоро дойдет, но скажет ей, что видел меня. . .

В "Мире Божьим" был помещен отчет о казанском съезде миссионеров попов. Характерен вопрос, поставленный ими, чтобы отбирать от сектантов детей! Только за тем дело и стало, что нет помещений! Всякие толкования по этому поводу излишни. Журнал "Мир Божий" в Обдорске получается. Я тогда послал в редакцию письмо, относительно съезда. Копию присылаю вам. . .

Ваши сочинения нашли в съезде очень вредными! . . . Да и правду сказать надо: вы много за это время разоблачили неправды. В особенности попы сильно на вас сердиты, да и имеют право, потому что вы своими "Маленькими Врошюрками" не позволяете более волкам прикрываться овечьей шкурой. . .

Передайте душевный привет всем братьям и сестрам по духу. Желаю вам всего хорошего.

Петр Веригин.

К тому же времени, благодаря ли письму Петра Васильевича к Императрице Александре Романовой, или не прекращающихся ходатайств разосланных духоборцев, было передано через Василия Потапова следующее решение правительства:

По поводу ходатайства ее Императрического Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, духоборцами-постниками, выселенных в 1895 году из Алхалакского и других уездов Тифлисской губернии, о сгруппировании означенных духоборцев-постников на жительство в одном поселении с освобождением от воинской повинности или же о разрешении всем им

выселиться за границу последовало распоряжение:

1. Освобождение их от воинской повинности неудовлетворено.

2. Духоборцы-постники, за исключением конечно, находящихся в призывном возрасте и не исполнивши воинской повинности, могут быть уволены за границу при условии: а) Получения заграничного паспорта в установленном порядке, б) Выезда из пределов России на собственный счет и в) Выдачи при выезде подписки о невозвращении впредь в пределы Империи, имея в виду, в случае не исполнения сего последнего пункта, виновный подвергается высылке в отдаленные местности. Ходатайство же их о сгруппировании на жительство в одном селении не уважено.

(В. А. Сухорев, "История Духоборцев", стр. 109.)

Из таких условий нельзя предвидеть благоприятного выхода из затруднений, --предварительно разорив их до основания, русское правительство решило разрешить духоборцам выселиться "на свои средства", или же остаться на местах жительства, но "с принятием воинской повинности". Другими словами, --дали им безвыходный выход.

К счастию для всех страдающих духоборцев, еще за месяц перед тем как Лев Николаевич получил последнее письмо от Петра Васильевича и не спрашивая у правительства ни каких льгот к приготовлению для выселения, Лев Николаевич сделал все народное обращение, которое широко распространил под взванием "ПОМОГИТЕ!", в котором он ярко осветил положение духоборцев за Кавказом и просил всех сострадающих им, оказать им помочь и немедленную возможность к переселению. На это обратили внимание Квакеры в Англии, и так как один из друзей Толстого, Владимир Григорьевич Чертков, находился в Англии,

то у него и организовался комитет по оказанию помощи духо-
борцам.

И так на призыв Льва Николаевича Толстого поступили
средства,--Квакеры помогли выселить, в августе 1898 года, на
Кипр 1126 духоборцев из азиатских аулов, которые позднее
переехали в Канаду. 3.000 душ из Елизаветпольской губернии
выехали в Канаду на свои средства. 4.000 душ переселились
в Канаду в 1899 году. Всего, 8.000 душ переселились в
Канаду.

V

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕРИГИНЕ СОВРЕМЕННО
С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ ЕГО РАБОТОЙ
В КАНАДЕ

По переселению духоборцев в Канаду в 1899-1902 гг. и Веригина к ним в 1902 г., история духоборцев продолжается под деятельностью личного руководительства Петра Васильевича. Подробное описание развития этой истории, побудившей в свойственную ей литературу, потребует целую диссертацию. Здесь можно лишь воспроизвести воспоминания--о деятельности Веригина в Канаде, о деятельности духоборцев под его личным руководительством--духоборческими и посторонними писателями:

1) В 1906 году, Веригин и сопутствующие с ним молодые духоборцы--проживши в Канаде семь лет--прибыли в Петербург. По какой причине?

Считаясь с обстоятельствами из-за земельного вопроса, обязанности принятия присяги, чтобы владеть землею (не общинно) и другими вопросами (которые разлагали общину) встретившимися в Канаде, Петр Васильевич имел надежду достигнуть разрешение на возвращение всех духоборцев в Россию.

(Ист. Дух. Сухарева, стр. 132.)

Как же он осмеливался спрашивать возвращения в Россию, которая семь коротких лет тому назад выселила духоборцев безвозвратно на свой счет из русской земли? Об этом пишет профессор Г. Клочкин:

Петр Веригин в Петербурге

Революция 1905 года медленно уходила в даль...
Манифест 17-го апреля о свободах прозвучал по всему

миру. Эта благая весть произвела громадное впечатление внутри России и за ее пределами." Свобода совести, провозглашенная манифестом, дала возможность многим вздохнуть свободно, всей душою хоть на короткое время. Прекратились преследования, по скитам стали проявлять "оказательства", закрылись суздальские тюремные-погреба, бердянские беспоповцы оторвали приколоченную дверь моленной.

Верующие люди поверили, что наступила пора, когда можно молиться по-совести, в духе и истине. Поверили этому и русские изгнанники за религиозные убеждения страдавшие в России и бежавшие за границу искать свободу.

Поверили и духоборцы, изгнанные в Канаду. Поверили и Петр Веригин. Посоветовался с братьями и близними и поехал в Россию, в родную страну. Приехали в Петербург. . .

Началось хождение по разным канцеляриям и влиятельным людям. Меня Петр Веригин посетил и по старым нашим отношениям и потому, что я был со-редактором "С Петербургских Ведомостей", издатель которых князь Ф. Ф. Ухтомский был когда то очень близким к Николаю II человеком, путешествовал с ним кругом света, написал большие книги об этом путешествии и считался еще достаточно сильным придворным.

В действительности это было не совсем так. На другой день по приезде Петр Веригин сидел у меня за столом и в беседе за чашкой чая говорил о своих задачах. Они были очень сложны. Он говорил:

--"Вернемся мы в Россию или нет? Все зависит от того, насколько можно поверить в то, что манифест о свободах совести будет реальность."

Я рекомендовал не возлагать больших надежд на действительное значение манифеста, так как надо ожидать сильнейшего противодействия со стороны очень влиятельной группы лиц, видящих в манифесте "революцию". П. Веригин уже успел сильно пропитаться американскими свободами и американскими социальными навыками.

--"То, что дано,--уверенно говорил он,--то отнять нельзя. Это дано страдающему народу и нужно ему.

А то, что народу нужно, то должно быть удовлетворено. Манифест не способствует революции, а предотвращает ее. Это спасительный манифест. Он именно против революции, а не для нее."

Из речей П. Веригина было ясно видно, что он предчувствует надвигающуюся бурю в России. . . Ясность и чистота мысли были отличительной чертой всех его высказываний. . . Он много говорил о положении духоборцев в Канаде. . . Чувствовалось, что судьба родной общины глубоко трогала ее руководителя. . . Из Канады надо было уехать. . .

Петр Веригин удивительно хорошо говорил на эту тему. Ясно, глубоко-проникновенно, сердечно характеризовал он безвыходность положения. . . Слова "враги" я не слышал у него. . . Главный враг был безличен. . . Он давил своей громадой, своей ядовитой разлагающей заразой, с которой никак нельзя бороться. Это была инфекция американской культуры и государственность, не такая грубая как в России, но не менее страшная. . .

Доказательства были на лицо. Я их видел ясно. Симптомы некоего перерождения Петр Веригин привез с собою, -- с ним приехало несколько человек духоборческой молодежи. Они частенько выходили в кухню и в коридор--покурить! Один из них говорил:

--"Я служу на железной дороге. Мне не плохо. Хорошо зарабатываю. Ни в чем не нуждаюсь."

--"А думаете о переезде в Россию?"

--"Н... не знаю! Там как будто больше знакомо, чем здесь. Мне, правду сказать, по-моему, то есть, по канадски и говорить легче, чем по вашему, по здешнему."

--"Разве вы порвали с духоборцами?"

--"Нет. Но я уже привык к другой жизни."

--"А если придется вернуться назад в общину?"

--"Как вам сказать?.. Не знаю, не думал. Полагаю, что жить можно и там и там."

Всех моих разговоров с молодежью я не могу передать.

О них можно догадаться. Городская культура Канады вошла в плоть и кровь молодых духоборцев и провела в их душах разделительную линию. Они были уже не крепкие, почти фанатичные последователи определенного мировоззрения, а люди половинчатые, колеблющиеся, расценивающие обе стороны. . .

При П. Веригине молодежь обычно ненавистно молчала или ограничивалась краткими репликами. Он относился к ним терпеливо, иногда сочувственно, иногда с благодушной иронией, но было ясно, что это все было говорено и переговорено, сужено-пересужено.

Однажды вопрос коснулся денег. Один из молодых духоборцев заявил:--"Были бы деньги! С деньгами все можно."

--"Кроме правильной жизни",--ответил П. Веригин.

--"Чем деньги мешают? Ведь думаем же . . .
купить и землю, и орудия, и скот."

--"У нас в банке пять миллионов,"--заявил другой.
--Это капитал. На него мы и в Бразилии и в Соединенных Штатах устроимся."

--"В Бразилии климат неподходящий",--заметил П. Веригин.

--"Канада хуже Кавказа, а вот живем же. И в другом месте будем жить" [склонность молодежи к свободничеству.--Т.М.К.].

Разговор принимал неприятный уклон. . . Он был продолжением и отголоском других раных бесед, не приводивших ни к чему определенному, но сеявших недовольство и мостивших дорожку к разладу.

Петр Веригин искал путей к укреплению духоборского быта, на испытанных, духоборческой историей, образах жизни. Он сам был создателем уже окрепших традиций. Молодежь, повидимому, бессознательно разрушала эти традиции и причиняла П. Веригину глубокую душевную боль. . .

В краткой заметке невозможно передать все беседы с П. Веригиным и его спутниками. Князь Ф. Ф. Ухтомский приложил много усилий, чтобы удовлетворить запрос Петра Веригина. Были уклончивые обещания.

Святейший Синод конечно решительно высказался против. Манифест не помогал. . .

В прощальный визит П. Веригин был заметно подавлен. . .

-- „В чем же дело? Что вас озабочивает?”

-- „Многое.” Веригин безнадежно развел руками. . .

-- „Вернее одно: вера верой, религия религией, а полицейский устав остается стеной нерушимой.”

-- „Может быть, и он подвергнется эволюции.”

-- „Ни эволюции, ни революции. Мне сказали: Для вас мы не можем менять инструкцию для исправников.”

-- „Я вам это говорил. Подождите.”

-- „Что делать? Ждать я не могу. Да и невижу необходимости. Если мы поселимся в Сибири, это будет исход на 1½-2 года, а потом придется искать новую замлю и новые порядки.”

-- „Очень грустно, что вы не верите в наше будущее. Лучшие чаяния русских хороших людей постепенно берут верх.”

-- „Когда они возьмут верх, мы, может быть, и приедем в Россию. А пока”. . . Он пожал плечами.

Раньше мы уже говорили о революции и ее возможностях. Я чувствовал, что Петр Веригин был далек от мыслей о революции. Да она, вероятно, была ему не по душе, так как противоречила всему течению его духовной настроенности. Революционер духовных высот, он был чужд политических революционных низин и болот. „Земли жилец земного чужд.”

Мы простились. Мне было тяжело, и я хотел сказать ему, что то утешительное на прощанье:

-- „Верьте в Россию. Она хорошая и всех приютит.”

-- „Я всегда о ней молюсь.”

Проф. Г. Клочкин, П. Веригин в П.
(Из „Духоборцы”, П. Н. Малов, стр. 571-576.)

2) В 1903 году духоборцы приняли в Канаде землю, 2025 Фарм, заплативши 20.250 долларов--по 10-и долларов государственного налога на каждый участок. Они содержали эту землю в общем пользовании. После трехлетнего владения землей, духоборцы образовали на ней сорок русских громадных сел. Были выстроены хорошие дома, амбары, конюшни. Очистили и разработали землю. Построили четыре паровых мельниц и приобрели четыре паровоза с молотилками. Жили коммунальным образом и работали сообща. Все это напоминает о современности влияния П. В. Веригина, так как он давал советы и наблюдал ход духоборческого движения.

Но в то же самое время были и препятствия: во первых, от внутреннего давления со стороны "свободничества" некоторых членов в общине и во вторых, от внешнего давления на общину со стороны канадского начальства. Вернувшись из России в 1906 году, Веригин увидел как действовали эти тормоза на общественный ход духоборческого движения. Канадский чиновник Джонсон Мак-Дугал уже успел объехать все духоборческие села и вручить всем членам общины бланки требующие от каждого члена, чтобы он под присягой вписал свое имя, стал британским подданным, принял свой участок (160 акров) земли и, лично обрабатывая его, жил на нем.

Повидимому, как это понимали духоборцы, цель современного канадского правительства была двоякая: привлечь всех духоборцев к их гражданским обязанностям принятием присяги--

от которой они отказались в России--и, в то же самое время,-- подавить в них зародыши коммунальной жизни, корни которой были посажены Веригиным в Закавказье, которые они привезли с собой в Канаду. Чтобы заполнить каждым членом бланк под присягой, способствовало бы этой кучке русских сектантов, по одиночке, ассимилироваться с жителями страны, по закону страны, а не по принципам и поучению Иисуса Христа, как они это понимали. Духоборцы отказались заполнить бланки и подверглись лишению прав на владение 320.000 акров земли.

В начале 1907 года, Петр Васильевич в сопровождении с Семеном Рыбиным подыскали и, во имя общины, купили землю у частных лиц и земельных владельцев в Британской Колумбии, и других местах.

За текущие 12 лет было куплено в Британской Колумбии, в Альберте и в Саскачеване 67.340 акров земли на \$4.450.820.

В Британской Колумбии с великим трудом была расчищена земля от первобытного леса, было посажено 50.000 фруктовых деревьев и была построена консервная фабрика стоимостью в \$100.000. Во всех трех местах появились: постройки, живой и мертвый инвентарь, торгово-промышленные предприятия, мельницы, лесопилки, торговые магазины, фабрики, элеваторы, сады, огороды--большие достижения развития общинно-коммунального хозяйства были достигнуты через большую веру людей в ней живущих. Такой успех можно приписывать только большой вере духоборческого народа, что они стремились не только к

материальной наживе, а к духовному совершенству в братской жизни всех людей на земле. "Труд и мирная жизнь" служит лозунгом духоборцев и в наше время.

Все имущество--земля и все творчество духоборческого труда оценивались в \$6.410.822.

Система при Петре Васильевиче была поставлена так: каждый трудоспособный человек--мужчина--определялся на занятие по надобности в общине для обработки садов, земель, по оборудованию заводов и фабрик, за свой труд получая необходимые средства жизни на одном уровне для всех членов, и те, которым не было занятий в общине, посылались на посторонние, так называемые работы вне общины, и должны были вносить свои зарплаты в кассу общины, откуда получали средства к жизни на таких же условиях, как и члены работающие внутри общины.

(Ист. Дух. Сухорева, стр. 137.)

Правительство Британской Колумбии в 1912 году, выслало комиссию возглавляемую комиссионером Блакмором, который подробно входил как в духовное учение, также и в экономическое развитие духоборцев. Хотя он ясно видел и понимал разлагающие влияния на общину (от духоборцев, которые приняли подданство и отделились от общины; от "Свободников" которые сильно тревожили общину фанатическими вероломствами; да и от самого комиссionера который проявлял желательность скорого распадения общественной системы), он всетаки имел в себе довольно благородства, чтобы дать правдивый и фактический доклад о характере и деятельности Петра Васильевича Веригина:

Не подлежит никакому сомнению [говорит комиссионер] что Петр Веригин намеревается восстановить здесь ту общинную систему жизни, которой строго поддерживались духоборцы в России. Эта задача трудно осуществимая,

и обстоятельства не предвещают успех. . . С материальной точки зрения духоборцы в Британской Колумбии уже доказали, что при общинной системе они в состоянии очищать и культивировать земли, развивать производство и накоплять богатства в большей пропорции, чем доступно отдельным лицам. Но вопрос в том: как долго большинство будет продолжать накапливать состояние для общины, а не для себя [по духоборчески: община существует равно для каждого в ней]. И это есть ключ к теперешнему положению.

Комиссионер отдает справедливость Петру Васильевичу, в его искренней признательности к идеалу общины и говорит:

Тут же следует признать, что Петр Веригин предан интересам своей общины, и как видно . . . он никогда не старался преследовать свои личные интересы, кроме упрочения своего положения как главы общины. Это последнее обстоятельство приводит нас к обсуждению вопроса о его личных отношениях с духоборцами, особенно их деловых оборотов, распоряжения их капиталами.

Комиссионер дальше упоминает, что Петр Веригин был очень аккуратен по отношению к доверенным ему финансам, и в его кабинете велась отчетность:

И на самом деле трудно поверить, чтобы такой деловитый человек, который столько путешествовал и столько видел, и который успел хорошо изучить условия жизни в Канаде и характер конституционного режима мог бы допустить, что общинная система может постоянно существовать в нашей среде.

Несмотря на желательность скорого распадения общинной системы, комиссар Уильям Блакмор заканчивает свой доклад, в полном сознании способности, честности и преданности идеалу коммунальной жизни Петра Веригина. В заключении он пишет:

Но среди всего этого стоит личность Петра Веригина величаво и всемогуща. Теряет ли он свое влияние, как можно судить по неудовольствию младшего поколения общины, или же число недовольных так незначительно, что на них нельзя смотреть как на

представителей общины, факт остается, что дела общины находятся в руках человека, знающего свое дело; человека, который на самом деле является отцом для этих людей--он их учит, направляет и ободряет, который соединяет в себе редкое знание духоборцев, их истории, их верований и их характера, деловые способности и технические знания всего, что касается земледелия настолько, что это обеспечивает преуспевание и благополучие всех людей, находящихся под его надзором, если бы только можно было "склонить их к выполнению законов страны". Настоящей проблемой--он говорит предупредительно--для правительства Британской Колумбии являются не духоборцы, а их вождь--Петр Веригин.

Так заключает Блакмор в 1912 году свой доклад правительству Британской Колумбии. (См. "Ист. Дух.", стр. 123-139; "Не в силе Бог", стр. 192-257.)

Исторически говоря, полная христианская свобода--т.е. свободное устройство и постановление жизни в духе поучения Иисуса Христа--редко, где-нибудь, вполне осуществляется в "законно"-поставленном политически-организованном обществе, даже в тех национальных обществах которые хвалятся, что они следуют традициям пропитанными свободомыслием и свободолюбием.

Меры принятые для "склонения духоборцев к выполнению законов страны" (в России, в Канаде) не согласовывались с принципами христианской свободы. И это так и показывалось христолюбивым духоборцам.

Но для "законного" общества и этого было недовольно: были и попытки к "склонениям", которые не только не были христианские, но и были совсем незаконные. Подобные примеры доказываются Теодором Беренденсом, жителем Бриллианта, Б. К. в письме к редактору "Нелсон Ньюз", 1913 г.:

Сударь:

На страницах последних номеров Вашей газеты было много сказано о духоборцах.

Будучи соседом этих людей, со времени их прибытия в Британскую Колумбию, я чувствую своим долгом описать свой опыт, который я имел в соприкосновении с этими людьми, и тем оказать справедливость всем, кого это может касаться.

Я рожден в Голландии, жил в Германии и других частях Европы. Потом был заброшен в Соединенные Штаты, побывав понемногу по всему этому западному матерiku, и наконец забрался сюда, где я живу вот уже шестнадцать лет.

Четыре года тому назад здесь была совершенная пустыня. Нéзбыло расчищенного места кроме местечка моего соседа Лэндиса и моего, но и это было только маленькие площадки. Немного больше четырех лет тому назад сюда прихали духоборцы и теперь они имеют самые большие плантации в Британской Колумбии. С великим восхищением я могу сказать, что они есть наилучшие соседи, каких я имел в своей жизни. Я нахожу этих людей честными и добрыми, и говорю я это потому, что за четыре года я не видел случая где они отнеслись бы грубо друг к другу, каждый старается следовать примерной жизни своего великого учителя: "Возлюби ближнего как самого себя". Что еще могу сказать?

Приблизительно раз в месяц я прохожу по их плантациям и всякий раз удивляюсь, смотря на результаты их энергичного труда. Улучшения делаются во всех направлениях и можно с уверенностью сказать, что через несколько лет Бриллиант станет раем, которым сам Бог погордился бы.

Раньше чем духоборцы приобрели консервную фабрику я имел маленькую площадку клубники, которую я срывал и часть ее носил за две мили, и больше, чтобы продать по одному доллару за ведро. Я начал разочаровываться и хотел было вспахать эту площадку. А когда духоборцы открыли свою фабрику, они сами срывают мои ягоды и платят мне по доллару за ведро. Теперь мне нужно только культивировать почву да свезти сорванные ягоды до ближайшей ж.д. станции. И так я стал увеличивать свою площадь клубники с

с каждым годом и нахожу возможность легко зарабатывать деньги.

Мне говорят, что и другие кроме меня, особенно жители над озером Кутней были также осчастливлены и там замечается большой прирост клубничных плантаций. Благодаря духоборцам стоимость земли в этой окрестности повысилось от 100 до 500 процентов, и я слышу, что некоторые земельные агенты с востока, с целью продажи земли в Британской Колумбии пробуют использовать Брильянт для демонстрации, мол "вот на что способна эта страна". Это не кажется мне, что эти люди "уж очень нежелательны". Самым большим счастьем для меня было поселение духоборцев в моем соседстве.

Кажется, мой сосед Лэндис дошел до конца своего терпения, судя по его статье, и я сожалею о нем, что пришлось ему войти в ссору с кучкой грязных клеветников, которые стоят ниже самого плохого духоборца.

Ваш корреспондент Гирст боится, что в течение нескольких лет духоборцы возьмут фруктовую индустрию в свои руки. На это я осмелюсь сказать, что если они не встретят большей компетиции чем Г-н Гирст, то они наверное возьмут. Но будет ли какая разница от этого для г-на Гирста, так как я не думаю, чтобы он когда либо возвращал (выращивал) больше чем хватило бы козе на ночь. Я бы посоветовал ему перестать клеветать на людей, или же обратиться в дом умалишенных, прежде чем у него получится конвульсия мозга.

Из моего личного знакомства с этим субъектом я бы сказал, что он должен говорить последним о ком бы то ни было. Во всяком случае я считаю духоборцев более желательными соседями чем его, и я испробовал обоих.

Вы имеете еще одного корреспондента, г-на Ригби, который кажется очень жадный до предположений. Он пишет, что если-бы германцы, англичане и французы переселились сюда вместо духоборцев, то Вы смогли бы рассчитывать на 2000 новых подписчиков [на Нельсон Нюс]. Мне кажется, г-н редактор, что я вижу как слюна наполняет Ваш рот и выбегает на края. Но, г-н редактор, те не пришли. И если бы духоборцы не пришли то и другие тоже не пришли бы. Духоборцы не

препятствуют прибытию тех 7000 французов, немцев и англичан. Почему же они не приехали раньше духоборцев? Или еще лучше--почему же они не едут теперь? Места много: пусть едут, чем больше тем веселей.

Я не думаю что прибытие духоборцев уменьшило число ваших подписчиков, и действительно не знаю кому повредили духоборцы своим прибытием в эту страну. Наоборот, я думаю, что население страны вообще извлекло из этого большую пользу. Я без стеснения могу сказать, что по моему мнению духоборцы есть желательные (желанные) люди и кредит для какой угодно страны.

Что касается Веригина, то я в девять раз скорее расположусь на его милость, чем на милость тех, которые ругают его.

Я на стороне той, чтобы дать духоборцам равные привилегии со всеми другими людьми.

Ваш верный,
Теодор Беренден.

(Перевод с английского. См. П. Н. Малов,
"Духоборцы", стр. 586.)

Для подробного описания личности, характера и деятельности Петра Васильевича Веригина потребуется в несколько раз большие усилия чем мы уже положили в этой всей нашей диссертации. Здесь лишь будет посильно и уместно дать ограниченное добавление в форме воспоминаний о нем духоборческими и посторонними писателями.

Петр Васильевич, несомненно, является одним из самых ярких и выдающихся деятелей, не только в истории духоборческого движения, но и во всем русском сектантстве. Идейная согласованность между Толстым и Веригиным в их чрезвычайном и смелом выступлении против милитаризма сильно пошатнула трон русского самодержавия и приобрела им мировую известность

и славу, как одних из самых сильных критиков и выдающихся противников войны.

С раннего детства Петр Васильевич отличался выдающим умом, большими способностями и склонностью к зрелым размышлениям. Притом он имел серьезный и практический взгляд на жизнь и большой интерес к хозяйственным делам.

Образование он получил сравнительно небольшое. Школа была домашняя. В этой школе изучали элементарные предметы и когда кончали грамматику, школа закрывалась и начинались занятия по хозяйственным делам. В юношеские годы он пас телят, коров, овец, пахал землю, управлял мельницей и работал в лавке. Всякие занятия он считал важными.

В 1881 году Лукерья Васильевна, духоборческая руководительница, взяла его к себе в Сиротский дом для воспитания и изучения духоборческих традиций. Она узнавала в нем большой талант, редкую способность его по хозяйству и предпочла его как будущего руководителя после себя, и дала на это завещание.

Духоборцы признали его таковым после ее кончины. Меньшинство из духоборцев не признали его за руководителя и действовали всячески против него. Однажды они скептически выразились с неприязнью к нему и говорили ему:

Вот мы видим, что многие духоборцы считают тебя за особого человека, за пророка или Христа, и ты, кажется, не отрицаешь этого. Но мы не верим этому. Если у тебя есть особая сила, или святость, то покажи нам ее. Создай хоть одну маленькую козявку, тогда уверуем в тебя.

Имея чрезвычайную находчивость в аргументах, которую он и впредь проявлял, Веригин несколько не смутился и пристально посмотрел на скептиков и серьезно сказал: „Скажите мне, какой именно козявки нет на свете, и я создам.” (П. Н. Малов, стр. 163.)

Нам здесь не нужно входить в подробности о том, что случилось с духоборцами после смерти Лукеръи Васильевны--об этом мы уже написали в другом месте. Заметим лишь только то, что по измене меньшей партии духоборцев, которые отка-зались принять Петра В. Веригина за руководителя и по вмеша-тельству подкупленного начальства, он был сослан на 15 лет, сначала в Шенкурск а после в Обдорск--на самые отдаленные места северной России.

Но аресты, тюрьмы, этапы и ссылки, которые он испыты-вал, только более увеличивали его влияние и авторитет среди духоборцев большой партии--они даже более помогали Веригину осуществлять значительные реформы в переустройствах духобор-ческой личной и коммунальной жизни.

В годы своей ссылки у Петра Васильевича сильно разви-вались взгляды на религиозные и коммунальные мировоззрения. Как последователь духоборческих традиций, он не отделял свою личность от обще-духоборческого поучения, но он был более подлинным выражителем духоборческого идеала, который он основывал на поучении и любви Иисуса Христа: „Возлюби Господа Бога всем сердцем своим и всею душою своею и всем разумением

своим и ближнего своего, как самого себя."

Петр Васильевич относился скептически к цивилизации, образованию и грамотности, потому что они являлись орудием эксплуатации трудящихся масс; наука, в частности, только тормозит развитие человека, развитие истины, Но после, по внушению Льва Н. Толстого, он допускал полезность грамотности и науки, когда они служили пособием к нравственной и мирной жизни--не вразрез с ней.

При вступлении на пост руководителя, Петр Васильевич делает замечание духоборцам за их оплошность и моральную отсталость, потому что они нарушали один из самых главных своих принципов и пошли служить в армии. Вспоминая об участии духоборцев в русско-турецкой войне в 1877 году, он говорит:

Это было самое мерзкое деяние из быта наших как христиан. Участвовать в недобром деле, хотя косвенно, все равно нехорошо. Подвозя сухари и оружие в прошлую войну, наши все равно участвовали в войне.

Петру Васильевичу казалось, что наступило время, когда духоборцам надлежало выйти из того круга в котором они находились последние 50 лет. Наступило время духовного подъема и обновления. Время освободиться от государственного стеснения и рабской зависимости в борьбе против тогдашнего зламилитаризма.

Но этот враг--милитаризм--был не только внешний, но и внутренний. Каждый духоборец должен был переродиться--

родиться свыше, родиться от духа. Петр Васильевич проявлял в себе замечательную честность в этой борьбе. Он не требовал от людей больше, чем от себя. Возрождение требовало воздержанность от всего, что было вредно для себя и вредно и несправедливо для ближнего. Когда к нему в ссылке приезжали духоборцы и толстовцы посетить его, они замечали, что он уже давно перестал употреблять мясо, перестал пить спиртные напитки и бросил курить табак, и им советовал так сделать. Этот факт подтверждали революционеры сосланные в Сибирь и находившиеся в соседстве с ним.

Петр Васильевич отличался личной скромностью в том, что он передавал из ссылки свои поручения духоборцам в форме советов и убеждений, а не как приказания или повеления. Он более располагался на добрую волю собратьев по убеждениям. Он советовал им не пить алкоголь и не курить табак, потому что был лично убежден они причиняли вред человеку. Он советовал им сжечь убийственные оружия и отдавал им свое ружье для сожжения, потому что был убежден, что они нарушали Божию заповедь и учение Иисуса Христа. И духоборцы большой партии в это время были так настроены, что достаточно было одного слова от него, чтобы они с большей самоотверженностью взялись выполнять все его советы и поручения, не считаясь с последствиями.

В Канаде Петр Васильевич относился чуть не отрицательно к цивилизации и ко всем государственным учреждениям. Он не

любил бюрократическую канцеляршину. Один раз, в сопровождении Михаила Казакова, он поехал в Оттаву по общественным делам. Там один из чиновников, очевидно, желая удивить его, повел его в залу высших судебных или государственных заседаний. В зале все стены, с низу до потолка, были уставлены тысячами книг. Указывая на книги, чиновник с гордостью сказал:

„Вот, М-р Веригин, это наши законы для всей Канады.”

„Да, действительно, много законов,”--сказал Веригин--А что, если бы случайно, эти книги повались на кого-нибудь из людей. Ведь они могут задавить человека. Не правда ли?”

Чиновник не понял куда Веригин склонял речь и сказал:
„Да, да, действительно они могут задавить человека насмерть.”

„Да хороши ваши законы, если они могут задавить человека насмерть”--добавил Веригин. („Духоборцы”, П. Н. Малов, стр. 168.)

В Канаде он продолжал развивать свои идеи на многие вопросы жизни. Он был первый из духоборческих руководителей, который ввел обычай записывать свои речи--вообще диктовал их кому нибудь. Наиболее известные из них следующие: „Разумение о Христе”, „О Значении Духоборцев”, „О Бедствиях Народных и Возможное Спасение через Учение Иисуса Христа”, „Мнение о Войне”, „Истинное Пришествие Христа”, „Тайны Мировых Законов”, „Присяга дьяволу”, „О Рождении, Жизни и Смерти Иисуса Христа” и другие. (См. Ист. Дух. Сухорева, стр. 228-253.)

Веригин считал, что из всех людских занятий, наиболее благородным и естественным является земледелие. Городскую жизнь он считал неестественной для людей: "Люди не созданы для городской жизни"--он говорил. "Труд и Мирная Жизнь"-- был его жизненным лозунгом. Эту мысль он прекрасно охарактеризовал в своем воззвании к рабочим и социалистам, где он писал:

Опомнитесь, рабочие и социалисты, и возьмитесь организовать рабочие артели на началах учения Христа--на основе гуманизма. Приобретайте небольшие клочки земли, сейте хлеб, стройте элеваторы, мукомольные мельницы. . . Стройте небольшие фабрики, дайте земледельцам дешевые плуги, культиваторы, хлебосеялки и другое. Стройтесь на началах общежития, братства. Воздвигайте небольшие лесопилки, кирпичные заводы . . . достигайте обмен вещей первой необходимости из первых рук. Удаляйте алкоголь, табак; закрывайте пул-румы, закрывайте фабрики конфет; выйдите из городов. Почему вы, рабочие, скопляетесь в города и служите рабочим скотом для эксплуататоров? Не идите в солдаты ни под каким обманом, хотя бы вас приглашал ангел с золотыми крыльями. Поймите, что убийство людей есть величайшее зло и несправедливость. Не слушайтесь призывающих к убийству. Берегите ваши честные руки от пачканья крови; они нужны вам надолго для честного труда. Да здравствует Труд и Мирная Жизнь. (См. "Новое Русское Слово", 24-го ноября 1922 года.) (П. Н. М. 169.)

Наибольшую известность Петр Васильевич приобрел как основатель "Христианской Общины Всемирного Братства". Существование общины он считал Божиим делом и посвятил всю жизнь свою ее строительству. Он считал дела общины в жнее отдельных человеческих интересов. Он объявил народу, что с этих пор он именуется Петром Господним, поясняя, что он всецело отрекся

от своих личных земных интересов и полностью посвятил свою жизнь на служение Господу. Он вполне оправдал это наименование. Его трагическая смерть служит доказательством, что он до самой смерти не изменил своему великому делу и умер на своем посту. О нем Петр Н. Малов пишет::

Кажется, что Петр Васильевич был создан природой быть вождем. Необыкновенного роста (около семи футов вышины), он был атлетически сложен и повидимому обладал необыкновенной физической силой и энергией. . . Он был глубоко религиозный человек, но не фанатического типа, очень уравновешенный и спокойный, редко переходящий в раздражение. В нем отчетливо проявлялись две сильные характеристики: он был идеалист, мечтатель и отчасти мистик, и в то же время был реалист, человек практический, и замечательный организатор, и эти, как бы противоположные черты характера сочетались в нем с удивительной пропорциональностью и уравновешенностью. Он никогда не увлекался материализмом настолько, чтобы забывать свое духовное начало и считал, что материальные предметы должны служить для жизненных потребностей и для пользы человеку, но никогда не должны переходить в предмет обожания. В то же время он верил, что всяким нашим идеям и убеждениям должны быть разумные основания. "Для общества план жизни должен быть; без плана все равно, что без глаз"--он говорил.

(См. "Духоборцы", Петр Н. Малов, стр. 166-167.)

Более окончательно, Малов в заключение отдает низкий поклон Петру Васильевичу Веригину:

Здесь я хочу сказать, что сколько бы мы ни говорили о таких людях, каким был покойный Петр Васильевич, наши слова всегда будут звучать слабо и неубедительно, потому что такие люди не поддаются никаким человеческим словам и описаниям. . . Многие духоборцы считали, а некоторые и до сих пор [1948] считают Петра Васильевича воплощением Христа. Я не стану никому навязывать эту мысль, так как это всецело зависит от внутреннего разумения каждого из нас. Но я твердо убежден в том, что если верить в перевоплощение духа Христа, то никто из выдающихся подвижников последних 19 веков не достоин этой чести

больше, чем Петр Васильевич Господний--Веригин.
 (Там же, стр. 171.)

Но таких людей, как Веригин, воплощающих в себе дух Христа--говоря в переносном смысле--в нашем мире часто распинали на кресте между двумя разбойниками.

В это время--от 1917-го до 1924-го года--духоборцы испытывали тяжелые испытания в Канаде и вся эта тяжесть падала на голову Веригина, главу Христианской Общины Всемирного Братства. Он был принужден опять подумать о возвращении на родину.

В такое страдное время, справедливость заставляла Веригина и духоборцев в Канаде подумать, что после поражения царского самодержавия в России, революционные правительства лучше всего могли бы искупить вину самодержавия перед духоборцами и дать им разрешение вернуться на родину с позволением жить соответственно своим принципам чистого христианства --по их понятию.

Но несмотря на то, что духоборцы своим пацифистским путем сделали (вместе с Толстым и толстовцами) первые шаги к поражению несправедливого духовенства и самодержавной власти в России, после революции, ни "Временное" ни "Советское" народные правительства--поясняя суть дела словами юридических комиссий--не смогли согласиться дать духоборцам исключение от воинской повинности и потому, разрешения на поселение на родине духоборцам не последовало.

И это все было в то время когда Веригин искал избавления своей Христианской Общины Всемирного Братства--себя от распятия между двумя разбойниками--от перекрестного огня, от нападения на общину с двух сторон:

С одной стороны, всякие „похождения“ отколовшихся от общины Свободников вооруженных уродливой формы „обрядом“--головством--и уродующими себя и других „таинствами“ поджигательских и взрывчатых бомб; с другой стороны, всякие „походы и подходы“ солдат, возвратившихся в Канаду после Первой Мировой войны и требующих от Веригина подписать договор для передачи духоборческой земли во владение возвратившимся с войны солдатам. Эта земля была куплена в Британской Колумбии в 1907 году, была разработана с великим трудом, на ней были поля и огороды, дома окруженные фруктовыми садами, были всякие предприятия: консервная фабрика, мельницы, лесопилки, торговые магазины, элеваторы, живой и мертвый инвентарь и т.п.--все было под вниманием коммунального хозяйства.

Противодействуя всяким посягательствам на благополучие христианской общины и защищая одно духоборческое преимущество --исключение от войнской повинности--и добиваясь одной свободы--„труд и мирная жизнь“,--Петр Васильевич Господний--Веригин пал жертвой несправедливости и преступления.

В полночь под среду 19-го октября 1924 года закончилась телесная жизнь этого идеалистического христианского

героя своего времени.

Его тело не могли сокрушить бесчисленные тюрьмы и этапные переходы в ссылках царского правительства в России. Его идеал о коммунальной Христианской жизни и учение "не-убий" не могли остановить никаких притеснения, лишения, отобрание земли, поджоги имущества и другое, и враг или враги, сочли лишение его жизни единственным средством с целью разгромить жизнь его и его последователей духоборцев.

(Ист. Дух. Сухорева, стр. 155.)

НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ СЕМЕНА В. ВЕРЕЩАГИНА

В полночь под среду 29 октября 1924 года великий вождь и благодетель Петр Господний, непобедимый борец за веру Христову и за свое духоборчество, пал жертвой на горах канадской пустыни. Там его поразила внезапная смерть от смертоносной бомбы. Рука злодея не содрогнулась перед праведником. Его могучее тело было выброшено из вагона и лежало на земле. Лежало оно одно, не при нас это случилось. Мирные леса были свидетелями его роковой смерти. Они хотели сказать: "Ты сын Божий. Ты великий борец мира сего, помер тут во мраке ночном и лежишь распостертым на земле, облитым святою кровью. Твои больные раны вопиют к небу, и скажут там, что ты за истину помер." Не осталось теперь на земле такого великого человека как он. Он был послан с неба сказать людям правду. Перед ним не могли устоять крепкие преграды. Он поразил мечем уст своих троны сильных царей. Он смертоносное оружие предал огню, чтобы более не проливать человеческую кровь на земле. Он сильно заповедал духоборцам не убивать ничего живого в пищу. Он поднял знамя мирного Царя высоко. Он был на земле мировой борец, путеводная звезда, освещая мрак. Мир и покой его святой плоти, а вечная наша память о нем, и нашего грядущего потомства останется на земле и будет реять как голубь над его святой могилой. Царствие ему небесное.

Нет смерти, нет! Живем свой день,
Затем отходим, как бы тень

Контраста, ссоры. Мира дни
Нам формируют жизнь они.
Добра частицу что творим--
Во век останется живым.
Часть пышной, славной полноты
Всевечной Господа души.

Брюно Петшелът

[Перевел с английского Г. М. Дергоусов.]

(„Духоборцы”, П. Н. Малов, стр. 285.)

VI

ВЕРИГИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

Эта тема представляет собой философские вопросы в поисках философских или рационалистических на них ответов.

Истинная христианская религия, для Петра В. Веригина, обозначает мировоззрение, в котором примерное воплощение духа и воли Иисуса Христа находит осуществление в личной и общественной жизни человека.

Знание поучений и принципов Иисуса Христа можно назвать христианской философией (или теологией), но только применение этих поучений и принципов на практике, в истинном духе Иисуса Христа, в личной и общественной жизни человека, можно назвать христианской религией.

Веригин и, принявшие его за руководителя, духоборцы были и есть приверженцы коммунального, религиозно-нравственного учения Иисуса Христа. Это они показывают принятием на себя, по совету Веригина, наименования: "Христианская община всемирного братства". (Это было в духе интернациональной солидарности--"весь людьи все братья, дай руку мне брат".)

Применение поучений и принципов Иисуса Христа на практике (религиозный подход) делая их действительными в личной и общественной жизни и противодействуя всяким узаконенным, но не справедливым, постановлениям самодержавия и духовенства и всякого другого узаконенного, но нравственно

несправедливого, эксплуатирующего человека человеком, порядка -- вот в этом и состоит вечная, непреходящая современность Иисуса Христа, -- и по преимуществу, Льва Н. Толстого и Петра В. Веригина, имеющих сходственные взгляды по отношению к действительности современности Христа.

Кстати, определим самодержавие: это дореволюционная норма правления, в которой верховная власть государя опиралась на господствующие классы дворян-помещиков и аристократии.

Современно с духоборческим движением и с деятельностью Веригина, были и другие народные движения, побужденные экономическими и социо-политическими интересами, имеющие цель освободить обездоленных людей нижних сословий от эксплуатирований высшими сословиями в русском социально-неравноправном самодержавном обществе, например: движения волнующие русский народ, начиная с восстаний декабризма в начале 19-го столетия и кончаясь революционными восстаниями в 1905-м (кровавое Воскресенье) и 1917-м (Октябрьская революция). Все эти движения происходили современно с духоборческим движением -- современно с руководством Петра В. Веригина. В этих движениях участвовали группы деятелей из сословий интеллигенции, крестьянства и рабочих по выше указанным побуждениям, как и духоборческое движение, ненасильственное, по особой причине, под руководством Веригина, побужденной учением Иисуса Христа. Движение духоборцев и толстовцев можно

принять вместе по их сходству в духовно-нравственных (непротивления злу насилием) побуждениях.

Все эти движения шли вразрез с узаконенными постановлениями государства и государственной и церковной власти, поэтому все подлежали одинаковым гонениям и наказаниям со стороны самодержавия и духовенства. Потому, не будет удивительно заметить, что, как духоборческие деятели-- Веригин самый преданный из них,--так и деятели других движений встречались вместе, когда шли тысячи верст по этапу в отдаленные места в Сибири или отбывали вместе в зверских дисциплинарных батальонах или отсиживались в невыносимых тюремных заключениях.

Разница между духоборческим (и толстовским) движением под руководительством Веригина и социо-политическом движением других сословий--в это время--в русском полу-крепостническом и полу-капиталистическом государстве, состояла в их целях и принципах и способах к достижению этих целей. Все эти движения противостояли узаконенным постановлениям царского самодержавия и всему, что поддерживало его. Но духоборцы, благодаря влиянию Веригина, разделялись с другими в том, что цель и способ духоборческого движения имели в виду образование коммунального общества по принципу "непротивление злу насилием", предпочитая "труд и мирную жизнь" и построение человеческой жизни на духовно-нравственном учении Иисуса Христа.

До сих пор мы пытаемся дать философские или рационалистические (не мистические) ответы на вопрос Веригина и его современности, не только по отношению к духоборческому обществу и их движению, но и по отношению к другим обществам и движениям. Наша задача здесь--указать образец или критерий современности Веригина имеющий связь с самыми передовыми, творческими, неизменными и непреходящими идеями и преимуществами характера, как например: стремление к общему благу, желание добра для всех, постоянной взаимопомощи и потребности в духовном общении, в мирной и творческой деятельности, которые становятся духовной и нравственной основой в личной и общественной жизни человека. Все эти творческие положительные нормы, вечно современны, потому что они вечно вступают вразрез и в противоречие со всеми другими отрицательными "нормами" собственнического общества, эксплуатации, милитаризма, человеконенавистничества, зависти, власти с позиции силы, и т.п.

Чей образец положительной современности изображал собой Петр Васильевич Веригин? Со всей крепостью плоти, ума и духа, стойкостью характера и полной решимостью воли, Веригин изображал этот образ словами апостола Павла (посл. к Фил. 1:21): „для меня жизнь--Христос". Своей жизнью Петр Васильевич старался изобразить в своей жизни характер и учение Христа, как вечного положительного духовно-нравственного современника.

Молодой его племянник, из тюрьмы, пишет Веригину письмо:

... есть слухи, что нас всех расселят по одиночке, но мы в этом будем видеть промысел Божий, потому, если высыпать меру пшеницы в одно место, особенно сухое, то оно--зерно, так и пролежит бесплодно, если же разбросать по земле, то получится большой приrost.

Веригин пишет племяннику:

... из нашей обчины должно выйти хоть немного истинных христиан. Теперь же происходит период брожения. . . За себя скажу: самой главной необходимостью считаю усвоить дух Христа, дух мира, любви, а в том, что нас расселят или выселят куда либо--дело безразличное. . . Пожелаем друг другу возродиться от Христа, став его сообщниками в смиренной и доброй жизни. (См. "Письмо 42".)

Следуя "Одному" единственному, положительному духовно-нравственному "Вечному Современнику", Толстой в художественном творчестве и Веригин в христианской деятельности верили, что в качестве единственно возможного способа преодоления общественного зла, царящего в мире, нужно было выдвинуть религиозно-нравственные совершенствования людей и их братское, христианское единение любви и духовное согласие между ними.

Толстой выдвигал эту положительную, духовно-нравственную современность, как художник слова, соединяя художество с проповедью религиозно-нравственного учения, особенно после перелома в его мировоззрении 80-х и 90-х годах, 19-го столетия, например: народные рассказы печатанные в его "Посреднике", запрещенные царской цензурой: "Где любовь, там и Бог", "Чем люди живы", "Сказка об Иване дураке", и многое других;

повести: "Отец Сергей", "Дьявол", и роман "Воскресение", которые были напечатаны и проданы "как можно дороже" и деньги были переданы в комитет (Черткову) для переселения духоборцев в Канаду; повести: "Хаджи-Мурат", "Смерть Ивана Ильича"; народная драма: "Власть тьмы"; комедии: "Плоды просвещения", "Нигилист"; проповеди: "Исповедь", "Комментарий Евангелия", "О жизни" и особенно "Царство Божие внутри вас", которое произвело неизмеримое впечатление на Петра Васильевича Веригина.

Этот список немногих, примерно избранных произведений, показывает сходственность Толстого и Веригина в их религиозно-нравственных учениях, хотя каждый излагал это учение по своему, характерно различными способами.

Толстой вкладывал свои религиозно-нравственные идеи в литературно-художественные произведения с намерением распространить их в более обширных мировых масштабах--часто запрещенных царской цензурой, они тем более распространялись заграницей толстовцами, например: Павлом Бирюковым, Владимиром Чертковым, Анной Чертковой и другими. Деятельность Толстого была преимущественно деятельность писателя.

Веригин, в свою очередь, передавал свои религиозно-нравственные учения и советы в письмах, пересыпая их часто по почте под псевдонимом, во избежание царской цензуры. Часто вручал письма посещавшим его братьям и друзьям, или устно передавал поручения и советы для исполнения

христианских учений. Царская цензура редко пересекала такие способы сообщения.

Каким же способом Веригин и массы из духоборцев очутились в ссылках, в тюрьмах и дисциплинарных батальонах? Способ или причина были одни для всех духоборцев--по совету Веригина и по своему убеждению они решили, на самом деле, отказаться от всех тех "законных" повелений начальства, которые противоречили учению Иисуса Христа. Заповеди для духоборцев имели преимущество над человеческими законами.

По совету Веригина, следовать учению Иисуса Христа, солдаты отдали ружья начальству и отказались от воинской повинности и следуя им, так же по совету Веригина, все духоборцы большой партии сожгли все убийственные орудия, включая ружье Веригина. Эти решения исполнялись несмотря на последствия. Толстой, как художник писатель, морально поддерживал Веригина, как реалистического деятеля учения Иисуса Христа, в своих произведениях и письмах.

В Канаде духоборцы большой партии держатся этого решения до сего времени. Они не изменяют своих наименований: "Христианская Община Всемирного Братства" и "Союз Духовных Общин Христа". Духовно-нравственная современность Веригина тесно связана с духоборческим движением. Духоборцы терпели отступничество со стороны личностей и групп. Были разделения и расколы, но нет изменения среди духоборческих руководителей, в их преданности учению Иисуса Христа--самый преданный

последователь был Петр Васильевич. Если духоборцы забудут Петра Васильевича Веригина в его преданности учению Иисуса Христа, духоборчество может духовно и нравственно иссякнуть, но не жизненная современность Петра Васильевича Веригина.

RESUME

Un résumé est un abrégé. A l'égard de notre thèse, de quoi est-ce un abrégé? L'intention primordiale de notre thèse étant d'indiquer l'importance du développement progressif, d'abord oral ensuite littéraire et idéologique de la tradition chrétienne des Doukhobors; tradition qui au cours de l'histoire devint, non seulement indépendante, mais aussi en contradiction, avec l'enseignement et le déploiement de luxe de la chrétienté Catholique Grecque Byzantine, la plus ancienne de tous les temps. De ce mouvement naquirent plusieurs sectes distinctives de la tradition chrétienne, l'une d'elles devint celle du groupe historique des Doukhobors. Cette dissertation est le principal et l'intérêt continu de notre thèse.

Tout d'abord, cette tradition des Doukhobors fut introduite par des professeurs religieux, lettrés et capables de lire et traduire l'Ecriture Sainte, par contre leurs convertis, paysans, serfs et travailleurs de force étaient, pour ainsi dire, illétrés. Ne sachant ni lire, ni écrire, ils ne se fiaient qu'à leur mémoire pour se souvenir de l'enseignement de l'Ecriture Sainte. C'est ainsi que naquit une étude religieuse orale qui attira et plût aux gens du peuple pauvres et humbles, à cause de sa simplicité de l'enseignement moral et spirituel. En parlant de ces gens-là,

Jésus ne disait-il pas: "Bénis soient les pauvres d'esprit, car le royaume des cieux est à eux". Possédant cet esprit chrétien dans leur coeur et leur âme, ils pensèrent qu'ils pouvaient se libérer et s'éloigner des rites pompeux de l'Eglise Orthodoxe Russe.

Bien entendu, nous ne nous sommes pas éloignés des dossiers historiques qui expliquent comment ce mouvement essentiellement de tradition orale grandit, se développa, et un jour devint littéraire, malgré tout la coutume d'enseigner oralement a subsisté même jusqu'à nos jours, et est restée encore très effective dans la façon dont les Doukhobors perpétuent leur liturgie; leur pensée: "Que toute parole soit écrite dans votre coeur et diffusée par votre bouche", explique que l'enseignement oral doit se perpétuer, même si les gens deviennent instruits et lettrés. Pour assister à leur service religieux les Doukhobors n'ont ni besoin d'un missel, ni même d'un simple morceau de papier. Ils connaissent tous les rites par cœur.

Et maintenant, nous voici arrivés au résumé, à l'abrégué. Les trente premières pages de notre thèse présente l'histoire des Doukhobors pendant cette époque, où la tradition orale fut prédominante. Après que cet enseignement oral fut collectionné et recueilli par le sociologue Russe Vladimir Bonch-Bruyevitch en 1909, et groupé dans un livre intitulé "Le Livre Vivant", il devint alors littéraire. Les

guides religieux des Doukhobors pendant cette époque d'enseignement basé sur la parole furent, par ordre chronologique: un ancien officier de l'armée, et absolument inconnu; Sylvan Kolesnikov; Ilarion Pobirokhin; Savyly Kapoustine et Loukeria Kalmykova.

L'enrichissement littéraire de l'enseignement par la parole fut commencée par le plus grand maître des Doukhobors, Peter Vasilyevich Verigin, de trente ans plus jeune que Léo N. Tolstoy et né en 1858 dans le village de Slavianka au delà du Caucase. Nous dévouons les pages trente à cinquante de notre thèse à sa biographie, son instruction et son éducation dans la tradition de la culture orale des Doukhobors, tradition qu'il défendit, même après être devenu un homme littéraire et un écrivain.

La carrière littéraire de Verigin commença pendant son exil, d'abord dans une ville appelée Shenkursk dans la péninsule Kola, de la province d'Arkhangelsk et plus tard à Obdorsk, dans la partie nord-est éloignée de la province de Tobolsk. C'est durant son exil qu'il révéla à ses amis et collaborateurs son idéologie littéraire, basée sur l'enseignement chrétien. Les archives de ses seize années d'exil occupent les pages cinquante à soixante-neuf de notre thèse. Il eut de nombreux collaborateurs, avec que il resta, grâce à ses lettres, en étroites relations. C'étaient Léo Tolstoy et ses adeptes P. I. Biryukov, Evgeny Popov, Ivan M. Tregubov,

Nikolai T. Izumtchenko et quelques autres. A ceux-là l'on peut ajouter plusieurs frères Doukhobors, qui lui rendirent visite durant son exil, souvent secrètement et auxquels il confia quelques tâches à accomplir. Parmi ces derniers il y avait ses frères Vasily et Grigory, ce dernier, plus tard, écrivit un livre intitulé "Dieu, non en puissance, mais en vérité".

Cependant, la contribution la plus importante de Verigin à l'idéologie chrétienne a été ses lettres--plus de soixante-dix--et plus tard, plusieurs autres écrits enregistrés par des hommes littéraires auxquels il avait écrit. Toutes ces lettres, pendant seize années d'exil, furent envoyées par la poste ou, pour éviter la censure des autorités si vigilantes, confiées à des amis et des fidèles venus le visiter. L'étude des lettres de Pierre Verigin couvre plus de quatre-vingts pages de notre thèse (page soixante-neuf à cent quarante-huit). Ces lettres furent collectionnées, groupées et commentées sous la maîtrise de Vladimir Bonch-Bruyevitch et publiées, en Angleterre, par Vladimir et Anna Tchertkov. Ces lettres étaient adressées à une multitude de gens, à des frères Doukhobors emprisonnés, dans des régiments disciplinaires, d'autres en exil; quelques unes furent envoyées aussi à Léo Tolstoy et à beaucoup de ses amis et collaborateurs; même à des soldats, et à des fonctionnaires, à des Quakers en Angleterre, et surtout à l'Impératrice

Aleksandra Feodorovna Romanova, femme de Nicholas II. Ces lettres décrivent toutes des sentiments essentiellement humains--angoisse, intérêt, détermination, esprit de sacrifice, humilité, espoir, amour, charité et quelquefois même humour--mais jamais ressentiment, fierté, exigence ou commande, colère ou revanche, désespoir ou abandon.

A partir de la page cent quarante-huit et jusqu'à la page cent soixante dix-neuf de notre thèse, nous avons assemblé les souvenirs de Pierre Verigin, ~~souvenirs des personnes qui l'ont connu dans différents passages de sa vie, avant qu'il ne soit assassiné au Canada en 1924. Ceux que le connurent et écrivirent à son sujet furent: Professeur G. Klotchkov de Russie, 1906; Commissionnaire William Blackmore de Canada, 1912; fermier Théodore Berendsen de Brilliant, B. C., et quelques autres.~~

Le reste de notre thèse essaye soigneusement d'évaluer la vie et l'idéologie de Pierre Verigin, ~~et sa signification par rapport à notre vie morale et spirituelle contemporaine.~~

БИБЛИОГРАФИЯ

Бирюков, Павел И. Положение Духоборцев на Кавказе. Издание В. Черткова. Свободное Слово № 4, 1897. Англия.

Бонч-Бруевич, Владимир. Животная Книга. Материалы к изучению русского сектанства. Типография Виннипег, Канада, 1954.

Веригин, Григорий В. Не в Силе Бог, а в Правде. С предисловием П. И. Бирюкова, 1931. Онэ, Швейцария.

Веригин, Петр Васильевич. Письма. Под редакцией Владимира Бонч-Бруевича. С предисловием В. и А. Чертковых, 1901. Издание Свободного Слова, Гантс, Англия.

Зибаров, Н. Сожжение Оружия Духоборцами. Рассказ. Записанный В. и А. Чертковыми, 1899. Издание Свободного Слова № 28. Гантс, Англия.

Изюмченко, Н. Т. В Дисциплинарном Батальоне. Издание Свободного Слова. Под редакцией В. Черткова № 79. Гантс, Англия.

Ливанов, Федор В. Раскольники и Острожники. Очерки и рассказы, Том 2. Санктпетербург, 1872.

Малов, Петр Н. Духоборцы, их История, Жизнь и Борьба. К 50-летию пребывания Духоборцев в Канаде. Printed by J. Regher, North Kildonan, Manitoba, Canada.

Новитский, Орест. Духоборцы. Первое издание, 1832; второе издание, 1882. Киев, Украина.

Сухорев, В. А. История Духоборцев. 1944. Printed by J. Regher, North Kildonan, Manitoba, Canada.

Толстой, Лев Николаевич. Великий Грех. О земельной собственности. Издание Свободного Слова № 98. Под редакцией В. Черткова. Гантс, Англия.

. Письмо Начальнику Дисциплинарного Батальона. Из произведения В. Черткова "Духоборцы в Дисциплинарном Батальоне", стр. 41. Издание Свободного Слова, 1902. № 53. Гантс, Англия.

. Царство Божие Внутри Вас. С Издания Свободного Слова № 9, под редакцией В. Г. Черткова, 1908. Гантс, Англия.

Где Брат Твой? Об отношении русского правительства к людям не могущим быть убийцами. Издание Черткова, 1902, Гантс, Англия.

На Войну. Записки Призывного, 1904. Издание Свободного Слова, № 94, под редакцией В. Черткова, Гантс, Англия.

Чертковы, В. и А. Духоборцы в Дисциплинарном Батальоне. Издание Свободного Слова. Гантс, Англия, 1902.

Evalenko, A. M. The Message of the Doukhobors. The International Library Publishing Co., New York, 1913.

Iskra. Published Weekly by The Union of Spiritual Communities of Christ. Box 760, Grand Forks, British Columbia, Canada.

Stoochnoff, John Philip. Doukhobors As They Are. The Ryerson Press, Toronto, Canada, 1961.

Tchertkoff, Vladimir. Christian Martyrdom in Russia. With chapter and letter by Leo N. Tolstoy. The Free Press, Malden, Essex, London, 1900.

Woodcock, George and Ivan Ivakumovic. The Doukhobors. Toronto/New York. Oxford University Press, 1968.